

КРИСТОФЕР
ПАОЛИНИ

ПОТУСТОРОННУ
ЗВЕЗДА

КНИГА 1

«ПОРАЖАЕТ ПОТУСТОРОННИМИ КРАСОТАМИ
И НЕЗЕМНЫМИ КОШМАРАМИ» — **NEWSWEEK.**

По ту сторону звезд

Кристофер Паолини
По ту сторону звезд

«РОСМЭН»

2020

УДК 821(94)-312.9
ББК 841-445.12

Паолини К.

По ту сторону звезд / К. Паолини — «Росмэн», 2020 — (По ту сторону звезд)

ISBN 978-5-353-09923-9

Новый проект от Кристофера Паолини – автора легендарного цикла «Эрагон». Кира Наварес всегда мечтала сделать какое-нибудь потрясающее открытие в новых мирах. Однажды во время обычной исследовательской миссии она находит инопланетную реликвию, однако ее восторг оборачивается настоящим ужасом. В то время как Кира борется со своими собственными кошмарами, Земля и ее колонии оказываются на грани уничтожения. Теперь Кира может стать величайшей и последней надеждой человечества...

УДК 821(94)-312.9
ББК 841-445.12

ISBN 978-5-353-09923-9

© Паолини К., 2020
© Росмэн, 2020

Содержание

Часть первая	9
Глава I	9
1	9
2	10
3	13
Глава II	17
1	17
2	19
3	21
4	24
Глава III	29
1	29
2	29
3	35
4	38
Глава IV	41
1	41
2	42
3	44
Глава V	46
1	46
2	47
3	48
4	53
5	55
Глава VI	59
1	59
2	60
3	61
4	63
5	64
6	66
Глава VII	67
1	67
2	69
Глава VIII	73
1	73
2	76
Глава IX	78
1	78
2	83
3	84
4	87
5	88
Интерлюдия I	94
1	94

2	96
3	97
4	98
Часть вторая	100
Глава I	100
1	100
2	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

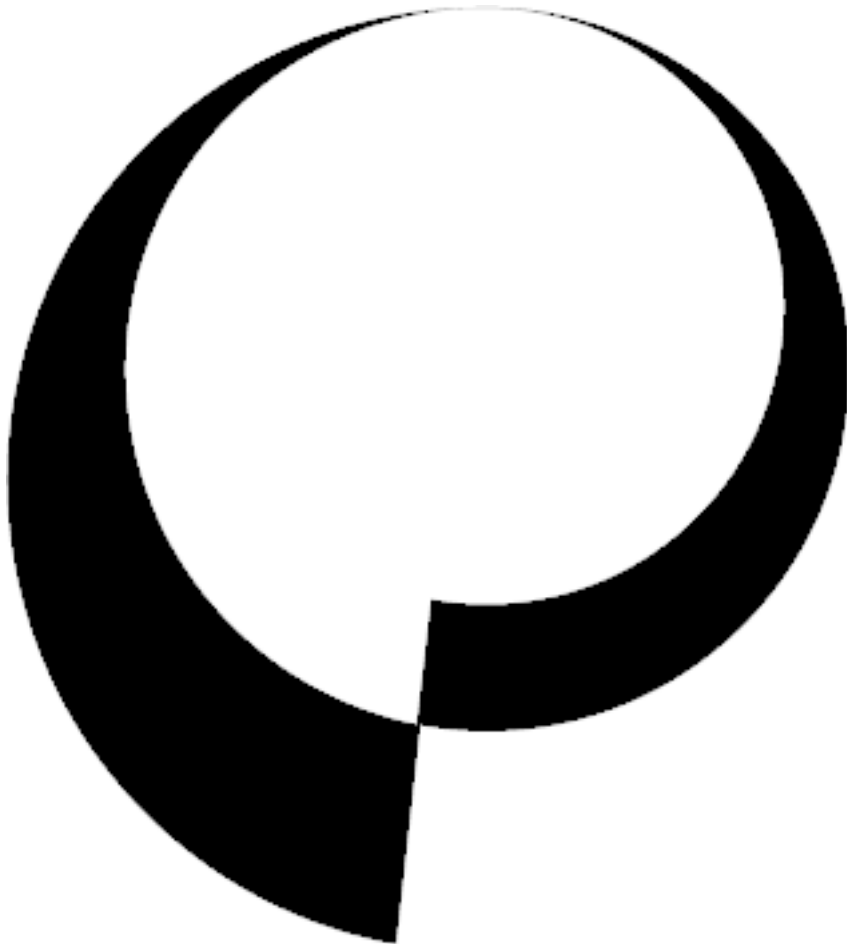
Кристофер Паolini
По ту сторону звезд. Книга 1. роман
КАК ВСЕГДА, ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ СЕМЬЕ

*А также ученым, инженерам и мечтателям, которые готовят
нам будущее среди звезд*

Christopher Paolini
TO SLEEP IN A SEA OF STARS

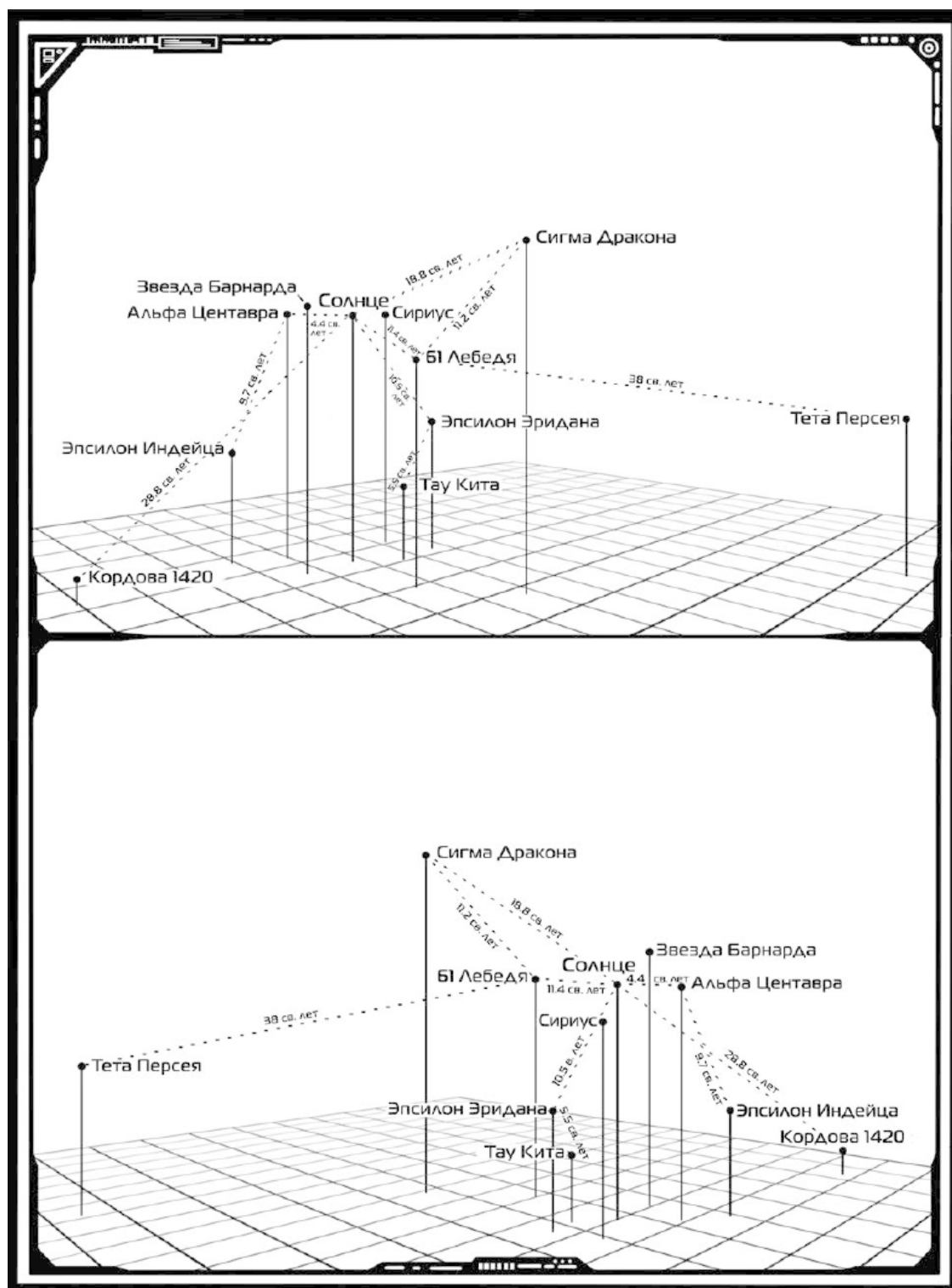
Copyright © Christopher Paolini, 2020
This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency.

© Л. Б. Сумм, перевод, 2021.
© ООО «РОСМЭН», 2021

Фрактально-поэтическая эпопея

<u>Лига союзных миров</u>		<u>Вне Лиги</u>
• Солнце	• Сигма Дракона	• Кордова 1420
	• Адрастия	
• Альфа Центавра	• Тета Персея	• Тау Кита
• Мир Стюарта	• Талос VII	• Шин-Зар
• Эпсилон Эридана	• 61 Лебедя	
• Эйдолон	• Руслан	
• Эпсилон Индейца		
• Вейланд		

Часть первая

Exogenesis¹

*О, рожденный от крови всевышних,
Сын Анхиза, поверь: в Аверн спуститься нетрудно,
День и ночь распахнута дверь в обители Дита.
Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться —
Вот что труднее всего!*
ВЕРГИЛИЙ. ЭНЕИДА², КНИГА VI, 126–129

Глава I

Сны

1

Оранжевый газовый гигант Зевс низко висел над горизонтом – огромный, тяжелый, налитой тусклым и ржавым светом. Вокруг него мерцало множество звезд, ярко проступавших на черноте неба, а под неусыпным оком гиганта простиралась серая пустыня, усеянная камнями.

В этой почти безжизненной местности жались друг к другу несколько построек. Своды, туннели, оранжереи с окнами – тепло и жизнь, одинокие, выгороженные в чуждой им среде.

В тесной лаборатории исследовательской базы Кира пыталась вытащить из стенной ниши секвенатор. Машинка была некрупная, но тяжелая, и Кире никак не удавалось ее хорошенько ухватить.

– Черт, – пробормотала она и поменяла позу.

Большая часть приборов останется здесь, на Адрастее, спутнике Зевса, размером примерно с Землю, где последние четыре месяца проводились полевые исследования. Но кое-что придется взять с собой. Секвенатор входил в основное снаряжение ксенобиолога – куда Кира, туда и он. Кроме того, колонисты, которые скоро прибудут на «Шакти-Ума-Сати», привезут с собой новые модели, получше, чем эта бюджетная экспедиционная модель, выданная ей компанией.

Кира снова потянула прибор на себя. Пальцы соскользнули, она резко втянула в себя воздух – металлический край оцарапал ладонь. Отпустив прибор, Кира осмотрела руку и обнаружила тонкую струйку крови, кожа была содрана.

Гневно стиснув губы, Кира стукнула по секвенатору изо всех сил, но и это не помогло. Сжав раненую руку в кулак, Кира принялась расхаживать по лаборатории, сердито пытая и ожидая, пока стихнет боль.

В обычный день такого рода «бунт машин» ее бы не разозлил. В обычный день, но сегодня страх и печаль затмевали ее разум. Утром они отбывают, возвращаются на свой корабль, «Фиданцу», который уже вышел на орбиту Адрастеи. Еще несколько дней, и все десять членов исследовательской команды погрузятся в криосон, а когда очнутся в системе Шестьдесят первой Лебеда, двадцать шесть дней спустя, каждый пойдет своим путем, и они с Аланом не

---

¹ Дословно «внешнее происхождение» (греч.). Гипотеза экзогенеза в астробиологии утверждает, что жизнь зародилась не на Земле и была занесена на нашу планету из космического пространства.

² Пер. С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского.

увидятся... как долго, этого она знать не могла. Пройдут месяцы, а если не повезет, то и год с лишним.

Кира закрыла глаза, запрокинула голову. Вздохнула, и вздох превратился в стон. Сколько бы раз они с Аланом ни проделывали па этого танца, легче не становилось. Скорее, наоборот, она уже ненавидела расставания, просто ненавидела. В прошлом году они познакомились на большом астероиде, где корпорация «Лапсанг трейдинг» собиралась заняться разработкой полезных ископаемых. Алан проводил там геологические изыскания. Четыре дня всего-то и провели они вместе на астероиде. Поначалу внимание Киры привлек смех Алана, а еще шапка медного цвета волос, но покорила ее та тщательность, скрупулезность, с какой он делал свою работу. Алан был отличным профессионалом и не терял голову в сложных ситуациях.

К тому времени Кира так долго была одна, что уже уверилась: никогда ей не найти пару. И вдруг словно чудом Алан вошел в ее жизнь, и у нее появился человек, о котором она все время думала. Человек, который думал о ней.

Они продолжали общаться, посылали голограммы с длинными сообщениями от звезды к звезде, и благодаря удаче, а также некоторому навыку бюрократических маневров они еще несколько раз получали назначение в одну и ту же команду.

Но всего этого было недостаточно. Им обоим было недостаточно.

Две недели назад они подали руководству компании заявление с просьбой отныне назначать их в экспедиции вместе, как пару, но будет ли это заявление одобрено? Никаких гарантий. Корпорация «Лапсанг» слишком быстро распространялась, росла по всем направлениям, людей посылали то туда, то сюда.

Если же им откажут... тогда, чтобы подолгу быть вместе, им придется сменить работу, найти такую, которая не требует постоянных путешествий. Кира была к этому готова, она даже проверяла на прошлой неделе вакансии в сети, но не решалась просить Алана отказаться ради нее от карьеры в компании. Сейчас еще нет.

Пока им оставалось лишь ждать решения руководства. С учетом того, сколько времени понадобится, чтобы их сообщение добралось до альфы Центавра, плюс неторопливость кадрового отдела, ответ придет самое раннее в конце следующего месяца. К тому времени и ее, и Алана уже отправят в разные стороны.

Какая досада! Единственное утешение – сам Алан. Ради него можно было и потерпеть. Но Кира так хотела остаться с ним вдвоем и не тревожиться больше о всякой ерунде.

Ей припомнилось, как Алан впервые обнял ее, как чудесно она чувствовала себя – в тепле, в безопасности. И письмо, которое он написал ей после первой встречи, – такое искреннее, прочувствованное. Никто прежде не вкладывался так в отношения с Кирой, а у Алана всегда находилось время для нее. Всегда заботился о ней в большом и малом, например, собственноручно сделал ей чемоданчик для переносной лаборатории перед тем, как ее отправили к северному полюсу Адрастеи. Воспоминания вызвали у Киры улыбку. Но рука все еще болела, и никак не удавалось забыть о том, что принесет им с Аланом следующее утро.

– Давай, паршивец! – воскликнула она, шагнула к нише, где хранился секвенатор, и дернула со всей силы.

Возмущенно заскрежетав, прибор поддался наконец.

2

Вечером того же дня команда собралась в столовой отпраздновать завершение экспедиции. Настроение у Киры было не праздничное, но традиции надо соблюдать. Удачно прошла экспедиция или нет, ее окончание стоило отметить. Кира надела платье – зеленое с золотой отделкой – и целый час возилась с волосами, взбивая на голове гору локонов. Получилось неидеально, но она знала, что Алан оценит ее старания. Он всегда замечал.

Она была права. Едва Алан завидел Киру в коридоре возле ее каюты, лицо его вспыхнуло от радости и он крепко обнял любимую. Кира уткнулась лбом ему в грудь и сказала:

– А можем и не пойти на вечер.

– Конечно, – согласился он, – но хоть ненадолго показаться надо.

И поцеловал ее.

Кира выдавила улыбку:

– Ладно, твоя взяла.

– Умница девочка. – Он улыбнулся в ответ, заправил выбившуюся прядь ей за левое ухо.

Кира проделала то же самое с одним из его локонов. Ее все еще изумляло, насколько яркие у него волосы, особенно по сравнению с бледной кожей лица. В отличие от своих товарищей, Алан никогда не покрывался загаром, сколько бы времени ни проводил под открытым небом или в космическом корабле под лампами полного спектра.

– Хорошо, – сказала она тихо. – Идем.

Столовая была уже заполнена людьми. Остальные восемь членов исследовательской команды собрались вокруг узкого стола, из колонок бил обожаемый Юго скрэм-рок. Мари-Элиза раздавала кружки с пуншем, наливая напиток из большой пластиковой чаши, а Джинан отплясывал так, словно потребил литр самогона, – возможно, и правда успел.

Кира крепче обхватила Алана за талию и постаралась придать лицу жизнерадостное выражение. Момент был неподходящий для того, чтобы предаваться унынию. Момент неподходящий, но она ничего не могла с собой поделать.

Сеппо напрямик устремился к ним. Ради вечернего мероприятия ботаник стянул волосы в узел, и оттого еще отчетливее проступили угловатые черты его узкого лица.

– Четыре часа, – сказал он, подходя вплотную. Немного пунша выплеснулось из кружки, когда он махнул рукой. – Четыре часа провозился, пока высвободил краулер из песка!

– Извини, Сеппо, – немного удивленно ответил Алан. – Я тебе говорил, мы никак не могли добраться до тебя раньше.

– А, да что там! Песок попал даже под скинсы³. Знаешь, как противно? Натерло кожу в самых неожиданных местах. Смотрите!

Он приподнял полы обтрепанной рубашки, демонстрируя покрасневшую кожу на животе, там, где в нее врезался нижний шов скинсьюта.

Кира вмешалась:

– Знаешь что – давай я куплю тебе выпивку на «Выборге» в порядке компенсации. Идет?

Сеппо поднял руку и ткнул пальцем то ли в Киру, то ли в ее спутника:

– Это будет достойная компенсация. Но чтоб больше ни песчинки!

– Ни песчинки! – согласилась она.

– А ты, – продолжал Сеппо, теперь направив палец на Алана, – ты... учти!

Ботаник поплелся прочь, а Кира вопросительно оглянулась на Алана:

– Что это было?

– Понятия не имею, – засмеялся Алан. – Но странно будет без него с этими его штучками.

– Ага.

Выпив и поболтав с приятелями, Кира отошла в дальний угол, прислонилась к стене. Ужасно было вновь расставаться с Аланом, но и с другими членами команды прощаться тяжело. За четыре месяца на Адрастее они превратились в семью. Странную семью, семью чудиков, но все же дорогую ее сердцу. Расставание причинит боль, и чем ближе подступал этот момент, тем яснее Кира понимала, насколько острой будет эта боль. Она сделала еще один долгий глоток пунша со вкусом апельсина. Сколько раз довелось ей проходить через все это

---

³ Прилегающий к телу комбинезон, выполняющий роль легкого скафандра.

– Адрастее не первая потенциальная колония, куда компания отправляла ее на разведку, – и после семи лет перелетов с одной проклятушей каменюки на другую Кира ощущала глубокую нужду в друзьях. Семье. Товариществе.

А теперь снова придется оставить все это позади. В очередной раз.

Алан испытывал те же чувства. Она могла угадать это по его глазам, когда он обходил столовую, заговаривая то с тем, то с другим членом экипажа. Она подумала, что кто-то из них, вероятно, тоже опечален, но заглушает грусть выпивкой, и танцами, и смехом – слишком пронзительным, чтобы поверить в его искренность.

Кира скривилась и допила остатки пунша. Пора долить. Скрэм-рок грохотал яростнее прежнего. Солистка группы «Тодэш⁴ и мальчишки», завывала: «Бежааать. И нет ничего у двери, эй, ничего у двери. Крошка, что там стучится в дверь», голос ее карабкался все выше, к дрожавшему, зубчатому, словно пила, крещендо – как только голосовые связки не порвутся.

Кира оттолкнулась от стены и хотела подойти к чаше с пуншем, но увидела, что к ней пробирается Мендоса, начальник экспедиции. Он легко прокладывает себе путь: торс словно бочонок. Кира предполагала, что Мендоса рос на планете, где сила тяжести заметно превышает земную, например на Шин-Заре, но когда она прямо спросила об этом, начальник ответил: ничего подобного, он родом с кольцевой космической станции, построенной где-то поблизости от альфы Центавра. Поверила ли она ему? Кира и сама толком не знала.

– Надо поговорить, – заявил Мендоса, подходя вплотную.

– О чем?

– Есть проблема.

Кира фыркнула:

– Когда ж оно обходилось без проблем.

Мендоса пожал плечами и утер лоб платком, который вытащил из заднего кармана брюк. На его лбу мерцали яркие отблески светящихся цветных гирлянд, подвешенных к потолку, а под мышками расплывались влажные круги.

– Не стану с вами спорить, но эту конкретную проблему нужно устранить. Один из дронов на юге вышел из строя. Похоже, сбит ураганом.

– Так что? Пошлите другой.

– Это слишком далеко, к тому же нет времени напечатать замену. Перед падением дрон обнаружил вдоль линии берега какую-то органику. Нужно проверить, пока мы тут.

– Да полно! Хотите, чтобы я завтра помчалась туда? Я уже классифицировала всех микробов на Адрастее до последнего.

Эта прогулка лишит ее возможности провести последнее утро с Аланом. Да будь она проклята, если откажется хоть от часа того времени, что им осталось побыть вместе.

Мендоса глянул на нее из-под бровей пристально: мол, со мной не шути.

– Правила есть правила, Кира. Нельзя допустить, чтобы колонисты наткнулись на какую-нибудь гадость, на Бич, например. Вы же не хотите иметь такое на своей совести – верно говорю?

Кира хотела отпить еще глоток, но спохватилась: кружка же пуста.

– Господи, пошлите Иванову. Она отвечает за дроны, а с чип-лабораторией управится не хуже меня. Это...

– Отправитесь вы. – В голосе Мендосы зазвучала сталь. – В шесть ноль-ноль, и больше я ничего не желаю об этом слышать,

Слегка смягчившись, он добавил:

– Жаль, что так получилось, но вы ксенобиолог, а правила...

---

⁴ Тодэш в лексиконе Стивена Кинга – прыжок между мирами, а также пустоты пространства, где обитают монстры.

– А правила есть правила, – закончила за него Кира. – Да-да. Значит, отправлюсь. Но заранее могу сказать: в этом нет никакого смысла.

Мендоса похлопал ее по плечу:

– Тем лучше. Я тоже надеюсь, что там ничего нет.

Он ушел, а на периферии зрения перед Кирой вспыхнула надпись: *<Эй, малыш, все в порядке? – Алан>*.

Она мысленно продиктовала ответ: *<Да, все хорошо. Дополнительная работа. Потом расскажу. – Кира>*.

С другого конца комнаты он добродушно показал ей выставленные вверх большие пальцы, и по лицу Киры вопреки всему расплзлась улыбка. Потом она сосредоточила взгляд на чаше с пуншем и направилась к ней по прямой. Ей срочно требовалась вторая порция.

Мари-Элиза, двигавшаяся с заученной грацией бывшей танцовщицы, перехватила Киру у самой чаши. Как всегда, губы ее чуть кривились, словно Мари-Элиза вот-вот улыбнется или отпустит ехидную шуточку (Кира уже немало их выслушала). От природы немалого роста, да еще на блестящих черных шпильках (туфли распечатала на 3D-принтере специально к вечеру), Мари-Элиза оказалась на голову выше Киры.

– Я буду скучать по тебе, *chérie*⁵, – сказала она, наклонилась и расцеловала Киру в обе щеки.

– И я тоже, – ответила Кира, растрогавшись.

Кроме Алана, теснее всего она сблизилась в этой экспедиции с Мари-Элизой. Они целые дни проводили вместе в полевых исследованиях: Кира изучала микроорганизмы, а Мари-Элиза – озера, реки и подземные водоемы.

– Ну, приободришься! Ты же будешь мне писать? Хочу знать все про тебя и Алана. И я буду писать тебе. Уговор?

– Обещаю.

Остаток вечера Кира изо всех сил старалась не думать о будущем. Танцевала с Мари-Элизой. Обменивалась шутками с Джинаном и подколками с Файзелем. В тысячный раз похвалила поварское искусство Юго. Состязалась в армрестлинге с Мендосой и проиграла. Пела дуэтом с Ивановой – чудовищно, мимо нот. И каждый раз, улучив минутку, обхватывала Алана рукой за талию. Но и когда они не говорили друг с другом, даже не смотрели друг на друга, она чувствовала его присутствие и успокаивалась от его прикосновения.

После изрядной дозы пунша друзья уговорили Киру достать концертину. Колонки выключили, все собрались вокруг – Алан сбоку от Киры, Мари-Элиза упираясь ей в колени, – и Кира сыграла им свою подборку космических кадрилей. И все смеялись, и танцевали, и пили, и им было хорошо – по крайней мере, пока.

3

Уже далеко за полночь, хотя вечеринка была еще в полном разгаре, Алан подал Кире сигнал, коротко кивнув. Она поняла, и, не сказав больше ни слова, они выскользнули из столовой.

Обнявшись, они прошли по базе, свободной рукой каждый осторожно нес свою кружку пунша. Опустевшие коридоры выглядели непривычно. Обычно тут громоздились запасы, ненужное в данный момент оборудование, образцы, которые еще не успели разобрать. За последнюю неделю Кира и ее товарищи все убрали, готовясь к отъезду. Если бы не музыка, игравшая у них за спиной, и не тусклая подсветка вдоль стен, указывавшая им путь, база казалась бы заброшенной.

---

⁵ Дорогая (франц.).

Кира поежилась и крепче обняла Алана. За стенами выл ветер, от его порывов скрипела даже крыша.

Когда они подошли к гидропонной теплице, Алан не сразу нажал отпирающую кнопку – он поглядел на Киру, и улыбка заиграла у него на губах.

– Что такое? – спросила она.

– Ничего. Просто счастлив быть с тобой. – Алан быстро поцеловал ее в губы.

Она потянулась поцеловать его в ответ – благодаря пуншу настроение улучшилось, – но Алан, смеясь, уклонился от поцелуя и нажал на кнопку.

Дверь заскользила в сторону с глухим чмоканьем.

Их окружил теплый воздух, тихо капала вода, сладко пахли цветущие растения. Гидропонная теплица была любимым местом Киры на базе. Она напоминала ей дом, ряды парников, где она провела столько времени в детстве на колонизированной планете Вейланд. Во время длительных экспедиций, как эта их миссия на Адрастею, выращивать часть своей еды самим входило в стандартную процедуру. С одной стороны, это позволяло проверить плодородность местной почвы, а с другой – сокращало объемы припасов, которые необходимо было брать с собой. Но главное – удавалось скрасить чудовищное однообразие сухих пайков, которыми снабжала их компания.

Завтра Сеппо повыдергивает растения и бросит их в мусоросжигатель. Ни одно растение не смогло бы дожить до появления здесь колонистов, и ни в коем случае нельзя оставлять биоматериал там, где – в случае, если границы базы почему-либо окажутся нарушены, – он может без всякого контроля смешаться с окружающей средой. Но сегодня в теплице еще росли салат, редис, и петрушка, и помидоры, теснились друг к другу цукини и прочие овощи, с которыми Сеппо экспериментировал на Адрастее.

И это еще не все. Среди тускло освещенных стеллажей Кира заметила семь горшков, образующих арку. Из каждого горшка поднимался высокий тонкий стебель с нежным лиловым цветком, клонившимся под собственной тяжестью. Из каждого бутона выступали прижатые друг к другу усыпанные пылью тычинки – словно вспышка петард – с белыми пятнышками внутри бархатистых глубоких горлышек.

Полночное созвездие! Ее любимый цветок. Отец выращивал их, и даже ему, талантливому садовнику, эти цветы причиняли немало хлопот. Капризные, подхватывающие любую болезнь, не переносящие малейшего нарушения в составе питательных веществ.

– Алан! – выдохнула она, потрясенная.

– Я запомнил, как ты говорила, что они тебе нравятся, – сказал он.

– Но... но как ты сумел...

– Вырастить их? – Он улыбнулся, явно обрадованный ее волнением. – Сеппо мне помог. У него был запас семян. Мы три недели бились, чтобы не дать окаянным цветочкам помереть.

– Они чудесные. – Кира даже не пыталась скрыть чувства.

Алан прижал ее к себе.

– Вот и хорошо, – пробормотал он, касаясь губами ее волос. – Я хотел приготовить для тебя что-то особенное, прежде чем...

Прежде чем. Эти слова вспыхнули у нее в мозгу.

– Спасибо, – сказала Кира. Она отошла от Алана – на минуту, лишь затем, чтобы рассмотреть цветы. Их пряный, приторный аромат обрушился на нее мучительной ностальгией по детству. – Спасибо, – повторила она, возвращаясь к Алану. – Спасибо, спасибо, спасибо!

Она прижалась губами к его губам, и они замерли в поцелуе.

– Сейчас, – сказал Алан, когда они прервались, чтобы вздохнуть.

Он вытащил из-под стойки с кустиками помидоров теплоизоляционный матрас и расстелил его под аркой Полночных созвездий.

Они сели рядом, прижавшись друг к другу, неспешно прихлебывали пунш.

Снаружи нависала грозная громада Зевса, хорошо видная сквозь прозрачный свод теплицы. Поначалу, когда экспедиция только прибыла на Адрастею, газовый гигант вызывал у Киры инстинктивный страх: все мерещилось, будто Зевс рухнет с небес и раздавит их. Казалось немыслимым, чтобы такой огромный шар мог висеть над головой безо всякой поддержки. Но постепенно она привыкла к этому зрелищу, а сейчас даже восхищалась величию газового гиганта. Чтобы восстановить это впечатление, не придется прибегать к помощи имплантов.

Прежде чем. Кира вздрогнула. Прежде чем они улетят. Прежде чем расстанутся.

Положенные дни отпуска они уже использовали, а после возвращения к Шестидесятой Лебеда компания предоставит им всего несколько дней передышки до следующего назначения.

– Что такое? – спросил Алан сочувственно.

– Сам знаешь.

– Знаю.

– Легче не становится. Я думала, привыкну, но... – Она шмыгнула носом и покачала головой. Адрастея – их четвертая совместная командировка, и она оказалась намного продолжительнее всех прежних. – Когда мы теперь увидимся? А я... я люблю тебя, Алан, и вот так расставаться по несколько раз в год – это правда ужасно.

Он смотрел на нее – очень серьезно. Карие глаза поблескивали в свете Зевса.

– Значит, пора положить этому конец.

Сердце глухо ударило, время на миг остановилось. Она боялась услышать именно такой ответ – уже много месяцев боялась. Совладав с голосом, она спросила:

– Что ты имеешь в виду?

– Вот что: хватит нам носиться с места на место. Я тоже не могу больше так жить.

Его лицо было таким открытым, таким сосредоточенным – к Кире вернулась надежда. Неужели он?..

– Что ты предлагаешь?

– Давай зарезервируем два места на «Шакти-Ума-Сати».

Она сморгнула.

– Станем колонистами.

Он кивнул и продолжал, все более увлекаясь:

– Колонистами. Сотрудникам компании места практически гарантированы, а на Адрастее ксенобиологи и геологи еще как понадобятся.

Кира засмеялась – и оборвала смех, всмотревшись в лицо Алана.

– Ты что, серьезно?

– Серьезней, чем разгерметизация в космосе.

– Это в тебе выпивка говорит.

Он прикоснулся ладонью к ее щеке.

– Нет, Кира, я знаю, о чем говорю. Понимаю, это существенная перемена для нас обоих, но ведь и ты устала носиться с одной планеты на другую, и я не хочу дожидаться полгода новой встречи. Совсем не хочу.

На глазах выступили слезы.

– И я этого не хочу.

Он наклонил голову, поддразнивая:

– Так и не надо.

Кира невольно рассмеялась и подняла глаза, посмотрела на Зевса, пытаясь привести в порядок свои чувства. То, что сейчас предложил ей Алан, – это же и есть то, о чем она думала, о чем мечтала. Она просто не ожидала, что все произойдет так скоро. Но она любила Алана, и если таким образом они смогут навсегда остаться вместе, значит, так тому и быть. Она хотела этого.

Мелькнула похожая на метеор вспышка – «Фиданца» проплыла над ними на низкой орбите между Адрой и газовым гигантом.

Кира утерла слезы.

– Не уверена, что шансы так велики, как ты говоришь. Колонии принимают лишь пары, заключившие союз. Сам знаешь.

– Знаю, – подтвердил Алан.

Ощущение нереальности охватило Киру, и она, сидя на полу, еще и уперлась руками для устойчивости, когда Алан опустился перед ней на колени и вынул из нагрудного кармана маленькую деревянную коробочку. Он открыл ее. Внутри – кольцо из серого металла с иссиня-лиловым камнем, сверкающим почти ослепительно.

Алан с трудом сглотнул, словно ком застрял у него в горле.

– Кира Наварес... однажды ты спросила меня, что я вижу среди звезд. Я сказал тебе, что вижу там вопросы. Теперь я вижу тебя. Вижу нас.

Он выдохнул и договорил:

– Кира, окажешь ли ты мне честь – соединить свою жизнь с моей? Согласна ли ты быть моей женой и чтобы я был твоим мужем? Согласна ли...

– Да! – сказала она, и все тревоги растаяли, теплая волна омыла ее. Она обхватила обеими руками шею Алана и поцеловала его – сначала нежно, потом с нарастающей страстью. – Да, Алан Барнс. Да, я выйду за тебя замуж. Да. Тысячу раз да.

Она смотрела, как он берет ее руку и надевает на палец кольцо. Кольцо было холодным и тяжелым, но сама его тяжесть внушала уверенность.

– Ободок железный, – тихо сказал Алан. – Я попросил Джинана выковать его из руды, которую добыл на Адрастее. Железо – это кости Адрастеи. А камень – тессерит. Найти его было нелегко, но я знаю, как он тебе нравится.

Кира кивнула. Тессерит пока находили только на Адрастее, он был похож на бенитоит, но с более интенсивным лиловым оттенком. Самый ее любимый камень на этой экзолуне. И невероятно редкий. Алану пришлось долго искать, пока он добыл такой большой и безупречный образчик.

Она смахнула медную прядь со лба Алана и заглянула в его красивые ласковые глаза. До чего же ей повезло! Как им обоим повезло – встретиться, обрести друг друга в этой огромной галактике.

– Я люблю тебя, – шепнула Кира.

– И я тебя люблю, – ответил Алан.

Тут наконец Кира рассмеялась, почти не владея собой, и еще раз утерла глаза. Кольцо слегка царапнуло ей бровь: к нему еще надо привыкнуть.

– Черт! Неужели правда так все и будет?

– Конечно, – сказал Алан. Как успокоительна его уверенность. – Все так и сделаем.

– Хорошо.

Он прижал ее к себе, она почувствовала тепло его тела и ответила с равным желанием, прижимаясь к Алану так, словно хотела проникнуть под его кожу, внутрь его.

Под аркой цветочных горшков с Полночным созвездием двое двигались в унисон, повинаясь ритму своих тел, не замечая оранжевого газового гиганта, который нависал высоко над их головами – огромный и грозный.

Глава II Хранилище

1

Кира крепче ухватилась за подлокотники кресла, когда суборбитальный шаттл устремился вниз, к острову № 302-01-0010 у западного побережья Легбы, главного континента южного полушария Адрастеи. Остров находился на пятьдесят второй параллели в большом заливе, укрывшемся за гранитными рифами. Отсюда в последний раз передавал свои координаты вышедший из строя дрон.

Перед кабиной пилотов повисла завеса пламени: шаттл несся сквозь разреженную атмосферу Адрастеи со скоростью семь с половиной тысяч километров в час. Казалось, будто огонь полыхает в нескольких сантиметрах от лица Кира, но жара она не чувствовала.

Корпус шаттла трясся и постанывал. Кира прикрыла глаза, но пламя все так же плясало и извивалось перед ней, и яркость его не поблекла.

– Йееееес! – прокричала почти ей в ухо Негар.

Даже с закрытыми глазами Кира знала, что напарница ее ухмыляется, словно проказливый бес.

Кира сцепила зубы. Шаттл совершенно безопасен, окружен «магнитным щитом», оберегающим от раскаленного добела ада, буйствующего снаружи. Четыре месяца на исследуемой планете, сотни вылетов, ни одной аварии. Гейгер, искусственный интеллект, управляющий шаттлом, имел практически безупречный послужной список: единственный сбой случился в тот раз, когда лихач-капитан с астероида вздумал его оптимизировать и в итоге погиб со всем экипажем. И все же, несмотря на многократно подтвержденную безопасность, Кира ненавидела те минуты, когда шаттл входил в атмосферу и словно падал вниз. От шума и тряски ей казалось, будто шаттл вот-вот развалится, и разум не мог ее переубедить. К тому же и головную боль с похмелья это вовсе не облегчало. Кира проглотила таблетку, уходя из каюты Алана, но таблетка все еще не подействовала. Сама виновата, конечно. Могла бы и предвидеть последствия. Да и предвидела вполне, вот только эмоции заглушили осторожность.

Она отключила изображение, передаваемое с камер шаттла, и сосредоточилась на глубоком дыхании.

Мы поженимся! Ей все еще не вполне верилось. Утро Кира так и проходила с глупой улыбкой на лице. Наверняка выглядела дурочкой. Она коснулась груди, нащупала сквозь тонкий скинсьют кольцо, подаренное Аланом. Поскольку товарищам по команде они о помолвке пока не сообщали, она предпочла с утра надеть кольцо на цепочке, не оставлять его на пальце. Но вечером они объявят всем. Кире не терпелось увидеть, как друзья это воспримут, хотя вряд ли для кого-то их решение станет такой уж неожиданностью.

Вернутся на «Фиданцу» и сразу попросят капитана Равенну зарегистрировать брак. И Алан будет полностью принадлежать ей. А она ему. Они вместе начнут строить свое общее будущее.

Брак. Смена карьеры. Обосноваться на экзолуне и больше не летать. Своя семья. Участвовать в строительстве новой колонии. Как Алан и говорил, перемены огромные, но Кира чувствовала: она к этому готова. Более чем. О такой жизни она всегда мечтала, но годы шли, и она уже не верила, что мечта сбудется. Вчера они с Аланом не только занимались любовью, но разговаривали, разговаривали и не могли остановиться. Обсуждали, где лучше всего поселиться на Адрастее, график ее терраформирования, работы, предстоящие и на самой экзолуне, и на ее орбите. Алан подробно описывал дом, который собирался построить: «И ванна с горячей

водой, достаточно длинная, чтобы вытянуться во весь рост, чтобы нормально купаться, а не только принимать по-быстрому душ, как сейчас», а Кира слушала, растроганная его энтузиазмом. В свою очередь она признавалась, что хотела бы завести парники, как дома, на Вейланде, и оба они говорили друг другу: что бы они ни строили, все выйдет лучше, раз они будут делать это вместе.

Жалела Кира только о том, что выпила лишнего: почти все, что было после того, как Алан сделал предложение, расплывалось словно в тумане.

Она включила в дополненной реальности воспроизведение вчерашней ночи. Увидела, как Алан опускается перед ней на колени, услышала, как он говорит: «Я тоже тебя люблю» – перед тем, как ее обнять. Когда ей устанавливали импланты, родители решили не оплачивать систему полной записи, включающей осязание, обоняние и вкус, сочтя это ненужным излишеством. Впервые Кира пожалела о такой их практичности. Она хотела бы снова почувствовать то, что чувствовала той ночью, хотела бы сохранить все ощущения до конца своей жизни.

Как только они вернутся на станцию «Выборг», пообещала она себе, она потратит премию на апгрейд. Воспоминания, подобные вчерашним, слишком драгоценны, больше она не намерена их упускать.

А ее родные там, на Вейланде... Улыбка слегка померкла. Они огорчатся, узнав, что она уедет так далеко, но, конечно, поймут ее. Родители ведь и сами поступили примерно так же: эмигрировали из Мира Стюарта возле альфы Центавра еще до ее рождения. И папа всегда рассуждал о великой цели человечества – покорить всю Вселенную! В свое время родители поддержали ее стремление стать ксенобиологом и конечно же поддержат ее и на этот раз.

Вернувшись к записям, она открыла последнее видео с Вейланда. Она уже дважды пересматривала это послание с тех пор, как получила его месяц назад, но сейчас ей внезапно захотелось снова увидеть родной дом, родителей и сестру.

Появились родители, сидевшие, как ей и запомнилось, за рабочим столом отца. Было раннее утро, косые лучи света проникали в обращенные на запад окна. Вдали, у линии горизонта, зубчатая цепь гор растворялась в облачном мареве.

– Кира! – заговорил отец. Выглядел он как обычно. Мама сделала новую стрижку и слегка улыбалась. – Поздравляем с завершением исследования. Как прошли последние дни на Адрас-тее? Нашла что-нибудь интересное возле озера, о котором ты нам рассказывала?

– У нас холода, – сказала мама. – Сегодня утром на земле иней.

Папа поморщился.

– К счастью, геотермальное отопление работает.

– Пока работает, – вставила мама.

– Пока работает. А больше особых новостей нет. Вчера у нас ужинали Хенсены, и они говорили...

Дверь кабинета распахнулась, вбежала Иста, в своей любимой ночной рубашке и с чашкой чая в руке.

– Доброе утро, сестрин!

Кира с улыбкой наблюдала, как они болтают о всяких мелких событиях в поселении, о своих повседневных делах, о проблемах с агроботами, обрабатывавшими урожай, и какие шоу они смотрят, и какие растения удалось внедрить в экосистему планеты. И так далее.

Потом родные пожелали ей благополучного возвращения, и запись закончилась. Последний кадр задержался на мгновение: рука отца, застывшая в момент взмаха, губы матери забавно выпячены, она договаривает: «Люблю тебя».

– Люблю тебя, – пробормотала Кира и вздохнула.

Когда она в последний раз побывала у них? Два года назад? Три? По меньшей мере три. Слишком давно. Огромные расстояния не способствуют семейному общению.

Она скучала по дому. Нет, она бы не хотела оставаться на Вейланде. Она рвалась вперед, хотела достичь чего-то за пределами обыденного, нормального. И добилась. Семь лет путешествовала по дальним окраинам космоса. Но так устала быть одна, устала проводить месяцы закупоренной в космических кораблях. Она была готова к новой жизни, в которой знакомое будет гармонично сочетаться с новым, безопасное с неожиданным.

2

На полпути сквозь атмосферу турбулентность начала ослабевать. Когда шаттл миновал плазменные слои, исчезли электромагнитные помехи. На периферии зрения появились желтые строки: восстановилась линия коммуникации с базой.

Кира прокручивала сообщения, новости от членов команды. Файзель, врач экспедиции, как всегда, зудел, а больше ничего интересного.

Вспыхнуло новое сообщение.

<Как полет, малыш? – Алан>.

Кира не была готова к внезапной нежной благодарности, которую вызвала его забота. Она улыбнулась, мысленно диктуя ответ:

<Все в порядке, а у тебя? – Кира>.

<Последние сборы. Захватывающе. Давай и в твоей каюте приберусь? – Алан>.

Она снова улыбнулась:

<Спасибо, сама закончу, как вернусь. – Кира>.

<Кира... Послушай, у нас толком не было сегодня возможности поговорить, а мне нужно знать: все, что было вчера, по-прежнему? – Алан>.

<То есть по-прежнему ли я хочу выйти за тебя замуж и поселиться на Адре? – Кира>. Прежде, чем он ответил, она добавила: *<Да. Мой ответ по-прежнему – да. – Кира>.*

<Хорошо. – Алан>.

<А ты? Для тебя тоже все по-прежнему? – Кира>. Она затаила дыхание, отправляя этот вопрос.

Ответ пришел мгновенно:

<Абсолютно. Я только хотел убедиться, что у тебя все в порядке. – Алан>.

Она почувствовала, как потеплело внутри.

<Более чем. Спасибо, что спросил. – Кира>.

<Всегда рядом, малыш. Или правильнее сказать... невеста? – Алан>.

У Кире вырвался вздох удовольствия – она попыталась его заглушить, и вышло похоже на хрип.

– Что с тобой? – встревожилась Негар и обернулась к ней.

– Все нормально.

Она продолжала переписываться с Аланом, пока не включились тормозные ракетные двигатели, – и Кира вспомнила, где находится и зачем сюда прилетела.

<Мне пора. Сейчас приземлимся. До скорого. – Кира>.

<Повеселись. # – Алан>.

<Ага-а. – Кира>.

Гейгер начал отсчет прямо ей в ухо:

– До приземления десять секунд... девять... восемь... семь...

Голос искусственного интеллекта был спокоен и невыразителен, с легким намеком на культурный магелланский акцент. Мысленно Кира называла его Хайнлайн. Ей казалось, будь Гейгер человеком из плоти и крови, ему бы подошло имя Хайнлайн.

Они приземлились с легким ударом, от которого желудок Киры подпрыгнул и сердце зачастило. Шаттл чуть накренился влево, зарываясь в грязь.

– Долго не копайся, поняла? – сказала Негар, отстегивая ремни безопасности. Все в этой женщине было аккуратно, без излишеств, от изящно обрисованных черт лица до складок комбинезона и тонких косичек, нимбом окружавших голову. К нагрудному карману всегда была приколотая золотая булавка в память о коллегах, которые погибли, выполняя свой долг. – Юго обещал испечь булочки с корицей, особое угощение перед отбытием. Не поспешим – к нашему возвращению ни одной не останется.

Кира тоже отстегнулась:

– Я не задержусь.

– Уж пожалуйста, лапонька. Я за эти булочки убить готова.

Затхлый запах переработанного воздуха ударил в нос, когда Кира натянула шлем. Атмосфера Адрастеи была достаточно плотной, но смертоносной для человека: не хватало кислорода. Понадобятся десятилетия, чтобы насытить атмосферу животворящим газом. К тому же поскольку не доставало кислорода, то не существовало и озонового слоя. Выходя наружу, приходилось надевать защиту от ультрафиолетовых лучей и других форм радиации, чтобы не обгореть до полусмерти. По крайней мере, температура тут сносная, подумала Кира. Даже не придется включать обогрев скинсьюта.

Она протиснулась в узкий шлюз и закрыла за собой внутренний люк. Дверца захлопнулась с металлическим лязгом.

– Воздухообмен запущен, пожалуйста, приготовьтесь, – проговорил ей в ухо Гейгер.

Вспыхнула зеленая лампочка. Кира повернула вентиль в центре внешнего люка и толкнула дверцу. С липким причмокиванием замок открылся, и в шлюз хлынул красноватый свет неба над Адрастеей.

Остров представлял собой убогое нагромождение гор на ржавом песке. Он был так велик, что, стоя на ближнем к континенту краю, Кира различала лишь берег континента, а дальнего конца острова не видела. За кромкой земли простиралась серая вода, похожая на свинцовый лист, гребешки волн мерцали в ржавом отблеске безоблачного неба. Ядовитый океан, насыщенный кадмием, ртутью и медью.

Кира спрыгнула вниз из шлюза, и люк закрылся за ее спиной. Нахмурившись, она посмотрела еще раз данные телеметрии упавшего дрона. Обнаруженный им органический материал находился не у воды, как она думала, а на вершине широкой горы в нескольких сотнях метров к югу.

Ну хорошо. Она пробиралась по неровной почве, осторожно делая каждый шаг. Строки текста возникали у нее перед глазами: информация о температуре, химическом составе, плотности, примерном возрасте и радиоактивности различных элементов ландшафта. Сканер на поясе передавал данные в импланты Киры и одновременно транслировал их на шаттл. Кира добросовестно читала сообщения, но пока ничего нового не видела. Несколько раз из чувства долга проверила образцы почвы, но результаты оказались все такие же скучные: минералы, следы органических и протоорганических соединений, совсем немного анаэробных бактерий.

На вершине горы обнаружилась плоская каменная плита с глубокими бороздами, оставшимися от последнего ледникового периода. Значительную часть плиты покрывало подобие оранжевого мха – колония бактерий. Вид Кира определила с первого взгляда – *B. loomisii*, – но сделала соскоб, чтобы убедиться.

Для биолога Адрастея особого интереса не представляла. Самой существенной находкой стала разновидность метанотрофных бактерий, обнаруженных под слоем льда у Северного

полюса. Несколько необычная липидная структура клеточной мембраны. Но на том и все. Разумеется, она подготовит обзор биома Адрастеи и, если повезет, даже опубликует его в парочке малоизвестных научных журналов, однако поводов для оваций нет.

С другой стороны, отсутствие развитых форм жизни скорее плюс, если планируется терраформирование: экзолуна представляла собой, так сказать, всего лишь ком сырой глины, из которой можно лепить все, что сочтут нужным компания и поселенцы. Здесь, в отличие от Эйдолона – прекрасного, смертоносного Эйдолона, – им не придется жить в постоянной борьбе с туземной флорой и фауной.

Ожидая, пока чип-лаборатория закончит обрабатывать анализы, Кира поднялась на гребень горы, полюбовалась обрывистыми горами и металлически поблескивающим океаном. Поморщилась, прикидывая, как долго придется им возиться, пока заселят океан чем-нибудь посложнее генно-модифицированных водорослей и планктона.

Здесь будет наш дом. Мысль отрезвляющая, но не пугающая. Вейланд изначально был ненамного уютнее, и огромные изменения происходили прямо на глазах у Киры, пока она росла: бесплодная грязь превращалась в плодородную почву, повсюду распространялась зелень, появилась возможность выходить на короткие прогулки без кислородной маски. Кира была настроена вполне оптимистично. Адрастея подходила для освоения лучше, чем 99 с лишним процентов планет в галактике. По астрономическим стандартам она была почти идеальным аналогом Земли: планеты с большой силой тяжести, как Шин-Зар, и даже Венера с плавающими среди облаков городами похожи на Землю гораздо меньше.

Какие бы трудности ни таились на Адрастее, Кира готова была встретить их лицом к лицу, если таким образом они с Аланом смогут быть вместе.

Мы поженимся! Кира ухмыльнулась и вскинула руки над головой, пальцы веером, она уставилась вверх, и ей казалось, того и гляди она лопнет от распирающей ее радости. В жизни ни один план не казался ей таким безупречным.

В ухе прозвучал резкий писк.

3

Лаборатория завершила работу. Кира проверила результат. *B. loomisii*, как она и думала.

Вздыхнув, Кира отключила прибор, Мендоса прав: они обязаны были проверить любую растительность, но время потрачено впустую. Ладно. Теперь обратно на исследовательскую базу, к Алану и – на «Фиданцу».

Кира двинулась прочь с горы и напоследок, из любопытства, глянула туда, где потерпел крушение дрон. Негар определила и пометила это место во время спуска шаттла.

Вон оно. В полутора километрах от берега, ближе к центру острова, желтый ящик, пятно почвы и рядом...

– Хм.

Рядом из земли под острыми углами, расходясь в стороны, торчали зазубренные, похожие на столбы скалы. Нигде на Адрастее – а она осмотрела множество локаций – Кира не встречала ничего похожего.

– Петра, зафиксируй визуальную цель. Проанализируй.

Система откликнулась. На странном скоплении скал заиграл, обрисовывая его, луч, и перед глазами Киры пополз длинный список химических элементов. Кира удивленно приподняла брови. Геологом, в отличие от Алана, она не была, но знала достаточно, чтобы понимать, как необычно сочетание столь многих элементов.

– Включи тепловизор! – скомандовала она.

Защитное стекло шлема потемнело, мир вокруг превратился в импрессионистскую картину из синих, черных и – там, где почва впитала солнечное тепло, – приглушенно красных

пятен. Как и следовало ожидать, температура тех скал не отличалась от средней температуры вокруг.

<Посмотри это. – Кира>. – Она переслала результаты анализа Алану.

Через минуту пришел ответ: <Что за черт? Твое снаряжение точно в порядке? – Алан>.

<Наверняка в порядке. Как ты думаешь, что это? – Кира>.

<Понятия не имею. Может быть, выход лавы.. Можешь просканировать? Хорошо бы взять несколько образцов. Земли, камней, что удастся. – Алан>.

<Если ты этого хочешь. Но придется пройтись. – Кира>.

<Я тебя за это вознагражу. – Алан>.

<Мм. Соблазнительное обещание, малыш. – Кира>.

<Ну-ну. – Алан>.

Она засмеялась, выключила инфракрасный свет и зашагала вниз по склону горы.

– Негар, слышишь меня?

Треск электричества, потом:

– Что там у тебя?

– Задержусь примерно на полчаса. Извини.

– Проклятье! Булочки расхватывают быстрее, чем...

– Знаю, знаю. Но я должна кое-что проверить для Алана.

– Что?

– Какие-то скалы в глубине острова.

– И ради этого ты отказываешься от булочек с корицей?

– Прости. Ты же знаешь, как это бывает. До сих пор я ни разу тут ничего похожего не видела.

Пауза.

– Ладно. Но тащи сюда побыстрее свою задницу, поняла?

– Вас понял! Тащу свою задницу! – ответила Кира со смехом и ускорила шаги.

Там, где земля была ровнее, Кира переходила на трусцу и за десять минут добралась до выхода наклонных скал. Эта конфигурация оказалась больше, чем выглядела издали. Высшая точка более чем в семи метрах над головой, диаметр основания – двадцать метров, шире, чем космический шаттл. Черные, с неровными гранями колонны были похожи на базальтовые, но блестели маслянисто, словно уголь или графит.

Что-то в этих колоннах ее нервировало. Слишком темные, слишком нагие и остро зазубренные, они слишком отличались от окружающего ландшафта – как будто среди гранитной пустыни вдруг проступил одинокий надломленный шпиль. И хотя она понимала, что это всего лишь игра воображения, ей все же казалось, что и воздух тут другой, как будто слегка, раздражающе, вибрирует. Будь она кошкой, у нее бы точно шерсть встала дыбом, подумала Кира.

Нахмурившись, она почесала плечо.

Совсем не похоже на то, чтобы тут было извержение вулкана. Ладно, может, упал метеорит? Но и это не подходило – не было кратера.

Она прошла вокруг подножия скал, сканируя его. Наткнулась на остатки дрона: длинная полоса сломанных и расплавившихся деталей протянулась по земле.

Ничего себе удар молнии, подумала Кира. Чтобы вот так размазаться по земле, дрон должен был лететь на большой скорости.

Она переступила с ноги на ногу, все еще в нерешительности. Каково бы ни было происхождение этой загадки, лучше оставить ее Алану. Будет чем заняться во время обратного полета.

Она взяла образец почвы, потом нашла маленький осколок черного камня, отвалившийся от скалы. Подняла его и подержала на свету. Осколок имел выраженную кристаллическую структуру, узор, похожий на рыбью чешую, напоминал рисунок углеродного волокна. Возможно, этот кристалл возник в результате падения метеорита? Чем бы ни была эта штука, это редкая находка.

Она убрала осколок в мешочек для образцов и в последний раз окинула взглядом скалы.

Серебристый проблеск в нескольких метрах над землей привлек ее внимание. Кира приоткрыла глаза внимательнее.

В одной колонне змеилась трещина, внутри проступала белая извилистая жила. Кира направила туда сканер: жила находилась слишком глубоко внутри трещины, проанализировать толком не удалось. Единственное, что сообщил сканер: радиоактивного излучения в щели нет.

Рация ожила, и раздался голос Негар:

– Что ты там возишься?

– Почти закончила.

– О'кей. Давай уж, а?

– Да, да, – пробормотала Кира, обращаясь к самой себе.

Она всматривалась в трещину, пытаясь сообразить, стоит ли туда лезть, чтобы заглянуть внутрь. Хотела было связаться с Аланом и спросить его, но потом решила, что незачем его беспокоить. Если не удастся выяснить, что там за белая жила, эта нерешенная проблема будет его беспокоить до тех пор, пока они – если все получится – не вернутся на Адрастею и Алан не сможет сам разобраться.

Кира просто не могла так обойтись с ним. Сколько раз она видела, как Алан засиживается допоздна, разгадывая расплывчатые снимки с дронов.

К тому же долезть до трещины было совсем нетрудно. Если вот тут упереться, а потом туда, наверное... Кира улыбнулась. Это ей по силам. Скинсьют не был оснащен гекконовыми присосками. Но для такого простого подъема это и не нужно.

Она подошла к наклонной колонне, вершина которой нависала всего в метре над ее головой. Быстро вдохнула, согнула колени и подпрыгнула.

Шероховатая поверхность камня впиалась в кончики пальцев, когда Кира уцепилась за колонну. Она уперлась одной ногой в вершину колонны, ухнула и подтянула все тело.

Она стояла на четвереньках, цепляясь за выступы колонны и ожидая, пока уймется сердце. Потом осторожно распрямилась на вершине.

Дальше все было сравнительно просто. Она перескочила на соседнюю наклонную колонну, а оттуда перебралась на следующие, словно поднимаясь по старой, рассыпающейся лестнице.

Только последний метр выдался посложнее: пришлось сунуть пальцы между двух тесно стоящих рядом столбов, чтобы получить опору, перепрыгивая с одной подножки на другую. К счастью, как раз под интересовавшей ее щелью находился широкий выступ – настолько широкий, что Кира могла и стоять на нем, и передвигаться туда-сюда.

Она потрясла руками, восстанавливая кровообращение в пальцах, и подошла к щели – не терпелось увидеть, что же там внутри,

Вблизи та ярко-белая жила казалась металлической, пластичной, словно из чистого серебра. Но это не могло быть серебро: минерал ничуть не потускнел от контакта с атмосферой.

Она направила сканер на жилу и проанализировала данные.

Тербий?

Название элемента ничего ей не сказало. Вроде бы из платиновой группы. Проверять она не стала, хотя и знала, что такой металл в чистом виде обычно не обнаруживается.

Она подалась вперед, глубже заглянула в трещину, стараясь найти лучший угол обзора для сканера.

Бам! – прогремело, как выстрел. Кира испуганно дернулась, нога соскользнула, и она почувствовала, как камень сдвинулся у нее под ногой, как весь этот выступ поддался...

Она падала...

Ей уже представился вид собственного тела, переломанного, валяющегося на земле. Кира взвизгнула и замахала руками, пытаясь ухватиться за колонну, промахнулась, и...

Тьма поглотила ее. Гром ударил в уши, молния пронзила глаза, когда голова ударилась о камни. Боль отзывалась одновременно и в руках, и в ногах – удары сыпались со всех сторон.

Эта пытка длилась, казалось, несколько минут.

Потом одно мгновение Кира падала отвесно вниз – и врезалась в твердое, иззубренное дно пещеры.

4

Кира лежала там, где упала, оглушенная.

Столкновение с землей выбило из нее дух. Она попыталась вдохнуть, но ее словно парализовало. На миг она испугалась, что умрет от удушья, но наконец диафрагма включилась и воздух хлынул в легкие.

Кира часто задышала, жадно хватая кислород.

Потом усилием воли заставила себя прекратить пыхтеть. Гипервентиляция только навредит. Помешает разумно действовать.

Перед собой она видела только скалу и тень.

Она проверила данные имплантов: скинсьют цел, разрывов не обнаружено. Учащенный пульс, повышенное давление. Уровень кислорода на верхнем пределе нормы, адреналин зашкаливает (чего и следовало ожидать). К ее облегчению, переломов не оказалось, хотя правый локоть болел так, словно по нему стукнули молотком, и Кира знала, что синяки будут еще неделю.

Она пошевелила пальцами на руках и ногах, чтобы удостовериться: с ними все в норме. Языком выдавила две дозы жидкого нородона и втянула болеутоляющее через трубочку для питания, даже не поморщившись от противного приторного вкуса. Понадобится несколько минут, прежде чем нородон полностью подействует, но острая боль сразу притупилась.

Кира лежала на груди каменных обломков. Углы и острые грани впивались в ее спину с неприятной настойчивостью. Скривясь от боли, Кира скатилась с этой кучи и встала на четвереньки.

Дно пещеры оказалось неожиданно ровным. Плоским и покрытым толстым слоем пыли.

Преодолевая боль, Кира заставила себя подняться на ноги. При движении закружилась голова. Она уперлась руками в бедра, наклонилась, пережидая, пока пройдет головокружение. Потом огляделась по сторонам.

Неровный луч света пробивался сквозь дыру, в которую она упала. Это был единственный источник освещения. Кира увидела, что находится в круглой пещере диаметром примерно десять метров...

Нет, это не пещера...

Она не сразу поняла, что видит перед собой, – настолько все было неожиданно. Пол ровный. Стены гладкие. Потолок выгнут сводом. А в самом центре висит... сталагмит? Сталагмит высотой ей по пояс, расширяющийся кверху.

Кира лихорадочно соображала, как могло сформироваться такое пространство. Здесь поработал водоворот? Воздушная воронка? Но тогда всюду были бы выступы, борозды... Пузырь лавы? Но камень не вулканического происхождения.

А потом она поняла. Истина оказалась настолько неправдоподобной, что Кира не сразу позволила себе допустить такое, хотя это и было вполне очевидным.

Пещера была не пещерой. Пещера была залом.

– Туле! – прошептала Кира.

Она не была религиозной, но в тот момент молитва казалась единственной уместной реакцией.

Инопланетяне. Разумные инопланетяне. Страх и возбуждение охватили Киру. Ей сделалось жарко, капельки пота выступили на коже, пульс загрохотал в ушах.

За всю историю космоса обнаружили только один инопланетный артефакт: Великий Маяк на Талосе VII. Кире в ту пору было четыре, но она отчетливо помнила момент, когда публично объявили об этом открытии. На улицах Хайстоуна воцарилась мертвая тишина – все таращились на картинки в дополненной реальности и пытались осмыслить грандиозную новость: человечество – не единственная разумная раса, возникшая в галактике. Судьба доктора Крайтона, ксенобиолога, участника первой экспедиции к Маяку, послужила самым ранним и самым сильным источником вдохновения для Киры, и уже тогда она решила стать ксенобиологом. Иногда, позволив разыгаться воображению, она грезилась наяву о столь же грандиозном открытии, но шансы были столь малы – почти нулевые.

Кира заставила себя дышать размереннее. Нужно сохранить ясную голову.

Никому не известно, что случилось со строителями Маяка: они давно умерли или исчезли, и не нашлось ничего, что позволило бы разгадать их природу, происхождение или замысел. Не они ли построили и этот зал?

Каков бы ни был ответ, эта находка имела историческое значение. Свалиться сюда – наверное, главное событие в профессиональной жизни Киры. Весть об открытии разнесется по всему освоенному космосу. Начнутся интервью, посыплются приглашения, все заговорят об этом. Черт, какие статьи она могла бы опубликовать... Карьеры делались благодаря куда менее важным находкам.

Родители будут так счастливы. Особенно отец: новое доказательство существования разумных инопланетян чрезвычайно его обрадует.

Последовательность действий. Прежде всего – убедиться, что она переживет это приключение. Почему знать, может, этот зал – автоматизированная бойня. Кира тщательно перепроверила данные скинсьюта. Он совершенно цел. Хорошо. Не придется волноваться насчет заражения инопланетными организмами.

Она включила рацию.

– Негар, ты меня слышишь?

Тишина.

Кира попробовала снова, но система не могла соединиться с шаттлом: видимо, слишком много камня над головой. Киру это не напугало: Гейгер должен был предупредить Негар, как только прервался сигнал от скинсьюта. Помощи ждать недолго.

А помощь ей понадобится. Сама она не сможет выбраться наружу в скинсьюте без присосок. Стены четыре с лишним метра высотой, ухватиться не за что. В отверстие над головой виднелся клочок неба – бледного, далекого. Кира не могла точно определить, какое расстояние она пролетела, падая, но, похоже, она оказалась довольно глубоко под землей.

Хорошо хоть не все время вертикально вниз падала. Иначе, скорее всего, убилась бы.

Кира продолжала, не трогаясь с места, изучать обстановку. Выхода из зала не было, а на самом верху пьедестала, который она сначала приняла за сталагмит, красовалась неглубокая, похожая на чашу вмятина. В этой вмятине скопился толстый слой пыли, мешавший разглядеть цвет самого камня.

Когда глаза привыкли к темноте, Кира увидела длинные иссиня-черные линии, высеченные в стенах и потолке. Линии сходились под острыми и тупыми углами, образуя узор, похожий на примитивную электронную схему, только пересечения оказывались дальше друг от друга, чем на плате.

Произведение искусства? Надпись? Какая-то технология? Зачастую трудно отличить одно от другого. Не было ли это место гробницей? Хотя, возможно, инопланетяне и не хоронили покойников. Как она могла это выяснить?

– Включи тепловизор, – пробормотала Кира.

Защитное стекло шлема моргнуло, появилось мутноватое изображение зала с одним светлым пятном там, где солнечные лучи нагревали пол. Ни лазеров, ни признаков работы каких-либо приборов.

– Выключи тепловизор.

Разумеется, зал мог быть оснащен пассивными детекторами, но если и так, реакция на появление человека не заметна. И все же ей следовало исходить из того, что за ней наблюдают.

В голову пришла еще одна мысль, и Кира поспешно выключила сканер на поясе. Почему знать, вдруг сигналы этого прибора инопланетяне воспримут как угрозу. Она проверила последние данные, полученные от сканера: уровень радиации выше нормы из-за скопления радона, а стены, потолок и пол содержат тот же состав минералов и элементов, который она уже проанализировала на поверхности.

Кира вновь глянула на клочок неба наверху. Негар не понадобится много времени, чтобы добраться сюда. Шаттл долетит за несколько минут – всего несколько минут оставалось у Киры для изучения главной в ее жизни находки. Как только ее вытащат из этой дыры, обратно залезть уже не позволят. По закону, о любых следах деятельности инопланетного разума следовало сообщать соответствующим органам Лиги Союзных миров. На острове (и, вероятно, на значительной части материка) объявят карантин и пошлют уполномоченную команду экспертов изучать местность.

Разумеется, Кира не собиралась нарушать установленный протокол. Как бы ей ни хотелось пройтись вокруг, посмотреть вблизи на все, что представляло интерес, она сознавала свой долг: не нарушать целостность зала больше, чем уже нарушила, свалившись сюда. Сохранить артефакт в его исконном состоянии гораздо важнее, чем удовлетворить личные амбиции.

И она осталась стоять на месте, борясь с почти невыносимым желанием. Хотя бы стены потрогать...

Оглянувшись на пьедестал, Кира прикинула: он высотой ей по пояс. Означает ли это, что инопланетяне были примерно одного роста с людьми?

Она переступила с ноги на ногу, ища позу поудобнее: ссадины на ноге ныли даже после приема нородона. Киру пробил озноб, и она включила подогрев скинсьюта. В зале было не так уж холодно, но руки и ноги стали мерзнуть теперь, когда снизился уровень адреналина, подскочивший в момент падения.

Внимание Киры привлекло переплетение линий на другом конце зала, размером с ее ладонь, не больше. В отличие от других мест на плавно искривляющихся стенах, здесь линии...

Трах-тарарах!

Кира обернулась на звук как раз вовремя, чтобы увидеть камень размером с арбуз, летевший прямо в нее сквозь отверстие в потолке.

Она вскрикнула и неуклюже отпрыгнула. Ноги зацепились одна за другую, и Кира упала на грудь – жестко.

Камень врезался в пол за ее спиной, облаком взметнулась пыль. Дыхание выровнялось не сразу. Пульс опять зачастил. В любой момент, думала Кира, включится сигнал тревоги и сработает какое-нибудь жутко эффективное устройство, предназначенное для того, чтобы избавляться от непрошенных гостей.

Но ничего не произошло. Не завопили сирены. Не замерцал свет. Под ее ногами не открылся люк-ловушка. Ее не изрешетили лазерные лучи.

Преодолевающая боль, Кира поднялась на ноги. Мягкая пыль под ногами заглушала звуки, и ничего, кроме своего тревожного дыхания, Кира не слышала.

Она стояла теперь вплотную к пьедесталу.

Черт, подумала Кира, следовало быть осторожнее. Инструкторы содрали бы с нее шкуру заживо за падение, пусть и случайное. Она вновь сосредоточила внимание на пьедестале. Это углубление наверху было похоже на поилку. Из-под пыли проступали линии, начертанные на дне и стенках углубления. И, присмотревшись, Кира стала различать легкое голубое мерцание, исходившее от этих линий, – оно рассеивалось, смазывалось похожими на пылцу частицами.

Любопытство терзало Киру. Что это – биолюминесценция? Или же подсветка имеет искусственное происхождение?

Снаружи донесся нарастающий грохот двигателей шаттла. У нее оставалось мало времени. Минута или две, не более.

Кира облизала губы. Заглянуть в эту чашу? Конечно, то, что она собиралась сделать, – неправильно, но Кира не могла удержаться. Надо хоть что-то выяснить об этом удивительном артефакте.

Она не была дурой и не собиралась дотрагиваться до пыли. Такие ошибки новичка приводят к тому, что человека сжигают заживо, он подхватывает заразу или его растворяет кислота. Но Кира сняла с пояса небольшой баллон со сжатым воздухом и осторожно сдула пыль с края чаши.

Пыль завитками взметнулась в воздух, и скрытые под ней линии проступили. Они переливались тем призрачным светом, что напоминал электрический разряд.

Кира снова задрожала, но не от холода. Ей казалось, она вторгается на запретную территорию.

Довольно. Она и так уже слишком далеко зашла, испытывая судьбу. Настало время для стратегического отступления.

Кира повернулась, собираясь отойти от пьедестала.

Разряд молнии пронзил правую ногу – и стопа словно приклеилась к полу. Кира вскрикнула, застигнутая врасплох, упала на одно колено. И в этот момент ахиллесово сухожилие в оцепеневшей лодыжке натянулось и лопнуло. У Киры вырвался пронзительный вопль.

Смаргивая слезы, она уставилась на пострадавшую ногу.

Пыль.

Слой черной пыли покрывал ее стопу. Слой движущейся, будто кипящей пыли. Она вытекала из чаши, струилась вниз по пьедесталу и охватывала ногу. На глазах у Киры пыль стала подниматься выше, повторяя контуры мышц.

Кира вопила и дергалась, пытаясь высвободиться, но пыль приковала ее к месту надежнее магнитного замка. Кира сорвала с себя пояс, сложила вдвое и попыталась лупить им по безликой массе. Удары не сшибли даже и пылинку.

– Негар! – закричала Кира. – На помощь!

Сердце билось оглушительно, ничего расслышать за его грохотом Кира не могла. Натянув обеими руками ремень, Кира попыталась его краем счистить пыль с колена. В пыли остался неглубокий отпечаток, вот и весь результат ее усилий.

Рой черных частиц добрался уже до изгиба бедра. Кира чувствовала, как ее ногу сжимают тугие, постоянно смещающиеся обручи. И против собственной воли – не видя иного выхода – она попыталась схватить пыль правой рукой, стряхнуть ее с себя.

Пальцы погрузились в тучу пыли, вошли легко, словно в пену. Ухватиться было не за что, и, когда она вынула руку, пыль потянулась следом, тонкими щупальцами обвившись вокруг ее пальцев.

– Ай! – Она потерла ладонь об пол, но без толку.

Страх охватил Киру – она почувствовала, как что-то щекочет запястье, и поняла: пыль проникла сквозь швы перчаток.

– Аварийный режим! Застегнуть скинсьют!

Слова выговаривались с трудом. Во рту пересохло, язык как будто распух.

Скинсьют отреагировал немедленно, стягиваясь на ее суставах, в том числе на шее, образуя изолированные воздушные полости между тканью и кожей. Но и это не послужило преградой для пыли: холодная щекотка поднималась от запястья к локтю и выше.

– SOS! SOS! – закричала она. – SOS! Негар! Гейгер! SOS! Меня кто-нибудь слышит? На помощь!

Пыль хлынула на внешнюю сторону защитного стекла, и Кира погрузилась во тьму. Внутри скинсьюта щупальца пролагали себе путь к плечу, поперек груди, вокруг шеи.

Безотчетный страх овладел Кирой. Страх и омерзение. Она изо всех сил дернула себя за ногу. Что-то щелкнуло в лодыжке, но стопа так и оставалась припаянной к полу.

Кира завизжала, вцепилась пальцами в защитное стекло, попыталась хоть его расчистить.

Пыль поползла по щеке, закрывая лицо уже изнутри. Кира снова вскрикнула, а потом изо всех сил сжала губы, попыталась стиснуть изнутри гортань, затаила дыхание.

Сердце вот-вот взорвется.

Где же Негар?!

Пыль напозла на глаза, будто тысячи крошечных жуков стремительно перебирали лапками. Еще миг – и пыль уже выше рта. А когда добралась до носа, это сухое, скребущее шевеление внутри ноздрей оказалось именно таким ужасным, как ей воображалось...

Дура... зачем полезла... Алан!

Она увидела перед собой лицо Алана и вместе со страхом ощутила острое возмущение: это несправедливо, не так должно было все закончиться. А потом давление в горле усилилось, Кира открыла рот и закричала – поток пыли хлынул внутрь нее.

И все померкло.

Глава III

«Смягчающие обстоятельства»

1

Прежде всего – ощущение своего ощущения.

Потом – ощущение давления, мягкого, успокоительного.

Еще позже – звуки: негромкое повторяющееся чириканье, далекий гул, жужжание перерабатываемого воздуха.

Самым последним пришло ощущение самой себя, поднялось откуда-то из черной бездны. Медленный процесс: тьма была плотной и тяжелой, словно толстый слой ила, приглушала мысли, пригнетала их, хоронила в глубине. Но природная плавучесть сознания одержала верх, и постепенно Кира проснулась.

2

Кира открыла глаза. Она лежала на медицинской кушетке в изоляторе на базе. Над ней на подвесном потолке горели две световые полосы – сине-белый резкий свет. Прохладный и сухой воздух пах знакомыми химикалиями.

Я жива.

Почему это ее удивило? И как она оказалась в изоляторе? Разве они не собирались лететь на «Фиданцу»?

Она сглотнула, и ее чуть не вырвало от мерзкого привкуса жидкостей, используемых при заморозке. Желудок свело, когда она узнала вкус. *Криосон? Ее погрузили в чертов криосон? Почему? Долго ли она проспала?*

Какого дьявола тут происходит?

Пульс панически зачастил, Кира села, сорвала укрывавшее ее одеяло.

Буээ! – подступило к горлу.

На ней тонкая больничная ночнушка, завязанная по бокам. Стены поплыли перед глазами – знакомое головокружение после криосна. Она подалась вперед, свалилась с кушетки на белый пол, содрогаясь, – тело пыталось извергнуть химические яды, но ничего не вышло, кроме желчи и слюны.

– Кира!

Чьи-то руки перевернули ее, проступила фигура Алана, это он нежно обнимал ее, баюкал.

– Кира! – повторил он, лицо искажено тревогой. – Ш-ш! Все в порядке. Я с тобой. Все хорошо.

Выглядел он почти так же скверно, как Кира себя чувствовала. Щеки запали, под глазами морщины, которых вроде не было утром. Утром?

– Как долго я здесь? – прохрипела она.

Алан скривился:

– Почти четыре недели.

– Нет! – Ужас охватил ее. – Четыре недели?

Не в силах поверить, Кира сверилась с имплантами: 14:02 по Стандартному галактическому времени, понедельник, 16 августа, 2257 год.

Ошеломленная, она дважды прочла дату. Алан прав. Последний запомнившийся ей день – день, когда они собирались улететь с Адры, – 21 июля. Четыре недели!

В растерянности она всмотрелась в лицо Алана, надеясь получить какой-то ответ.

– Почему?

Он погладил ее по волосам.

– Что ты помнишь?

Кира попыталась сообразить:

– Я... – Мендоса отправил ее на поиски упавшего дрона и потом... потом...

Падение, боль, мерцающие линии.

Тьма, тьма повсюду.

– А-а-а! – Она откинулась на спину и схватилась рукой за шею, сердце загрохотало. Как будто что-то сдавливало горло, душило.

– Успокойся, – попросил Алан, придерживая ее за плечо. – Успокойся. Теперь ты в безопасности. Дыши.

Несколько мучительных мгновений – и горло разжалось, она сделала затяжной вдох, отчаянно ловя губами воздух, задрожала, вцепилась в Алана, ухватила так крепко, как только могла. У нее никогда не случалось панических атак (даже когда она сдавала экзамены на межзвездный диплом), и ощущение, будто ее душат, было таким реальным...

Уткнувшись лицом ей в волосы, Алан глухо пробормотал:

– Это я виноват. Зачем попросил тебя осмотреть те скалы! Прости меня, малыш.

– Не за что извиняться, – сказала она, чуть отодвинувшись, чтобы посмотреть на него. – Кто-то должен был это сделать. Кроме того, я нашла постройку инопланетян. Это же потрясающе?

– Потрясающе, – согласился он и улыбнулся через силу.

– Вот видишь? А что...

У двери изолятора слышались шаги, и явился Файзель – худощавый, смуглый, с короткой, почти бесцветной стрижкой, которая будто никогда не отрастала. Он был одет в белый халат и рукава закатал, словно готовясь к осмотру.

Завидев Киру, он высунулся обратно в дверной проем и прокричал:

– Она очнулась!

Затем прошел мимо трех пустующих у стены коек, подхватил с небольшого стола чип-лабораторию, присел на корточки рядом с Кирой и ухватил ее за запястье.

– Открой рот. Скажи: «А-а-а».

– А-а-а!

Он быстро заглянул в рот и в уши, проверил пульс и давление, пощупал под челюстью. И спросил:

– Здесь больно?

– Нет.

Он резко кивнул:

– Ты в полном порядке. Пей побольше жидкости – тебе нужно после криосна.

– Не первая моя заморозка, – проворчала Кира.

Алан помог ей снова опуститься на кушетку.

Файзел почмокал губами:

– Просто выполняю свои обязанности, Наварес.

– Угу.

Кира почесала руку. Противно соглашаться, но доктор прав. Она обезвожена, кожа сухая, зудит.

– Держи, – сказал Алан, протягивая ей флягу.

Едва Кира сделала глоток, как в изолятор ворвались Мари-Элиза, Джинан и Сеппо.

– Кира!

– Вот и ты!

– Наконец-то проснулась, спящая красавица!

За их спинами возникла Иванова, руки скрещены на груди, шутить не станет:

– Давно пора, Наварес!

Юго, Негар и Мендоса следовали за ними по пятам – вся исследовательская команда столпилась в изоляторе, нависая над Кирой так, что она ощущала тепло их тел и их дыхание касалось ее лица. Спасительный кокон жизни. И все же в окружении друзей Кира чувствовала себя как-то странно, непривычно, как будто мир накренился, как будто она смотрела в покосившееся зеркало. Отчасти причиной были утраченные недели, отчасти и те лекарства, которыми ее накачал Файзель. Но отчасти дело было и в том, что, заглядывая в глубины своего разума – отваживаясь заглянуть, – она ощущала, как что-то таится там, караулит ее... чудовищное, удушающее, убивающее нечто, словно ей в ноздри и в рот запихали сырую глину...

Кира вонзила ногти правой руки в левое предплечье и резко, раздувая ноздри, вдохнула. Этого не заметил никто, кроме Алана, который озабоченно глянул на Киру и крепче обнял ее за талию.

Кира тряхнула головой, отделяясь от непрошенных мыслей, и, оглядев всех, спросила:

– Так кто введет меня в курс дела?

Мендоса фыркнул:

– Сначала твой отчет, а потом мы тебе все расскажем.

Только тут Кира сообразила, что команда собралась не только затем, чтобы приветствовать ее пробуждение. Лица у всех были встревоженные, и, присмотревшись, она увидела на них те же следы глубокой усталости, что и у Алана. Чем бы друзья ни занимались в эти выпавшие для Киры четыре недели, это далось им нелегко.

– Отчет под видеозапись, командир? – спросила она.

Лицо Мендосы оставалось суровым и неподвижным, о чем он думает – не поймешь.

– Под запись, Наварес, и ее увидит не только руководство компании.

Черт. Она слотнула, вкус заморозки по-прежнему ощущался на корне языка.

– Дадите мне час-другой? Я еще не пришла в себя.

– Нет такой возможности, Наварес. – Помедлив, он добавил: – Лучше поговорить с нами, чем...

– С кем-нибудь еще, – подхватила Иванова.

– Именно.

Растерянность Киры усилилась – усилилась и тревога. Она оглянулась на Алана, тот кивнул и крепче обнял ее, успокаивая. Ладно, если он считает, что это нужно, Кира доверится ему.

Она сделала глубокий вдох и начала:

– Последнее, что я помню: как мы отправились изучить органические вещества, которые дрон обнаружил перед падением. Пилотировала шаттл Негар Исфагани. Мы приземлились на острове номер...

Кире понадобилось немного времени, чтобы пересказать события того дня, закончив падением внутрь странного круга скал, в тот зал глубоко под землей. Она как могла постаралась описать помещение, но здесь память начала изменять ей до такой степени, что оказалась вовсе бесполезной. (В самом ли деле на пьедестале светились линии или это плод ее воображения?)

– Это все, что ты видела? – спросил Мендоса.

Кира вновь почесала руку.

– Это все, что я помню. Кажется, я попыталась встать. А потом... – Она покачала головой. – Потом – провал.

Начальник экспедиции нахмурился, сунул руки в карманы комбинезона. Алан поцеловал Киру в висок.

– Как жаль, что тебе пришлось через такое пройти.

– Ты до чего-нибудь дотрагивалась? – спросил Мендоса.

Кира подумала:

– Только там, где упала.

– Ты уверена? Когда Негар тебя вытаскивала, она видела следы в пыли на столбе в центре помещения и вокруг него.

– Я уже сказала: последнее, что я помню, – как я пыталась встать. – Кира наклонила голову и спросила: – Почему бы не посмотреть запись со скинсьюта?

Странная гримаса в ответ.

– Падение повредило сенсоры скинсьюта. Телеметрия вышла из строя. И от имплантов тоже толку мало. Они перестали записывать через сорок пять секунд после того, как ты попала в это помещение. Файзель говорит, такое часто случается при сильных ушибах головы.

– Импланты повреждены? – обеспокоилась Кира. Ей-то казалось, они работают, как обычно.

– Твои импланты в полном порядке, – вмешался Файзель и снова сделал это неприятное движение губами. – В целом про твой организм я такого сказать не могу.

Кира замерла, стараясь не выдать себя жестом – не показать врачу, как он ее напугал.

– Какие у меня травмы?

Алан попытался ответить, но врач его перебил:

– Трещины в двух ребрах, поврежден локтевой сустав правой руки, растянута связка. Сломана лодыжка, разорвано ахиллесово сухожилие, многочисленные ссадины и кровоподтеки, сотрясение мозга средней тяжести, сопровождавшееся отеком. – Каждую травму Файзель, перечисляя, отсчитывал по пальцам. – Почти все я вылечил, остальное само заживет через несколько недель. В этот период могут быть небольшие боли.

Кира чуть не засмеялась вслух. Иногда смех – единственная разумная реакция.

– Я очень испугался за тебя, – сказал Алан.

– Мы все испугались, – подхватила Мари-Элиза.

– Ага, – шепнула Кира, крепче хватаясь за Алана. Она могла лишь попытаться вообразить, каково ему было в эти недели, пока он дожидался ее возвращения из сна. – Значит, ты вытащила меня из той дыры, Негар?

Негар помахала рукой перед собой:

– Ну так-сяк. Непросто было.

– Но ты справилась.

– Как видишь, дорогуша.

– При первой же возможности куплю тебе целую гору булочек с корицей.

Мендоса придвинул медицинскую табуретку и сел. Уперся ладонями в колени, руки прямые, напряженные.

– Она тебе не сказала – знаешь что? Вперед, Негар, расскажи все как есть.

Негар потеряла руки.

– Черт. Ну ты была без сознания, мне пришлось привязать тебя к себе, чтобы ты не зацепилась за что-нибудь и тебе не оторвало, например, голову, когда Гейгер потащит тебя наружу. В туннеле, сквозь который ты провалилась, места было мало, и вот...

– На ней порвался скинсьют, – не утерпел Джинан.

Негар остановила его движением руки.

– Да. Полная... – Кашель прервал ее речь, на миг Негар сложилась вдвое, отхаркиваясь. Звук был влажный, как при бронхите. – Уф! Полная разгерметизация. Повозилась же я, висая на стропях и латая скинсьют одной рукой.

– Иными словами, – подытожил Мендоса, – Негар тоже пришлось отправить в карантин вместе с тобой. Мы провели все тесты, какие есть в протоколе, плюс еще несколько не предусмотренных протоколом. Все результаты отрицательны, но ты так и не приходила в себя...

– Это было ужасно! – не удержался Алан.

– И поскольку мы не знали, с чем имеем дело, я распорядился отправить вас обоих в криосон, пока мы не овладеем ситуацией.

Киру передернуло.

– Негар, все из-за меня!

– Не переживай, – улыбнулась Негар.

Файзель ударил себя кулаком в грудь.

– А меня кто пожалеет? Про меня-то и забыли. Криосон – легкотня. А я просидел в карантине почти месяц после того, как возился с тобой, Наварес. Месяц!

– Большое спасибо, что вылечил меня, – сказала Кира. – Не думай, что я этого не ценю.

Она и правда была благодарна. А за месяц в изоляторе любой спятит.

– Ты бы лучше не совала свой длинный нос, куда не просят. Ты бы...

– Хватит, – негромко велел Мендоса, и врач унялся, но сначала ткнул в Киру рогаткой из указательного и среднего пальца – ей еще в школе объяснили, что это старинный грубый жест. Очень грубый.

Она отпила еще глоток воды, чтобы успокоиться.

– А почему нас так долго не размораживали? – Она перевела взгляд на Негар. – Или тебя разбудили раньше?

Негар снова откашлялась:

– Два дня назад.

Лица у всех омрачились, настроение явно ухудшилось.

– Что еще случилось? – спросила Кира.

Прежде чем Мендоса успел ответить, снаружи раздался рев ракетного двигателя – намного громче, чем на шаттлах, – и стены изолятора затряслись, как при легком землетрясении.

Кира вздрогнула, но больше никто не был застигнут врасплох.

– Что это?

Она проверила данные, поступающие на импланты от наружных камер. Только и смогла разглядеть клубы дыма на посадочной площадке рядом с базой.

Рев быстро затих: то космическое судно, которое она не распознала, скрылось в верхних слоях атмосферы.

Мендоса ткнул пальцем в потолок:

– Вот что случилось. Когда Негар доставила тебя на базу, я доложил капитану Равенне и она отправила срочное сообщение руководству на Шестьдесят первую Лебеда. После этого «Фиданца» включила режим радиомолчания.

Кира кивнула. Это понятно. Закон ясен: при обнаружении разумной инопланетной жизни следует принять все необходимые меры, чтобы не привести инопланетян «на хвосте» к человеческим поселениям. Хотя технологически развитые инопланетные расы без особого труда и сами разыщут Лигу, если у них появится такое желание.

– Равенна от злости только что антиматерией не плевалась, – продолжал Мендоса. – Экипаж «Фиданцы» рассчитывал отбыть через несколько дней.

Он помахал рукой:

– Во всяком случае, как только в корпорации получили сообщение, они передали его в Министерство обороны. Через пару дней ОВК снарядило сюда с Шестьдесят первой Лебеда один из больших крейсеров, «Смягчающие обстоятельства». Крейсер достиг нашей системы четыре дня тому назад, и...

– И с тех пор начался большой геморрой, – вставила Иванова.

– Буквально, – подхватил Сеппо.

– Ублюдки, – проворчала Негар.

ОВК. Кира достаточно имела дело с солдатами Лиги и на Вейланде, и за его пределами и знала, как мало их волнуют проблемы местных жителей. Отчасти это высокомерие происте-

кало, думала Кира, от новизны самой службы: и Лига, и ее Объединенное военное командование были созданы лишь после открытия Великого Маяка. Политики заявили о необходимости полного объединения, учитывая, что могла означать такая находка. Болезни роста неизбежны. Однако Кира подозревала и иную причину этой грубости и небрежности: империалистическая политика Земли и Солнечной системы в целом. Любые права колоний были в глазах ОВК ничтожны, когда речь шла о выгодах Земли, о «высшем благе», как выражались военные. Благе для кого именно, хотелось спросить.

Мендоса ворчливо продолжал:

– Капитан «Смягчающих обстоятельств» – сукин сын с кошачьими глазами, некий Хенриксен. На кривой козе не подъедешь. Больше всего он переживал, не подцепила ли Негар в тех руинах какую-нибудь заразу. И он пригнал сюда врача и команду ксенобиологов...

– И они обустроили тут кабинет и последние два дня лезли нам во все дыры, пока нас не стошнило, – завершил Джинан.

– Буквально, – повторил Сеппо.

Мари-Элиза кивнула:

– Это было так неприятно! Повезло тебе, что ты еще спала.

– Похоже на то, – осторожно сказала Кира.

Файзель фыркнул:

– Они облучили каждый квадратный сантиметр кожи каждого из нас – по несколько раз. Сделали полный рентген. МРТ и компьютерную томографию, полный анализ крови, секвенировали ДНК, изучили мочу и кал и взяли биопсию: этот легкий след у тебя внизу живота – после биопсии печени. Они даже составили каталог бактерий у нас в кишечниках.

– И? – спросила Кира, переводя взгляд с одного члена экипажа на другого.

– Ничего, – ответил Мендоса, – Все совершенно здоровы, и Негар, и ты, и все мы.

Кира нахмурилась:

– Погоди, так у меня тоже брали анализы?

– Уж поверь, – сказала Иванова.

– А что? Ты особенная, тебя трогать нельзя? – влез Файзель, и от его тона Кира заскрипела зубами.

– Нет, но я...

Странное это было чувство – и даже неприятное – узнать, что ее обследовали, когда она находилась без сознания, – как бы эти процедуры ни были необходимы для соблюдения мер биологической безопасности.

Мендоса, видимо, понял ее возмущение. Он глянул на нее из-под нависших бровей:

– Капитан Хенриксен ясно дал понять, что не сажает нас всех под замок лишь потому, что его специалисты не обнаружили ничего необычного. Больше всего их беспокоила Негар, но они бы не отпустили ни одного из нас с Адрастеи, не убедившись до конца, что мы чисты.

– Я их не виню, – сказала Кира. – Я бы на их месте поступила так же. В подобной ситуации осторожность лишней не бывает.

Мендоса надулся.

– За это и я их не виню. А вот за то, что было дальше... Они объявили все произошедшее военной тайной. Мы даже руководству не вправе доложить о своей находке. Если кому-то расскажем – двадцать лет за госизмену.

– И на какой срок это открытие засекречено?

Он пожал плечами:

– Срок не определен.

Рухнули планы Киры опубликовать статьи в лучших научных журналах – по крайней мере, в ближайшее время об этом и думать не стоит.

– А как мы объясним, почему задержались на Адре?

– Проблемы с двигателем «Фиданцы». Все детали высланы тебе по электронной почте. Выучи их наизусть.

– Есть, сэр! – Кира снова почесала руку, мечтая об увлажняющем креме. – Ну что ж, неприятно, но не так уж плохо?

Алан тяжело вздохнул:

– Это еще не все, малыш. Все намного хуже.

Киру вновь охватил страх.

– Хуже?

Мендоса кивнул – медленно, словно опасаясь, что голова отвалится.

– ОВК закрыло на карантин не только остров.

– Нет уж, – проговорила Иванова, – это бы мы дешево отделались.

Файзель стукнул кулаком по шкафчику с инструментами:

– Да скажите же ей наконец! Они закрыли на карантин всю чертову планетную систему, ясно? Мы потеряли Адру. Пуф – и нет.

3

Кира сидела рядом с Аланом в столовой и смотрела на изображение «Смягчающих обстоятельств», передаваемое в режиме реального времени голограммой перед их глазами.

Длина корабля была около полукилометра. Ярко-белый, с веретенообразной средней частью, двигателем в форме луковицы на одном конце и лепестками вращающихся палуб на другом. Обитаемые отсеки могли прижиматься к корпусу корабля, когда он набирал скорость; эта конструкция требовала существенных затрат, большинство кораблей были устроены иначе. На носу «Смягчающих обстоятельств» виднелись пусковые трубы боевых ракет и линзы основной лазерной пушки – будто закрытые глаза. В ста с четвертью метрах от носа к корпусу плотно прилегали два одинаковых шаттла. Они были намного больше, чем те, которыми пользовалась исследовательская группа. Кира не удивилась бы, если бы выяснилось, что они оснащены марковскими двигателями, как и сам корабль.

Поразительнее всего были колеса тепловых радиаторов в средней части корабля: они начинались сразу вслед за обитаемыми отсеками и тянулись вплоть до двигателя. Края алмазных ребер радиаторов искрились и блестели, когда ловили звездный свет, а трубы литого металла, вмонтированные в ребра, сияли, словно жилы серебра.

В целом корабль выглядел как огромное смертоносное насекомое: узкое, вытянутое, блестящее.

– Эй! – окликнул Киру Алан, и она отвлеклась от дополненной реальности и увидела, что Алан протягивает ей обручальное кольцо, словно собирается вновь сделать предложение. – Думал, ты захочешь получить его обратно.

Несмотря на все переживания, на миг Кира успокоилась, знакомое тепло согрело ее.

– Спасибо, – сказала она и надела металлический ободок на палец. – Я рада, что не потеряла его в той пещере.

– И я рад. – Алан склонился ближе и шепнул: – Я тосковал по тебе.

Она поцеловала его:

– Прости, что заставила тебя волноваться.

– Поздравляю вас обоих, *chérie*, – сказала Мари-Элиза и шутливо погрозила им пальцем.

– Ага, поздравляю, – подхватил Джинан, и все остальные выразили им добрые пожелания.

Все, кроме Мендосы, который отлучился из столовой, чтобы связаться с Равенной и назначить на следующий день отлет, и Файзеля, который чистил ногти пластиковым ножом для масла.

Кира улыбнулась, счастливая и немного смущенная.

– Ты же не против? – Алан совсем близко наклонился к ней. – Я не сумел ничего скрыть, когда испугался, что ты вроде как и не собираешься очнуться.

Кира тоже подалась ближе к нему и снова быстро его поцеловала. «Мой навсегда», – сказала она себе.

– Все правильно, – подтвердила она вслух.

Тогда к ним подошел Юго, опустился на колени у края стола, чтобы не нависать над Кирой.

– Поесть сможешь? – спросил он ее. – Тебе надо бы.

Кира не была голодна, но знала, что он прав.

– Можно попробовать.

Он кивнул, широкий подбородок уткнулся ему в грудь.

– Подогрею тебе тушеное мясо с овощами. Тебе понравится. И вкусно, и для желудка необременительно.

Он зашагал прочь, а Кира вновь сосредоточилась на голограмме «Смягчающих обстоятельств». И снова поскребла руки, потом принялась снимать и надевать кольцо.

Голова все еще гудела от новостей, рассказанных Мендосой, и первоначальное ощущение дезориентации вернулось с удвоенной силой. Как обидно, что четыре месяца работы пошли прахом, но еще обиднее утратить мечту об их общем с Аланом будущем на Адрастее. Раз им не удастся поселиться здесь, это значит...

Алан, видимо, догадался, о чем она думает. Прижавшись губами к ее уху, он шепнул:

– Не переживай. Мы найдем другое место. Галактика велика.

Вот за что она так любила его.

Кира крепче обняла жениха.

– Но я не понимаю... – заговорила она.

– Я тоже многого не понимаю, – перебил ее Джинан. – Например, кто у нас бросает салфетки в раковину? – Он выставил напоказ промокшую и разбухшую ткань.

Кира не обратила внимания на эту буффонаду.

– Как Лига сумеет засекретить все это? Люди же заметят, что целая система сделалась недоступна.

Сеппо запрыгнул на стол и уселся, скрестив ноги. Малый рост делал его похожим на ребенка.

– Запросто. Неделью назад запретили все путешествия по этому маршруту. Якобы мы обнаружили токсичный патоген в биосфере. Что-то вроде Бича. И пока не будет гарантирована биологическая безопасность...

– Сигма Дракона останется в карантине, – завершила Иванова.

Кира покачала головой:

– Черт, и, наверное, нам не разрешат сохранить ничего из полученных данных.

– Ничего, – подтвердила Негар.

– Пшик, – сказал Джинан.

– Ноль, – сказал Сеппо.

– Шиш, – сказала Иванова.

Алан погладил Киру по плечу.

– Мендоса обещал поговорить с руководством, когда мы вернемся на «Выборг». Быть может, они уговорят Лигу снять запрет со всего, что не связано с этими руинами.

– Никаких шансов, – встрял Файзель. Он подул на свои ногти и продолжил маникюр. – С Лигой – никаких шансов. Они будут держать твоё открытые под спудом так долго, как смогут. О Талосе VII они вынуждены были рассказать только потому, что ту чертову штуку не скроешь.

Он ткнул в сторону Киры ножом для масла:

– Из-за тебя компания лишилась целой экзолуны. Довольна?

– Я делала свою работу, – возразила Кира. – В конце концов, это к лучшему, что я нашла развалины сейчас, пока никто еще не обосновался на Адре. Эвакуировать колонию обошлось бы намного дороже.

Сеппо и Негар кивнули, соглашаясь.

Файзель злобно усмехнулся:

– Но это нисколько не утешает нас, лишившихся премии.

– Нас лишили премии? – глухо переспросила Кира.

Алан сочувственно вздохнул:

– Поскольку проект сорван, корпорация приняла такое решение.

– Гадство, конечно, – нахмурился Джинан. – Мне вообще-то детей кормить надо. Премия – это большие деньги.

– И у меня дети...

– А у меня двое бывших мужей и кошка, они сами себя не прокормят...

– Если бы ты только...

– Не знаю, как я теперь...

С каждой новой репликой щеки Киры полыхали все сильнее. Она не была виновата – и все же была. Вся команда осталась без денег – из-за нее. Катастрофа! Она-то думала, обнаружить инопланетную постройку – удача для компании, удача для команды, а в итоге это всем причинило один лишь вред. Кира глянула на логотип, украшавший стену столовой: «Лапсанг», было написано знакомым угловатым шрифтом, и над второй буквой «а» изображен лист. И рекламные, и рекрутерские кампании корпорации всегда прославляли ее верность клиентам, колонистам и сотрудникам. «Создавая будущее вместе» – под этим лозунгом Кира росла. Она фыркнула. Ага, щас! Стоит задеть денежный интерес, и «Лапсанг» ведет себя как любая другая космическая корпорация: сначала выгода, потом люди.

– Черт побери! – сказала она. – Мы же сделали всю работу. Выполнили контракт. За что они нас наказывают?

Файзель закатил глаза:

– Ах, если бы звездные корабли пукали радугой, как это было бы прекрасно! Господи мой боже! Ей очень жаль, посмотрите на нее. И кому от этого лучше? Твои сожаления не вернут нам премию. – Он злобно зыркнул на нее. – Лучше бы ты споткнулась и сломала себе шею, как только вылезла из шаттла.

Повисло короткое неловкое молчание.

Кира почувствовала, как рядом с ней напрягся Алан.

– Эти слова тебе придется взять обратно, – сказал он.

Файзель швырнул нож в раковину.

– Да я и не собирался тут с вами просиживать. Только время тратить. – И он плюнул на пол.

Иванова отпрыгнула, чтобы слюна не попала в нее.

– Черт возьми, Файзель!

Доктор в очередной раз злобно хмыкнул и вышел вон. В каждой экспедиции попадает такой человек, это Кире было известно. Ненавидящий всех гад, которому какое-то извращенное удовольствие доставляет изводить спутников и навлекать на себя всеобщую ненависть.

Когда Файзель убрался, остальные заговорили разом.

– Не обращай на него внимания, – сказала Мари-Элиза.

– Такое могло с любым из нас приключиться.

– Док, он всегда такой.

– Слышала бы ты, что он сказал, когда я проснулась. Он...

Разговор замер: на пороге столовой появился Мендоса. Оглядел всех внимательно:

– Какие-то проблемы?

– Нет, сэр!

– Все в порядке, командир!

Он кивнул, подошел к Кире и негромко сказал:

– Не обижайся, Наварес. Нервы за последние недели у всех вымотаны.

Кира слабо улыбнулась:

– Ничего. Правда, ничего.

Он снова кивнул, уселся возле дальней стены, и обстановка в столовой вскоре вернулась к нормальной.

Вопреки бодряческому ответу, который она дала Мендосе, Кира не могла избавиться от неприятного узла, завязавшегося в кишках. По сути Файзель был прав. И еще ее тревожил вопрос: куда же им с Аланом теперь? Все, что она успела мысленно запланировать для них обоих на ближайшие годы, уничтожено проклятыми инопланетными руинами. Если б тот дрон не упал. Если б она отказалась обследовать тот участок по приказу Мендосы. Если бы...

Юго коснулся ее руки, и Кира вздрогнула.

– Держи! – Он вручил ей глубокую тарелку с тушеным мясом и мелкую с грудой исходящих паром овощей, кусок хлеба и половину шоколадного батончика – наверное, последнего на базе.

– Спасибо, – пробормотала Кира, и кок улыбнулся.

4

До той минуты Кира не осознавала, насколько она голодна: чувствовала только слабость и головокружение. Но еда не очень-то пошла ей впрок: слишком Кира была расстроена, и желудок урчал от тревоги и последствий криосна.

Сидевший на соседнем столе Сеппо произнес:

– Мы все гадали, остались ли эти развалины от тех же инопланетян, которые построили Великий Маяк, или нет. Что скажешь, Кира?

Она заметила, что и другие смотрят в ее сторону. Кира сглотнула, отложила вилку и постаралась ответить как специалист:

– Кажется маловероятным, чтобы в одном и том же регионе Вселенной развились две разумные расы. Так что мой ответ предположительно «да», но точно сказать никто не может.

– Эй, а как же мы? – напомнила Иванова. – Мы, люди. Мы ведь в том же регионе, в общем и целом.

В углу столовой снова закашлялась Негар, этот влажный, утробный звук тревожил Киру.

Джинан высказал свое мнение:

– Да, но ведь неизвестно, насколько широко расселились создатели Маяка. Может, они полгалактики в свое время захватили.

– Думаю, в таком случае мы нашли бы больше следов их присутствия, – возразил Алан.

– Да ведь мы только что и нашли, – заметил Джинан.

На это у Киры готового ответа не было.

– Вам удалось что-то узнать о том месте, пока я была в крио?

– Мм, – вмешалась Негар и подняла руку, прося подождать, пока она откашляется в рукав. – Кхээ! Извините. Весь день глотку дерет. Да, я просканировала пол этого зала прежде, чем вытащила тебя.

– И что там?

– Еще один зал прямо под тем, который ты обнаружила. Намного меньше, метр в диаметре. Возможно, там находился источник энергии, но точно сказать нельзя, пока его не вскроют. Тепловизор не зафиксировал значительных температурных отклонений.

– Как велика постройка в целом?

– То, что ты видела наверху, плюс двенадцать метров вниз под землю. Кроме помещений, вроде бы только крепкий фундамент и стены.

Кира кивнула, размышляя. Кто бы ни построил эти «скалы», рассчитана постройка была на долгие века.

Прозвучал высокий, как музыка флейты, голос Мари-Элизы:

– Это не очень похоже на Великий Маяк. То есть эта постройка ведь намного меньше.

Великий Маяк был обнаружен на окраине исследованного космоса в 36,6 светового года от Солнечной системы, примерно в 43 световых годах от Вейланда. Кире не требовалось выходить в дополненную реальность, чтобы вспомнить эти цифры: в детстве она бесконечно читала все, что писали о той экспедиции.

Маяк сам по себе был примечательным сооружением. Попросту говоря, это была яма. Очень большая яма – пятьдесят километров в диаметре, тридцать километров в глубину, вокруг сеть из жидкого галлия, игравшая роль гигантской антенны. Каждые 5,2 секунды яма испускала мощный электромагнитный импульс и с ним структурированный звук, содержащий все новые и новые координаты множества Мандельброта, закодированные троичным кодом. Рядом с Маяком находились существа, которых первооткрыватели прозвали черепахами, хотя те больше походили на самоходные булжники. Даже после двадцати трех исследований не стало ясно, живые это существа или роботы (разумеется, ни у кого не хватило слабоумия и отваги провести вскрытие). Ксенобиологи и инженеры считали, что черепахи едва ли могли быть строителями Маяка – разве что впоследствии они утратили свои высокие технологии, – но оставалось загадкой, кто же тогда построил этот Маяк.

Также неясной оставалась и цель, ради которой его построили. Единственное, что удалось установить, – возраст этого сооружения: около шестнадцати тысяч лет. Но и это было лишь приблизительной оценкой на основании радиометрических данных.

Кира с огорчением подумала, что, скорее всего, так и не узнает, связаны ли строители Маяка с тем залом, куда она провалилась. Даже если еще несколько сотен лет проживет. Глубины времени не торопятся расставаться со своими тайнами.

Она вздохнула и провела зубцами вилки по шее сбоку – приятно ощутить металлические кончики на пересохшей коже.

– Кому какое дело до Маяка. – Сеппо прыгнул со стола. – Меня огорчает, что мы ничего не сможем заработать на всем этом безобразии. Ни рассказать об открытии, ни опубликовать статью. Ни в ток-шоу поучаствовать...

– Ни права на экранизацию продать, – иронически подхватила Иванова, и все рассмеялись, а Джинан выкрикнул:

– Кто на твою уродскую морду смотреть-то захочет!

Он успел уклониться от брошенных Ивановой перчаток и, хохоча, запустил ими обратно в нее.

Кира ссутулилась, чувствуя себя виноватой.

– Простите меня, ребята. Если бы в моих силах было что-то исправить, я бы непременно.

– Да уж, на этот раз ты облажалась по-крупному, – согласилась Иванова.

– И чего тебя потянуло к этим скалам? – добавил Джинан, но беззлобно.

– Не переживай, – улыбнулась Негар. – Это... это могло случиться...

Кашель перебил ее на полуслове, и Мари-Элиза договорила за Негар:

– Могло случиться с любым из нас.

Негар кивнула, подтверждая.

Мендоса, сидевший у стены, подытожил:

– Главное, что ты не слишком сильно пострадала, Кира. Ты и Негар. Нам всем повезло.

– Но мы потеряли колонию, – сказала Кира. – И премию.

Темные глаза Мендосы заблестели как сталь.

– Думаю, твоя находка стоит всех наших премий. Может быть, уйдут годы или десятилетия. Но если мы не сглупим, твоя находка окупится. Это неизбежно, как смерть и налоги.

Глава IV

Утрата

1

Час был поздний, Кира уже едва могла следить за разговором.

Слова ускользали от нее, как бессмысленный поток звуков. Наконец она поднялась, оглянулась на Алана. Он кивнул и тоже встал из-за стола.

– Добрночи, – сказала Негар. В последний час она только и способна была на такие односложные реплики: ее душил кашель.

«Хоть бы не разболелась, – подумала Кира, – иначе, скорее всего, заразится вся команда».

– Доброй ночи, *chérie*, – кивнула Мари-Элиза. – С утра жизнь станет веселее, вот увидишь.

– Будь на ногах к девяти ноль-ноль, – распорядился Мендоса. – ОВК наконец отпускает нас: в одиннадцать вылетаем на «Фиданцу».

Кира помахала рукой и побрела следом за Аланом.

Не сговариваясь, они сразу направились в его комнату. Там Кира сняла форму, уронила ее на пол и забралась в постель, даже не расчесав волосы на ночь.

Четыре недели криосна, а она измучена. Сон в заморозке не похож на настоящий сон. С настоящим ничто не сравнится.

Матрас слегка просел, когда Алан лег рядом с Кирой. Одной рукой он обнял ее, другой взял ее за руку, его грудь и ноги прижимались к ее телу: теплое, успокоительное прикосновение. Кира прижалась к нему, что-то тихо бормоча.

– Я боялся тебя потерять, – прошептал он.

Она повернулась к нему лицом:

– Никогда!

Он поцеловал ее, а она его, и вскоре нежные ласки сделались более жадными. Они страстно прильнули друг к другу.

Никогда Кира не чувствовала такой близости с Аланом, даже в тот вечер, когда он сделал ей предложение. Страх за нее, страх ее потерять она ощущала в каждой клеточке его тела и в каждом его прикосновении, в каждом произнесенном шепотом слове ощущала его любовь.

Потом они протиснулись в узкую душевую в дальнем конце комнаты. Приглушив свет, они помогали друг другу намылиться и тихо переговаривались.

Когда горячая струя потекла по спине, Кира сказала:

– Кашель у Негар какой-то нехороший.

Алан пожал плечами:

– Обычное недомогание после криосна. ОВК сделало все анализы, Файзель тоже. И воздух на базе очень сухой...

– Верно.

Они вытерлись, и Алан помог Кире намазаться с головы до ног кремом. Она вздохнула с облегчением, когда увлажняющий состав начал проникать внутрь, смягчая неприятное покалывание кожи.

Вернувшись в постель и выключив свет, Кира изо всех старалась уснуть, но ее преследовали мысли о том зале, где линии складывались в узоры, похожие на электронную схему, и о том, как дорого ее открытие обошлось команде и ей самой. Да и обвинения, которые бросил ей Файзель, не шли из головы.

Алан заметил это.

– Перестань, – шепнул он.

– Мм... просто... что сказал Файзель...

– Не обращай на него внимания. Он разочарован и злится. Больше никто так не думает о тебе.

– Ага.

Но Кира не была в этом вполне уверена. Как все это несправедливо! Она делала только то, что входило в ее обязанности, и любой из них на ее месте сделал бы то же самое. Если бы она не осмотрела те странные скалы, Файзель первый попрекнул бы ее: нечего отлынивать! И ведь она и Алан тоже пострадали из-за этого открытия, потеряли уж никак не меньше, чем остальные члены команды...

Алан ткнулся носом ей в затылок.

– Все будет хорошо. Вот увидишь.

И он затих, а Кира слушала его замедленное дыхание и смотрела в темноту.

Все по-прежнему было плохо и как-то неправильно. Желудок завязывался узлами, все большее, и Кира насильно заставляла себя закрыть глаза и не думать о Файзеле и о ближайшем будущем. Но никак не могла забыть слова, прозвучавшие в столовой, и горячий уголек гнева продолжал разгораться в ней, даже когда она провалилась наконец в беспокойный сон.

2

Тьма. Огромное пространство космоса, пустынное, незнакомое. Звезды – холодные точки света, острые, словно иголки на бархатной подушечке.

Впереди раздувалась, увеличиваясь в размерах, звезда – Кира неслась к ней стремительнее самого быстрого корабля. Звезда была тусклой, красно-оранжевой, словно кусок угля, гаснущего на слое сажки. Старая, усталая звезда, наверное, она родилась в раннюю пору Вселенной, когда все было горячим и ярким.

Семь планет вращались вокруг сумрачной звезды: один газовый гигант и шесть планет земного типа. Темно-коричневые, в пятнах, будто больные, а между второй и третьей планетой блеснул пояс мелких астероидов – словно кристаллический песок. Печаль охватила Киру. Она не могла объяснить отчего, но при этом зрелище ей захотелось плакать, как плакала она, когда умер дедушка. Хуже этого ничего быть не могло: утрата, полная и безнадежная, без надежды на возвращение.

Но печаль, томившая ее, была старинной, и, как всякая печаль, она утихла, заглушенная более настойчивыми чувствами – гневом, страхом, отчаянием. Сильнее всего был страх, и он дал Кире понять, что опасность надвигается, неотвратимая, подступающая вплотную, – и все же она не могла пошевелиться, словно слой глины сковал извне ее тело.

Угроза совсем близка, вот уже нависает, и вспыхнула паника. Нет времени ждать, нет времени думать. Надо вырваться! Сначала освободиться, а потом...

Звезда разгорелась ярче, с силой тысячи солнц, из ее короны во тьму вонзились клинки мечей. Один клинок проник в нее, в Киру, белая вспышка, словно копье воткнули в глаз, и каждый сантиметр кожи горел, обугливаясь.

Она завопила – в пустоту, – но боль не прекратилась, и она вскрикнула снова...

Кира резко села в постели. Она задыхалась, с нее градом лил пот, одеяло облепило ее, как пленка. Где-то на территории базы тоже раздавались крики, в них явно звучала паника.

Рядом с Кирой очнулся и Алан.

– Что?

Снаружи послышались шаги. Чей-то кулак забарабанил в дверь. Они услышали голос Джинана:

– Выходите скорее! Негар...

Кира почувствовала, как сводит кишки ледяной ужас.

Оба они торопливо оделись. Кира на миг вспомнила свой странный сон – но сейчас все казалось странным, – и они выбежали из комнаты и кинулись на поиски Негар. Подбегая, Кира услышала кашель, глубокий, влажный, словно рвущий плоть, – ее воображению представилась, как сырое мясо пропускают через измельчитель, и Кира задрожала.

Негар стояла посреди коридора, все столпились вокруг нее. Согнувшись вдвое, упираясь руками в колени, она кашляла так, что, казалось, Кира слышала, как натягиваются ее голосовые связки. Рядом стоял Файзель, придерживая ее за спину.

– Дыши! – твердил он. – Сейчас отнесем тебя в изолятор. Джинан! Алан! Хватайте ее за руки, помогите нести. Быстрее, бы...

Негар содрогнулась всем телом. Кира отчетливо услышала громкий звук, словно в груди женщины что-то порвалось.

Черная кровь хлынула у Негар изо рта, веером растеклась по коридору. Мари-Элиза вскрикнула, кого-то рядом затошнило. Страх, преследовавший Киру во сне, вернулся, приумноженный стократ. Это скверно. *Опасно.*

– Идем, – позвала она и дернула Алана за рукав.

Но Алан ее не слушал.

– Назад! – крикнул Файзель. – Все назад! Свяжитесь со «Смягчающими обстоятельствами», срочно!

– Дорогу! – прогрохотал Мендоса.

Новый фонтан крови выплеснулся изо рта Негар. Женщина упала на одно колено. Ярko сверкали белки расширившихся в панике глаз. Лицо покраснело, шея раздувалась, как будто что-то душило Негар изнутри.

– Алан! – позвала Кира.

Слишком поздно: он уже двинулся на помощь Файзелю.

Кира отступила на шаг. Потом еще. Никто не обратил внимания – все смотрели на Негар, пытаясь сообразить, что надо делать и как при этом не попасть под струю крови из ее рта.

Кире хотелось крикнуть им: «Уходите! Бегите! Спасайтесь!»

Она покачала головой, прижала ко рту кулаки, страшась, что кровь выхлестнет и из нее. Голова, казалось, вот-вот лопнет, а под кожей творился какой-то ужас: словно тысячи муравьев ползли по каждому сантиметру ее тела, и все тело содрогалось от омерзения.

Джинан и Алан пытались поставить Негар на ноги. Она покачала головой, захлебнулась в рвотном позыве – раз, другой. И выплюнула на палубу какой-то сгусток. Слишком темный – это не кровь. Жидкий – значит, не металл.

Кира впиалась ногтями себе в руку, расцарапывая кожу и пытаясь заглушить вопль отвращения.

Негар рухнула на спину. Сгусток шевельнулся. Он дергался, как срез мышцы под током.

Все закричали, отскакивая в сторону. Алан отошел к Кире, не сводя глаз с этого бесформенного кома.

Кира ощущала рвотные позывы – вхолостую. Она попятилась дальше. Рука горела, словно тонкие линии огня пробегали по коже.

Она глянула на руки.

Собственные ногти оставили глубокие борозды в ее плоти, алые рывины с клочьями кожи по краям. И внутри борозд она увидела нечто иное – шевелящееся.

3

С отчаянным воплем Кира упала на пол. Боль пожирала ее. Это единственное, что она сознавала.

Запрокинув голову, выгнув спину, она билась, царапала пол, пытаясь стряхнуть с себя эту муку. Она закричала снова, она закричала так громко, что сразу охрипла и горло изнутри опалило горячей кровью.

Она задыхалась. Слишком сильная боль. Кожа горела, по венам словно текла кислота, плоть отрывалась от костей.

Темные силуэты загородили свет: люди столпились вокруг. Прямо над ней появилось лицо Алана. Она рванулась снова, перевернулась на живот, прижалась щекой к твердому полу.

На миг тело обмякло, и Кира успела один раз втянуть в себя воздух, прежде чем окаменела, испустив короткий вой. Мышцы лица растянулись в гримасе, слезы потекли из уголков глаз.

Чьи-то руки перевернули ее. Схватили за руки, за ноги, прижимая к полу. Но боль это не остановило.

– Кира!

Усилием воли она открыла глаза и увидела – размыто – Алана, а за ним Файзеля, который склонился над ней со шприцем в руках. Джинан, Юго и Сеппо прижимали ее ноги к полу, а Иванова и Мари-Элиза оттаскивали Негар от того кома на полу.

– Кира! Посмотри на меня! Посмотри!

Она пыталась ответить, но издала лишь придушенное хныканье.

Файзель воткнул иглку шприца ей в плечо. Какое бы средство он ни ввел, оно, видимо, не подействовало. Пятки ее колотили по полу, она слышала, как ее затылок ударяет о пол вновь и вновь.

– Господи, да сделайте же что-нибудь! – крикнул Алан.

– Берегись! – рявкнул Сеппо. – Та штука на полу движется. Че-ерт!

– В изолятор! – распорядился Файзель. – Несем ее в изолятор. Срочно. Поднимайте ее!

Стены поплыли вокруг, когда друзья оторвали Киру от пола. Ей казалось, она вот-вот задохнется. Попыталась вдохнуть, но мышцы были слишком напряжены. Красные искры замерцали перед глазами. Алан и другие почти бегом несли ее по коридору. Ей казалось, она плывет по воздуху – все утратило смысл, кроме боли и страха.

Резкая остановка – ее уронили на медицинскую кушетку в изоляторе. Мышцы живота расслабились на миг – ровно настолько, чтобы Кира успела вдохнуть, прежде чем они оцепенели снова.

– Закройте дверь! Не впускайте сюда ЭТО.

С грохотом сработал пневматический затвор изолятора,

– Да что ж это такое? – спросил Алан. – Что с ней?

– В сторону! – крикнул Файзель.

Снова иглка шприца втыкается в кожу – теперь в шею. И словно в ответ боль утроилась, поверить невозможно, что боль может стать еще сильнее. С тихим стоном Кира заметалась, контролировать движения она не могла. Она чувствовала, как во рту собирается пена, забивает горло. Кира давилась и билась в конвульсиях.

– Черт. Дай инъектор. В другом ящике. Нет, в другом.

– Док...

– Не лезь!

– Док, она не дышит!

Застучали инструменты, чьи-то пальцы разжали Кире челюсти, сунули ей в рот трубку, пропихнули ниже, в горло. Она снова давилась, но мгновение спустя воздух – сладостный, драгоценный воздух – хлынул в ее легкие, и завеса перед глазами рассеялась.

Над ней склонялся Алан, его лицо было искажено тревогой.

Кира попыталась заговорить. Но послышался лишь нечленораздельный стон.

– Все будет хорошо, – выпалил Алан. – Главное, держись. Файзель тебе поможет.

Вид у него был словно он вот-вот заплачет.

Никогда в жизни Кире не было так страшно. Что-то внутри у нее пошло не так – и становилось все хуже.

Бежать, думала она. Бежать! Выбраться отсюда, пока не...

Черные линии резко проступили на коже: похожие на зигзаги молнии, но они шевелились, извивались, как живые. Потом замерли, и там, где прошла линия, кожа лопнула, разошлась, как панцирь линяющего насекомого.

Страх захлестнул Киру, ей казалось, на нее обрушился беспощадный и необоримый рок. Если бы она сейчас смогла вскрикнуть, вопль ее достиг бы звезд.

Из кровавых трещин кожи ползли наружу тонкие щупальца. Они мотались взад-вперед, как безголовые змеи, а потом затвердели в острые как бритва шипы и принялись наносить удары во все стороны, вслепую.

Шипы протыкали стены. Протыкали потолок. Скрежетали металлические пластины, мигали, рассыпались на осколки светодиодные полосы, в изолятор ворвался пронзительный визг ветра, всегда дующего на Адре, и столь же пронзительный сигнал тревоги.

Кира упала на пол. Щупальца-шипы дергали ее во все стороны, как марионетку на ниточках. Она видела, как шип пронзил грудь Юго и три других шипа воткнулись в Файзеля – в шею, руку и пах. А затем шипы вышли из ран, и следом за ними выплеснулась кровь.

Нет!

Дверь в изолятор распахнулась, вбежала Иванова. Лицо ее перекосилось от ужаса – и тут же в живот ей вошло два шипа, и она рухнула. Сеппо хотел убежать, шип настиг его сзади, пригвоздил к стене, словно бабочку булавкой.

Нет!

Кира отключилась. Когда же она пришла в себя, Алан стоял на коленях перед ней, прижимаясь лбом к ее лбу, уронив руки ей на плечи. Глаза его были пусты и безжизненны, из уголка рта сочилась кровь. Не сразу Кира увидела, что с десятков шипов соединили его тело с ее в непристойной пародии на близость.

Сердце затрепетало и остановилось, пол ушел из-под ног, и бездна разверзлась. Алан. Товарищи по команде. Мертвы. По ее вине. Это было непереносимо.

Боль. Она умирала – тем лучше. Только бы мука прекратилась наконец, только бы поскорей наступила тьма и с ней – забвение. И вот зрение помрачилось, звук сирены умолк, и того, что было прежде, больше не стало.

Глава V Безумие

1

Кира открыла глаза.

Не было медленного пробуждения. Не было постепенного возвращения к сознанию. На этот раз не так. Мгновение назад – пустота, а в следующий миг – взрыв впечатлений, сигналов от всех органов чувств, ярких, резких, перегружающих.

Она лежала на дне высокого и круглого помещения – цилиндра со стенами высотой более пяти метров, до потолка не дотянуться. Похоже на элеватор, который их соседи, семья Рошан, построили, когда ей было тринадцать. Примерно посередине стены – двустороннее зеркало, большой серебряный прямоугольник, где мелькает серая тень-отражение. По кругу потолок опоясан узкой световой лентой, и это единственный источник освещения.

Вокруг Кире молча, изящно двигались сразу две роборуки, на конце каждой – веер диагностических инструментов. Стоило Кире глянуть на них, и руки замерли, затем уползли под потолок и там замерли в боевой готовности.

В стене воздушный шлюз со встроенной заслонкой – можно передавать небольшие предметы. Напротив – гермодверь, которая вела, вероятно, вглубь... вглубь чего-то. На ней тоже заслонка, схожая с первой и размером, и назначением. Тюремная кормушка – разве что технологии современные. Койки не было. Не было одеяла. И раковины тоже. Холодные, голые металлические стены.

По-видимому, она на корабле. И это не «Фиданца». Это «Смягчающие обстоятельства», а значит...

Всплеск адреналина. Кира резко выпрямилась, чуть не вскрикнув. Боль, шипы... Негар, Файсель, Юго, Иванова... Алан! Воспоминания накрыли ее приливной волной. Память вернулась, но лучше бы не возвращалась. Кишки завязались узлом, с глубоким протяжным стоном Кира рухнула на четвереньки, уперлась лбом в пол. Швы палубы впились в кожу, но на это она не обращала внимания.

Когда Кира смогла вдохнуть, она завывала, вложив в единственный пронзительный вопль всю свою муку.

Это была ее вина, только ее. Если бы она не нашла тот проклятый зал, и Алан, и все остальные были бы живы. Она не заразилась бы какой-то неведомой формой жизни.

Шипы!

Куда подевались те шипы и щупальца, что прорвались сквозь ее кожу? Кира глянула вниз, на свое тело, и сердце чуть не остановилось.

Ее ладони были черными. И руки, и грудь, и все, что она сумела разглядеть. Слой блестящего, волокнистого материала облеплял ее плотнее любого скинсьюта.

Ужас поднимался изнутри.

Кира принялась царапать руки в тщетной попытке отодрать от себя эту чужь. Но ее ногти, даже в этой новой твердой оболочке, не могли порвать или проколоть волокна. В отчаянии она поднесла запястье ко рту и укусила его.

Рот наполнился вкусом металла и камня. Зубы ощутили давление, но, как бы сильно она ни впивалась, боли не было.

Кира с трудом поднялась на ноги, сердце частило, сбиваясь с ритма, зрение на периферии померкло.

– Снимите! – закричала она. – Снимите с меня эту чертову штуковину!

Сквозь панику она успела подумать, где же команда корабля, – единственная связная мысль посреди безумия.

Роборука опустилась, направляясь к ней, клешня держала шприц. Прежде чем Кира успела тронуться с места, роборука добралась до ее головы и воткнула иглу за ухом, где еще оставалась не затянута черными волокнами кожа. Киру будто бы окутало плотное одеяло. Она пошатнулась, вытянула руку, пытаясь подстраховаться, но уже падала...

2

Паника вернулась вместе с сознанием.

Какое-то инопланетное существо соединилось с ее организмом. Она заражена, возможно, также заразна. Страх, преследующий каждого ксенобиолога: нарушение биологической безопасности и в результате – жертвы.

Алан...

Кира задрожала, уткнулась лицом в сгиб локтя. Что-то кололо пониже шеи – миллион крохотных игл, миллион страхов. Она хотела посмотреть, но не хватило смелости. Пока не хватило.

Слезы копились под сомкнутыми веками. Утрата Алана – словно открытая рана. Не может быть, чтобы он погиб! У них было столько планов, столько надежд и мечтаний, и ничему не суждено сбыться.

Она не увидит, как он строит дом, о котором ей так подробно рассказывал, они не будут кататься на лыжах в горах на юге Адры, она не подарит ему детей – ничего, ничего из того, что сулило ей воображение.

Эта мысль была мучительнее любой физической боли.

Она потрогала палец – кольцо из полированного железа с тессеритом исчезло. А с ним и единственное материальное напоминание об Алане.

Из далекого прошлого явилось воспоминание: отец опустил рядом с ней на колени в парнике и бинтует порез на пальце, приговаривая:

– Боль исходит от тебя самой, Кира. – Он ткнул пальцем ей в лоб. – Болит лишь настолько, насколько мы позволяем болеть.

Может, и так, но Кире все равно было плохо. Боль есть боль, и она упорно давала о себе знать.

Сколько времени она провела без сознания? Минуты? Часы?.. Вряд ли часы: она лежала там, где упала, не чувствовала ни голода, ни жажды. Лишь истощена своим горем. Все тело болело, как будто было покрыто синяками. По-прежнему не открывая глаз, Кира убедилась, что не может выйти в дополненную реальность.

– Петра, включись! – велела она, но система не отреагировала, даже щелчка не было. – Петра, перезагрузись.

Но тьма не рассеялась.

Разумеется, ОВК отключило ее импланты.

Кира зарычала от бессильной ярости. Как могли военные специалисты не заметить инопланетный организм в ее теле и в теле Негар? Ведь этот организм очень велик. Даже при общем осмотре должен был обнаружиться. Если б ОВК выполнило свою работу как полагается, все остались бы живы.

– Черт вас побери! – пробормотала она.

Гнев пересилил и страх, и панику, и Кира открыла глаза.

Снова голые металлические стены. Светодиодные полосы. Двойное зеркало. Зачем ее притащили на «Смягчающие обстоятельства»? Зачем рисковать распространением неведомой заразы? Она не видела смысла в этом решении военных.

Слишком долго она уклонялась от неизбежного. Собравшись с духом, Кира осмотрела себя: ее тело по-прежнему покрыто иссиня-черным слоем. Только это и больше ничего. Этот слой был похож на пересекающиеся мышцы: видно, как отдельные нити и полосы вытягиваются и сокращаются при каждом ее движении. Тревога Киры усилилась – и по волокнам пробежало мерцание. Разумно ли это существо? Прямо сейчас нет никакого способа выяснить.

Она осторожно коснулась одной точки на руке и зашипела, обнажая зубы: она чувствовала прикосновение своих пальцев к руке, словно промежуточного слоя волокон и не существовало. Паразит – живой ли это организм или нечто искусственное – проник в ее нервную систему. Кира ощущала кожей движение циркулирующего воздуха, как и каждый квадратный сантиметр пола, впивавшийся в ее плоть. Все равно как если бы она была совершенно голой.

И все же... она не замерзла. Не настолько, как следовало ожидать.

Кира ощупала подошвы. Тоже покрыты этим волокном, как и ладони. Поднимаясь все выше, она убедилась, что спереди этот инопланетный «скинсьют» доходит почти до подбородка. Свободный от волокон круг заканчивался сразу за ушами. Сзади черный слой переходил с шеи на затылок и...

Волосы исчезли. Под любознательными пальцами – лишь ровные очертания черепа.

Кира сжала зубы. Что еще украла у нее чужь?

Сосредоточившись на ощущениях своего тела, Кира поняла, что чужь соединилась с ней не только снаружи: она находилась и внутри, заполнила ее, проникла всюду, хотя и довольно вкрадчиво.

К горлу подступила желчь, надвигался приступ клаустрофобии. Кира оказалась в ловушке, внутри чужь, никуда не убежать...

Согнувшись, она попыталась изрыгнуть то, что ее душило, – ничего не вышло, только желчь обожгла язык да судорога свела желудок.

Кира задрожала. Как, черт побери, ОВК сумеет ее обеззаразить, если этот «скинсьют» находится и снаружи, и внутри? Она просидит в карантине месяцы, а то и годы.

Годы вместе с чужью.

Она сплюнула в угол и машинально вытерла рот рукой. Слюна просочилась в волокна, словно вода в ткань.

Мерзость.

Тишину нарушило негромкое шипение – как будто включили колонки, – и Кире в лицо ударил мощный свет.

3

Голограмма развернулась на полстены. Несколько метров в высоту: посреди маленькой и совершенно голой комнаты такой же маленький и совершенно пустой стол, окрашенный в серое, как полагается на боевом корабле. У стола – одинокий стул с прямой спинкой, без подлокотников.

Вошла женщина среднего роста, глаза словно осколки черного льда, бескомпромиссная прическа с вкраплениями седины. Значит, из гуттеритов-реформистов (или еще каких протестантов крайнего толка). На Вейланде гуттеритов было немного, несколько семей, которые Кира видела на ежемесячных собраниях поселения. У тех, кто постарше, обвисала кожа, волосы отступали со лба, заметны были и другие признаки старения. Это зрелище пугало ее в раннем детстве и завораживало в отрочестве.

Но сейчас Кира сосредоточила внимание не на чертах этой женщины, а на ее одежде. Униформа серая – под цвет стола, – накрахмалена и отутюжена так, что каждой складкой, казалось, можно резать закаленную сталь. Цвет униформы был Кире незнаком. На космолоте носят голубую форму, в армии – зеленую. А серую?

Женщина села, положила на стол планшет, кончиками пальцев выравнивала его положение на столе.

– Мисс Наварес, вам известно, где вы находитесь?

Губы у нее были тонкие и плоские, как у гуппи, и, когда она говорила, обнажался нижний ряд зубов.

– На «Смягчающих обстоятельствах». – Горло болело, как будто было ободрано и воспалено.

– Очень хорошо, мисс Наварес. Это официальное снятие показаний в соответствии со статьей пятьдесят два Акта о космической безопасности. Вы обязаны отвечать на все мои вопросы добровольно и ничего не скрывая. Это не суд, но если вы откажетесь от сотрудничества, вам могут быть и будут предъявлены обвинения в воспрепятствовании следствию, а если ваши показания впоследствии окажутся ложными, также будут предъявлены обвинения в лжесвидетельстве. А теперь расскажите мне все, что вы помните с момента пробуждения от криосна.

Кира сморгнула, она была дезориентирована, растеряна. С трудом выдавливая из себя каждое слово, она спросила:

– Моя команда... Что с моей командой?

Гуппи поджала губы так, что они превратились в почти невидимый шов.

– Если вас интересует, кто выжил, – выжили четверо. Мендоса, Негар, Мари-Элиза и Джинан.

По крайней мере, Мари-Элиза уцелела. Слезы выступили на глазах Киры и готовы были покатиться по щекам. Она крепко зажмурилась, не желая плакать перед этой женщиной.

– Негар? Как...

– Видеозапись показала, что организм, вышедший из ее тела, слился с тем, который в настоящее время соединен с вашим телом, после... инцидента. Насколько мы можем судить, эти два организма неразличимы. В настоящее время мы предполагаем, что паразит Негар приоткрылся к вашему, поскольку ваш крупнее и более развит – как меньшая часть роя вливается в большую. За исключением небольшого внутреннего кровотечения Негар, как кажется, не пострадала, и она не заражена – хотя на данный момент мы ни в чем не можем быть уверены.

Кира сжала кулаки, едва справляясь с гневом:

– Но почему вы сразу не обнаружили ксеноорганизм? Если бы вы...

Женщина остановила ее взмахом руки:

– На это у нас нет времени, Наварес. Я понимаю, вы пережили шок, но...

– Ничегошеньки вы не понимаете.

Гуппи уставилась на Киру с гримасой, очень похожей на презрение:

– Вы не первый человек, заразившийся инопланетной формой жизни, и уж точно не первый, кому довелось терять товарищей по команде.

Чувство вины вынудило Киру опустить глаза и снова зажмуриться на миг. Она прижала кулаки к глазам и почувствовала на них влагу слез.

– Он был моим женихом, – пробормотала она.

– Что вы сказали?

– Алан был моим женихом, – громче повторила Кира и смирив допрашивающую яростным взглядом.

Гуппи даже не сморгнула:

– Вы имеете в виду Алана Дж. Барнса?

– Да.

– Ясно. В таком случае приношу вам соболезнования от имени ОВК. А теперь вы должны собраться. Вам следует принять волю Божью и двигаться дальше. Кто не плывет, тот утонет, Наварес.

– Не так-то это легко.

– Я не говорю, что это будет легко. Соберитесь с духом и ведите себя как профессионал. Я знаю, это в ваших силах. Я читала ваше личное дело.

Ей удалось задеть гордость Киры, хотя та никогда бы этого не признала.

– Мое личное дело? И кто же вы такая, черт побери?

– Что вы хотите знать?

– Ваше имя! Вы не представились.

Лицо женщины напряглось, как будто ей очень не хотелось делиться с Кирой личной информацией.

– Майор Щеттер. А теперь скажите мне...

– И к какой разновидности вы себя относите?

Щеттер удивленно приподняла брови.

– Насколько мне известно, я – человек.

– Нет, я имею в виду... – Жестом Кира указала на серую униформу.

– Атташе при капитане Хенриксене, если вам обязательно это знать. Но это не имеет отношения к...

В раздражении Кира повысила голос:

– Смею я спросить, к какому роду войск вы принадлежите, майор? Или это строго секретно?

Щеттер напустила на себя совершенно безразличный, непроницаемый вид, так что Кира не могла бы разгадать ни ее мыслей, ни чувств.

– Разведывательное управление космического флота ОВК.

Шпионка, значит, а то и похуже: политрук. Кира фыркнула:

– Где они?

– Кто, мисс Наварес?

– Мои товарищи. Те... те, кого вы спасли.

– На «Фиданце», погружены в криосон, эвакуированы из этой системы. Так. Вы удовлетворены?

– Удовлетворена? – чуть не расхохоталась Кира. – Я удовлетворена? Я хочу, чтобы с меня сняли эту чертову штуку! – Она ткнула в черное покрытие на руке. – Разрежьте ее, если по-другому нельзя, но снимите ее с меня!

– Да, вы вполне ясно выражаете свои желания, – кивнула Щеттер. – Если мы найдем возможность удалить ксеноорганизм, мы это сделаем. Но сначала вы должны рассказать мне, что произошло, мисс Наварес. Приступайте к отчету прямо сейчас.

Кира проглотила вертевшееся на языке проклятие. Ей хотелось рвать и метать, хотелось наброситься на Щеттер и чтобы та ощутила хоть малую часть ее боли. Но она знала: это не поможет – и потому сделала то, что было велено. Она рассказала майору все, что сумела вспомнить. Много времени это не заняло, и облегчения исповедь ей не принесла. Майор задавала множество вопросов, главным образом об обстоятельствах, предшествовавших инциденту. Замечала ли Кира после пробуждения что-то необычное? Расстройство желудка, повышение температуры, навязчивые мысли? Незнакомые запахи? Зуд? Сыпь на коже? Необъяснимую жажду или какие-то иные желания? Ответ на большинство вопросов, за исключением вопроса о зуде, был отрицательный, и Кира видела, что это не очень-то устраивает майора. Особенно когда Кира сказала, что, насколько ей известно, у Негар не было похожих симптомов. Наконец Кира в свой черед спросила:

– Почему меня не погрузили в криосон? Почему забрали на «Смягчающие обстоятельства»?

Она не видела никакого разумного объяснения. Соблюдение карантина – главный приоритет ксенобиологии. При одной мысли о нарушении карантина любого ее коллегу пробил бы холодный пот.

Щеттер разгладила невидимую морщинку на своей форме.

– Мы попытались заморозить вас, Наварес, – сейчас она смотрела Кире прямо в глаза. – Попытались – и не сумели.

У Киры пересохло во рту.

– Не сумели?

Щеттер коротко кивнула:

– Ксеноорганизм сразу вывел криожидкости из вашего организма. Ничего не получилось.

Новый страх поразил Киру. Самый простой способ остановить ксеноорганизм – заморозка. Других быстрых и легких способов воспрепятствовать его распространению нет. К тому же, если она не может погрузиться в криосон, ей будет намного труднее вернуться в освоенный космос.

Щеттер продолжала:

– После того как мы выпустили вас и Негар из карантина, наша медицинская команда плотно общалась с каждой из вас. Врачи дотрагивались до вашей кожи. Дышали с вами одним воздухом. Использовали одно и то же оборудование. А потом... – Щеттер подалась вперед, подчеркивая каждое слово, – они вернулись сюда, на «Смягчающие обстоятельства». Понимаете, Наварес?

Кира лихорадочно соображала:

– Вы думаете, что тоже могли заразиться.

Щеттер наклонила голову:

– Ксеноорганизму понадобилось двое суток с половиной, чтобы проявить себя после того, как Негар вышла из крио. В вашем случае понадобилось гораздо меньше времени. Возможно, заморозка замедлила развитие этого организма, но точно судить мы не можем. Так или иначе, исходить нужно из худшего варианта. Минус время, которое уже прошло после вашего пробуждения, – у нас остается от двенадцати до сорока восьми часов, чтобы разобраться, как выявлять и как лечить бессимптомных носителей.

– Этого времени недостаточно.

Щеттер напряженно сощурилась:

– Мы обязаны попытаться. Капитан Хенриксен уже распорядился отправить всех членов экипажа, без которых можно обойтись, в криосон. Если до завтрашнего вечера решение не будет найдено, он заморозит и всех нас.

Кира облизала губы. Теперь понятно, почему они притащили ее на «Смягчающие обстоятельства». Ситуация отчаянная.

– И что тогда будет со мной?

Щеттер составила ладони домиком:

– Бишоп, разум нашего корабля, продолжит обследовать вас, как сочтет нужным.

В этом есть логика, признала Кира. Разум корабля изолирован от прочих систем жизнеобеспечения. Бишопу заражение чем бы то ни было не грозит.

Но оставалась еще одна проблема. То, что прилипло к ней снаружи и изнутри, представляло опасность не только на микроуровне. Она вздернула подбородок:

– А что, если... если это существо снова вырвется наружу, как на Адре? Он способен пробить дыру в корпусе корабля. Надо было установить гермокупол на поверхности Адры и там и изучать этот ксеноорганизм.

– Мисс Наварес. – Щеттер чуть подправила положение планшета на столе. – Чужак, в данный момент находящийся в вашем теле, представляет первостепенный интерес для Лиги –

в тактическом, политическом и научном отношении. Мы ни в коем случае не можем оставить его на Адрастее, невзирая на возможные риски для корабля и экипажа.

– Но...

– Кроме того, помещение, где вы находитесь, полностью изолировано от остального судна. Если чужак попытается причинить ущерб «Смягчающим обстоятельствам», как это произошло на базе, или предпримет иные враждебные действия, мы отправим ваш отсек в открытый космос. Вы меня поняли?

Кира с трудом разжала челюсти:

– Да.

Невозможно упрекать специалистов ОВК за такие меры предосторожности. Все разумно. Вот только довольно скверно для самой Киры.

– Мне бы хотелось полной ясности в этом вопросе, мисс Наварес. Лига не позволит никому из нас, включая ваших товарищей, вернуться, пока мы не предложим надежное средство сдерживания чужака. Повторяю: ни одного человека с этого судна не подпустят и на десять световых лет к населенной людьми планете, если мы не сумеем с этим разобраться. Скорее Лига взорвет нас прямо в воздухе, чем позволит приземлиться, – и будет права.

Кира с грустью подумала о Мари-Элизе и остальных, но они хотя бы не заметят хода времени. Она расправила плечи.

– Ладно. Так что вам нужно от меня?

Щеттер невесело улыбнулась:

– Нам нужно ваше добросовестное сотрудничество. Могу я на него рассчитывать?

– Да.

– Прекрасно. В таком случае...

– Один момент. Я хочу записать сообщения моим друзьям и родным на случай, если я не вернусь. И сообщение брату Алана, Сэму. Никакой секретной информации, но он имеет право узнать о гибели брата от меня.

Майор секунду помедлила, глаза ее метнулись влево-вправо, словно она читала какую-то надпись.

– Это можно организовать. Однако придется подождать, пока коммуникации будут снова разрешены. Мы соблюдаем режим тишины вплоть до приказа командования.

– Понимаю. О, и еще...

– Мисс Наварес, у нас крайне мало времени.

Кира подняла руку, прося разрешения договорить:

– Не могли бы вы включить мои импланты? Я тут без них чокнусь. – Она едва не рассмеялась. – Впрочем, вероятно, я и так схожу с ума.

– Нет, не можем, – отрезала Щеттер.

Кира вновь ошетичилась:

– Не можете или не хотите?

– Не можем. Чужак уничтожил ваши импланты. Мне жаль. Ничего не уцелело – нечего включать.

Кира застонала. Как будто умер еще кто-то близкий. Все ее воспоминания... В конце каждого дня система автоматически отсылала записи на сервер в штаб экспедиции. Если уцелел сервер, то сохранился и ее личный архив, но все, что произошло с тех пор, утрачено, существует лишь в хрупких и ненадежных тканях ее мозга. Если бы пришлось делать выбор, она бы предпочла лишиться руки, а не имплантов. С ними она обладала собственным миром внутри большого мира – целой вселенной, реальной и вымышленной, которую могла бесконечно исследовать. Без них ей оставались только мысли – разреженные, развоплощенные – и отголоски в безбрежной тьме. К тому же пользоваться только органами чувств в режиме реального времени некомфортно: она не могла видеть в инфракрасном или ультрафиолетовом диа-

пазоне, не могла обнаружить магнитные поля, взаимодействовать с интерфейсом аппаратуры на борту и самое главное – не могла быстро найти недостающую информацию.

Кира как будто съежилась. Поселившись в ней тварь свела ее к уровню животного, куска мяса. Примитивного, без апгрейда, куска мяса. Для этого чужи понадобилось забраться ей в мозг, разорвать наносвязи между имплантами и нейронами.

Что еще она успела повредить в организме Киры?

С минуту Кира стояла неподвижно, прислушиваясь к себе и тяжело дыша. Черная оболочка стискивала ее словно стальными пластинами. Щеттерхватило чутья не понукать ее.

Наконец Кира сказала:

– Тогда дайте мне планшет. Или голографические очки. Что угодно.

Щеттерпокачала головой:

– Мы не можем предоставить чужаку доступ к нашей компьютерной системе. Уж точно не сейчас. Это слишком опасно.

Кира с досадой выдохнула, но спорить не стала. Майор была права.

– Черт бы все побрал, – сказала Кира. – Ладно. К делу.

Щеттервзяла со стола планшет и встала:

– Еще один вопрос, Наварес. Вы ощущаете себя вполне собой?

Неприятный вопрос. Кира понимала, что хочет выяснить майор. Контролирует ли Кира по-прежнему собственный разум? И был лишь один вариант ответа, который – какова бы ни была истина – следовало дать, если Кира надеялась когда-нибудь выйти из этой камеры.

– Да.

– Хорошо. Это мы и хотели услышать. – Но вид у Щеттербыл не слишком радостный.

Вслед повернувшейся уходить ЩеттерКира успела задать еще один вопрос:

– Вы нашли другие артефакты вроде этого... – Слова сыпались из нее, спотыкаясь друг о друга. – Вроде этой чужи?

Майороглянулась через плечо:

– Нет, мисс Наварес. Больше ничего.

Голограмма моргнула и исчезла.

4

Кира сидела возле герметичной двери, все еще размышляя над последним вопросом майора. Как могла она быть уверена, что ее мысли, действия или чувства по-прежнему принадлежат ей? Многие паразиты модифицируют поведение хозяина. Может быть, и чужь продельвает с ней нечто подобное.

Если так, Кира этого и не заметит.

Некоторые вещи чужь заведомо не сможет подделать, как бы она ни была лукава, – в этом Кира была уверена. Мысли, воспоминания, язык, культура – все это слишком сложно и слишком обусловлено контекстом, инопланетному существу с ходу не разобраться. Черт, даже люди испытывают трудности, когда из одной человеческой цивилизации попадают в другую. Но «сырые» эмоции, порывы, поступки – все это уязвимо, и тут вмешательство возможно. Например, вполне вероятно, что гнев, который она чувствует, исходит от этого существа. Ей казалось, что гнев вполне ее, – но ей бы так казалось и в случае подмены.

Надо держать себя в руках, думала Кира. То, что чужь делает с ней, уже неподконтрольно ей самой, но она может наблюдать, не проявится ли у нее какое-то необычное поведение.

Над головой вспыхнул яркий свет, словно пригвоздив Киру к полу. В темноте за источником света началось движение – роборуки спускались с потолка.

Посреди цилиндрической стены замерцало и сделалось прозрачным двустороннее зеркало. По ту сторону Кира увидела приземистого и сгорбленного мужчину в форме ОВК, сто-

явшего возле панели управления. У него были темные усы и глубоко посаженные глаза, смотревшие на Киру с тревожной пристальностью.

Над головой щелкнула колонка, и она услышала хрипловатый голос:

– Мисс Наварес, я доктор Карр. Мы уже встречались, хотя вы этого не можете помнить.

– Так это из-за вас погибла половина моей команды?

Доктор склонил голову набок.

– Нет, мисс Наварес, из-за вас.

В этот момент гнев Киры переродился в ненависть.

– Да чтоб вы сдохли! Чтоб вы все сдохли! Как вы могли не заметить ксеноорганизм? Вы только посмотрите, каких он размеров!

Карр пожал плечами, нажимая какие-то кнопки на невидимом Кире дисплее.

– С этим мы и намерены разобраться. – Он посмотрел на Киру сверху вниз, лицо круглое, совообразное. – Хватит тянуть время. Пейте.

Роборука протянула ей флягу с оранжевым напитком.

– Это поможет вам продержаться на ногах до тех пор, пока не появится время поесть. Мы же не хотим, чтобы вы грохнулись тут в обморок.

Проглотив непристойность, которую она готова была выкрикнуть, Кира взяла флягу и осушила ее одним длинным глотком.

Тогда заслонка в одном из воздушных шлюзов открылась, и по приказу врача Кира бросила в это отверстие флягу. Заслонка закрылась, раздался отчетливый стук: раскрылась дверь шлюза, ведущая в космос.

И начались неумолимые анализы и обследования, без конца. Ультразвук. Спектроскопия. Рентген. ПЭТ (предварительно выпить стакан молочно-белого напитка). Микробиологический тест. Биохимические анализы... Карр перепробовал все и кое-что сверх того.

Роборуки – врач именовал их манипуляторами – усердно ему помогали. Образцы крови, слюны, кожи, других тканей – все, что можно было отделить от ее тела, роботы брали на анализ. Мочу получить не удалось, поскольку чужь полностью закрывал ее тело в этом месте, и, сколько бы Кира ни пила, у нее не возникало потребности сходить по-маленькому – спасибо и за это. Писать в ведро на глазах у Карра – нет уж.

Ни гнев, ни страх не могли заглушить сильное, почти необоримое любопытство. Возможность вот так подробно изучать инопланетный организм – мечта всей ее жизни.

Если б только эта возможность не была куплена столь дорогой ценой.

Она внимательно следила за опытами, которые проводил врач, отмечала их последовательность, пытаясь уловить хоть намек на то, что ему удалось узнать. К крайнему ее разочарованию, Карр отказался делиться результатами. Каждый раз, когда она задавала вопрос, Карр отвечал уклончиво или же просто отказывался от ответа, и от этого настроение Киры вовсе не улучшилось.

Несмотря на такую необщительность врача, по его гримасам и приглушенным ругательствам Кира догадывалась, что чужь очень плохо поддается исследованию.

У Киры имелись собственные гипотезы. Она специализировалась более на микробиологии, чем на макро-, но достаточно ориентировалась в обеих областях, чтобы прийти к кое-каким выводам. Во-первых, учитывая свойства чужи, она никак не могла возникнуть в ходе эволюции: это либо высокотехнологичный наномеханизм, либо генно-модифицированная форма жизни. Во-вторых, чужь обладала по меньшей мере зачаточным сознанием. Кира видела, как чужь реагирует на анализы: слегка цепенела рука, на груди появлялось слабое, почти невидимое мерцание – будто пленка мыльного пузыря, – немного сокращались волокна. Но разумно ли это существо или нет – этого, полагала Кира, пока что не установил и Карр.

– Не двигайтесь, – потребовал доктор. – Попробуем другой подход.

Кира замерла: один из роботов вытащил из своего чехла скальпель с затупленным концом и направил на ее левую руку. Кира затаила дыхание, когда почувствовала прикосновение лезвия. Острое, словно бритва, лезвие усилило давление. Инопланетный «скинсьют» прогнулся под скальпелем, когда роборука принялась скрестить скальпелем вдоль предплечья, но волокна так и не разошлись. Роборука повторила то же движение с удвоенной силой, а потом оставила попытки скрестить и сделала быстрый, резкий надрез. Кира видела, как волокна под скальпелем слились воедино и застыли, затвердев. Скальпель скользил словно по поверхности гладкого обсидиана, пронзительно скрипя.

– Больно? – поинтересовался врач.

Кира покачала головой, не сводя глаз со скальпеля.

Роборука отодвинулась на несколько миллиметров, а затем проворно воткнула скругленный конец скальпеля ей в руку.

Лезвие сломалось, зазвенев, точно колокольчик, и осколок металла просвистел мимо лица Киры.

Карр нахмурился. Он обернулся и что-то сказал человеку (или нескольким людям), кого Кира не могла разглядеть. А затем снова повернулся к ней.

– Ладно. Замрите, не двигайтесь.

Она повиновалась, и роборуки захлопотали так проворно, что движения их сливались в размытое пятно. Они тыкали в каждый миллиметр покрытой чужью кожей, и всюду чужь затвердевала, превращаясь в пластину прочной, как адамант, брони. Карр даже заставил Киру поднять ногу, чтобы роботы и в подошву потыкали. Она невольно поежилась – щекотно.

Итак, чужь умела защищаться. Прекрасно. Тем труднее будет насильно снять этот «скинсьют». Есть в этом, конечно, и свои плюсы: она может не волноваться, что ее зарежут. Впрочем, ей вроде бы и раньше это не грозило.

Почему эта штука сейчас не реагирует так, как на Адре, когда она выпустила щупальца, оцетинилась щипами? Уж казалось бы, если что способно спровоцировать агрессивную реакцию, то эти исследования. Или чужь утратила самостоятельность после того, как приросла к ее коже?

Кира не знала, в чем дело. А «скинсьют» безмолвствовал.

Когда роботы закончили свою работу, врач встал, втянул одну щеку, видно было, как он прикусил ее изнутри.

– И что же? – спросила Кира. – Что сумели выяснить? Химический состав? Строение клетки? ДНК? Хоть что-то?

Карр пригладил усы:

– Это секретная информация.

– Да полно.

– Руки за голову.

– Кому я могу рассказать, а? Я могу помочь. Ответьте мне!

– Руки за голову.

Проглотив очередное проклятие, Кира повиновалась.

5

Следующий цикл анализов оказался намного более напряженным, даже насильственным. Испытания на прочность. Испытания на срез. Испытания на выносливость. В горло ей записывали трубки, ее кололи, подвергали крайним перепадам температуры (оказалось, паразит – великолепный теплоизолятор). Карр дошел до отчаяния, он орал на Киру, если она недостаточно быстро повиновалась его приказам, и несколько раз обрушивался с бранью на свою помощницу, несчастного лейтенантика по фамилии Камински, а в других сотрудников швырял

бумаги и чашки. Очевидно, все эксперименты оказались напрасными и ничего не подсказали Карру, а время у экипажа «Смягчающих обстоятельств» было на исходе.

Наступил наиболее ранний срок, когда симптомы могли проявиться, – наступил и прошел без последствий. За первые двенадцать часов, догадывалась Кира, ни у кого больше не обнаружилось присутствие чужих. Разумеется, Карр не предупредил бы ее, если бы такое случилось, но она судила по перемене в его поведении: он встряхнулся и с новой решимостью взялся за дело. Обрел второе дыхание. Теперь они мчались наперегонки со вторым дедлайном – еще тридцать шесть часов, и весь экипаж придется отправить в криосон.

Наступила ночь по расписанию корабля, но работа продолжалась.

Человек в форме приносил врачу одну чашку кофе за другой, а по мере того, как проходили ночные часы, Карр начал закидывать в себя и таблетки. Акувейк или еще какое средство, заменяющее сон.

Сама Кира уже выбилась из сил.

– Поделитесь? – попросила она, указывая жестом на лекарство.

Карр покачал головой.

– Может сказаться на биохимии мозга – смажет картину.

– А недосып не скажется?

На миг он задумался, но потом снова покачал головой и вновь сосредоточился на показаниях приборов.

– Гад! – пробурчала Кира.

Кислоты и щелочи не брали чужь. Электрический разряд проходил по ее «коже», не причиняя вреда (похоже, чужь умела формировать клетку Фарадея, экранирующую электромагнитное излучение). Когда Карр увеличил мощность тока, на конце роборуки расцвела вспышка и роборука отлетела прочь, словно ее отбросили с силой. Воздух пропитался запахом озона, и Кира увидела, что «пальцы» этой руки раскалены докрасна и приварились друг к другу.

Врач шагал взад-вперед по наблюдательному боксу, дергал себя за кончики усов – похоже, до боли. Щеки у него пылали, он явно злился и в злобе своей был опасен.

Потом он остановился.

Мгновение спустя что-то со стуком упало в «почтовый ящик» с наружной стороны камеры. Любопытствуя, Кира открыла защелку и обнаружила пару темных очков для защиты от лазерных лучей.

В ней шевельнулась тревога.

– Надевайте! – велел Карр. – И вытяните левую руку.

Кира повиновалась, хотя и неуверенно. В очках все вокруг обрело желтый оттенок. Пальцы неповрежденной роборуки растопырились, появились маленькие блестящие линзы. Тревога нарастала, но Кира заставила себя стоять неподвижно. Если есть шанс избавиться от этой штуки, надо им воспользоваться, и неважно, какую это причинит боль. Иначе она до конца жизни просидит в карантине, это уже ясно.

Манипулятор завис над ее рукой, чуть левее. Из линз ударил лилово-синий луч, вонзился в пол у ног Киры. Пылинки блестели и переливались в полосе сконцентрированного света, и решетка под ногами налилась вишневым цветом.

Сдвинув луч вбок, робот направил его на руку Киры. Кира замерла.

Мгновенная вспышка, поднялось облако дыма, а потом... потом, к изумлению Киры, лазерный луч изогнулся, обтекая ее руку, словно ручей, обтекающий камень. Миновав руку, луч вернулся к геометрической прямой, достиг пола и оставил ржавую отметину на решетке.

Клешня продолжала скользить вбок. В какой-то момент луч оказался по другую сторону ее руки, изогнулся дугой, обходя ее локоть на сгибе. Жара Кира не почувствовала: лазера словно и не было.

То, что проделывала чужь, не было невозможно – просто очень трудно. Многие материалы способны отклонять и искажать лучи света. Им находится немало применений. «Плщ-невидимка», с которым она и ее подруги забавлялись в детстве, – идеальный пример. Но определить точную длину волны и создать покрытие, которое способно перенаправить луч, и все это за малую долю секунды – весьма незаурядно. Даже самые искусные мастера Лиги такого пока не делали. Выходит, Кира недооценивала таланты чужи.

Луч исчез. Карр, скривившись, терзал свои усы. К врачу подошел молодой человек – наверное, еще один лейтенант, – что-то доложил. Врач обернулся и, похоже, заорал – лейтенант передернулся, отсалютовал и быстро ответил.

Кира хотела опустить руку.

– Стойте так, – велел врач.

Кира вернула руку на место.

Робот пристроился в нескольких сантиметрах ниже ее локтя.

Хлопок – громкий, почти как выстрел – Кира вскрикнула. В нее словно раскаленную спицу воткнули. Она отдернула руку и ладонью зажала рану. Между пальцами она увидела дыру диаметром с мизинец.

Это ее шокировало. Из всего, что до сих пор пробовали, лазерный удар оказался единственным способом повредить «скинсьют».

Изумление поначалу заглушило даже боль. Потом Кира согнулась, кривясь и дожидаясь, пока боль поутихнет.

Через несколько секунд она решилась снова глянуть на руку: «скинсьют» затекал в рану, волокна вытягивались, словно щупальца, и переплетались друг с другом. Рана быстро затягивалась – и вот уже рука выглядит точно так же, как до того. И боль исчезла. Значит, этот организм, слившись с ее телом, не утратил способность передвигаться.

Кира с трудом перевела дух. Неужели чужь ощущала боль – и Кира ощущала ее боль как свою?

– Еще раз, – сказал Карр.

Сжав зубы, Кира вытянула руку, сжала пальцы в кулак. Если им удалось прорвать «скинсьют», наверное, придумают способ освободить Киру от него.

– Стреляйте, – сказала она.

Хлоп!

Искра – и маленькое облачко пара вырвалось из стены, в металлической пластине появилось отверстие, как от булавочного укола, Кира нахмурилась: «скинсьют» адаптировался уже и к частоте лазера.

Почти сразу же: хлопок!

Снова боль.

– Черт! – Кира схватилась за руку, прижала ее к животу, оскалилась яростно.

– Не двигайся на хрен, Наварес!

Она сделала несколько вдохов-выдохов и вновь замерла, как велено.

Еще три «спицы» стремительно, одна за другой, пронзили ее кожу. Рука словно огнем горела. Карр, значит, научился менять частоту лазера так, чтобы обойти защиту «скинсьюта». Обрадовавшись, Кира открыла рот и хотела сказать ему...

Хлоп!

Кира дернулась. Ничего не могла с собой сделать. Ладно, Карр позабавился вволю. Пора остановиться. Она попыталась убрать руку, но тут вторая роборука развернулась и ухватила ее запястье клешней.

– Эй!

Хлоп!

Еще одна дырка с обугленными краями появилась на руке. Кира зарычала, попыталась вырвать руку у робота, но тот не отпускал.

– Прекратите! – крикнула она Карру. – Хватит!

Он глянул на нее и вновь уставился на монитор, который находился ниже уровня двустороннего зеркала.

Хлоп!

Новая дыра появилась точно там же, где уже начинало затягиваться последнее отверстие. На этот раз «спица» проникла глубже, прожигая и кожу, и мышцы.

– Прекратите! – закричала Кира во весь голос, но Карр не реагировал.

Хлоп!

Третья дырка поверх первых двух. В панике Кира схватила удерживавшую ее роботу и дернула, всем телом откинувшись назад. Разумеется, ничего поделать она не могла – эти механизмы слишком велики и надежны, – но сочленение, удерживающее клешню, хрустнуло, вылилась гидравлическая жидкость, и манипулятор оторвался.

Кира замерла, ошарашенная. Потом стряхнула клешню со своего запястья, и та с грохотом упала на пол.

Карр наблюдал за ней, оцепенев.

– С этим экспериментом мы закончили, – сообщила Кира.

Глава VI

Шепоты и крики

1

Доктор Карр с холодным неодобрением уставился на нее.

– Стойте на месте! – приказал он.

Кира показала ему средний палец, отошла к стене под зеркалом, чтобы оказаться вне поля его зрения, и села. Свет прожектора и тут следовал за ней. Снова раздался голос Карра:

– Это вам не игра, черт побери!

Она подняла руку над головой, снова оттопырив средний палец.

– Я не стану сотрудничать, если вы не слышите, когда я требую остановиться.

– На это нет времени, Наварес. В центр комнаты и стойте на месте!

– Сломать вам еще одного робота? Запросто.

– Последнее предупреждение: если не подчинитесь...

– К черту!

Повисла пауза. Кира почти слышала, как закипает от ярости Карр. Потом на стене напротив появился квадрат отраженного света, а двустороннее зеркало потускнело.

Она выдохнула и только тут поняла, что до сих пор задерживала воздух в груди.

К дьяволу космическую безопасность! Она не позволит ОВК проделывать с ней все, что вздумается. Это ее тело! Но да – она в их руках, и Карр ей это успешно продемонстрировал. Кира потеряла предплечье, все еще отходя от шока. Противно чувствовать себя беспомощной. Минуту спустя она поднялась и толкнула ногой оторванную клешню. Чужь значительно увеличила ее силы – так увеличивают их экзоскелет или боевые доспехи. Только этим можно объяснить, как она сумела повредить механизм робота.

Что касается ожогов на руке – о них напоминало только легкое неприятное ощущение. Выходит, чужь постаралась защитить ее во время эксперимента. Что только не обрушивал на нее Карр – кислоту, огонь, лазер и так далее, – «скинсьют» выдержал все.

Впервые Кира почувствовала что-то вроде... нет, не благодарности, но, наверное, уважения. Что бы ни представлял собой этот организм и как бы ни винила его Кира в гибели Алана и других членов команды, это была полезная штука. На свой лад «скинсьют» помогал ей куда больше, чем ОВК.

Вскоре появилась голограмма. Кира увидела ту же серую комнату с тем же серым столом, а перед столом по стойке «смирно» стояла майор Щеттер в своей серой униформе. Бесцветная женщина в бесцветном помещении.

Не дав майору раскрыть рот, Кира заявила:

– Мне нужен адвокат,

– Лига не предъявляла вам уголовных обвинений. До тех пор, пока она этого не сделает, у вас нет надобности в адвокате.

– Может, и так, но я требую адвоката.

Женщина уставилась на нее, как – подумалось Кире – она бы смотрела на пятнышко грязи, осквернившее ее безукоризненную обувь. Сразу видно уроженку Солнечной системы.

– Послушайте меня, Наварес. Вы тратите драгоценные минуты, от которых, возможно, зависят жизни людей. Может быть, никто не заражен. Может быть, заражен всего один человек, кроме вас. Может быть, мы все заражены. Суть в том, что установить это мы не сумели, так что перестаньте тянуть время – и вернемся к экспериментам.

Кира неуступчиво фыркнула:

- Вы не сможете ничего выяснить о паразите в ближайшие часы, и вам это известно. Щеттер распластала ладони по столу, пальцы хищно согнуты.
- Ничего подобного мне неизвестно. Проявите благоразумие и возобновите сотрудничество с доктором Карром.
- Нет.
- Майор постучала ногтями по столу. Раз-два-три – и остановилась.
- Неподчинение Акту о космической безопасности – уголовное преступление, Наварес.
- И что вы сделаете? Бросите меня в тюрьму?
- Взгляд Щеттер сделался еще проницательнее, хотя, казалось бы, куда уж более.
- Не советую вам ступить на этот путь.
- Угу. – Кира скрестила руки на груди. – Я член Лиги и обладаю корпоративным гражданством как сотрудник торговой корпорации «Лавсанг». У меня есть права. Хотите исследовать ксеноорганизм? Отлично, тогда предоставьте мне доступ к компьютеру и возможность пообщаться с представителем компании. Пошлите «молнию» на Шестидесят первую Лебедя. Сейчас же.
- Мы не можем этого сделать, вы же знаете.
- Придется. Таковы мои условия. И еще: когда я говорю «стоп», Карр должен остановиться. А иначе – хоть все в открытый космос выбрасывайтесь, мне наплевать.
- Молчание. Потом губы Щеттер искривились, и голограмма исчезла. Кира с присвистом выпустила воздух из легких, развернулась, принялась расхаживать по камере. Не слишком ли далеко она зашла? Пожалуй, нет. Теперь от капитана корабля зависит, удовлетворит ли он ее требование. Хенриксен, так его вроде бы зовут. Будем надеяться, он не такой уколобый, как Щеттер. Капитан космического корабля должен мыслить широко и быть справедливым.
- Как могло со мной все это случиться? – пробормотала она.
- И лишь гудение двигателей корабля было ей ответом.

2

- Не прошло и пяти минут, и двустороннее зеркало прояснилось. К досаде Киры, по ту сторону появился один лишь Карр, угрюмо взиравший на пленницу.
- Кира неуступчиво уставилась на него в ответ.
- Врач нажал на кнопку, и вновь зажегся ненавистный прожектор.
- Так, Наварес. Довольно глупостей. Мы...
- Кира повернулась спиной.
- Убирайтесь.
  - Вы ничего не добьетесь.
  - Что ж, я не стану вам помогать, пока не получу то, чего просила. Все просто. Громкий звук заставил ее обернуться. Врач обеими руками уперся в пульт управления.
  - На место, Наварес, и вытяните руку, а не то...
  - А не то что? – прорычала она.
- Карр оскалился, глаза его над мясистыми щеками горели как две раскаленные точки.
- Хорошо же, – прошипел он.
- Щелчок канала связи – и две роборуки снова вынырнули из-под потолка. Ту, которую Кира сломала, успели отремонтировать: клешня как новенькая.
- Кира пригнулась, настороженно наблюдая за приближением этого подобия паутинных, вытягивающихся ног. Замахнулась на ближайшую к ней клешню, и та отлетела в сторону так быстро, словно телепортировалась. Человеку за роботом не угнаться.
- Две роборуки сблизилась. Одна холодными и жесткими клешнями ухватила Киру за лицо, другая воткнула шприц. Кира почувствовала давление за ухом – а потом игла щелкнула

и сломалась. Роборуки разжались, и Кира, задыхаясь, рванула в центр комнаты. Что за черт? По ту сторону прозрачного зеркала врач хмурился и что-то изучал в дополненной реальности.

Кира пощупала за ухом. Час назад там была обнаженная кожа, а теперь – тонкий слой волокон. Скальп покалывало, по коже на лице, на горле как будто что-то ползло. Это ощущение усилилось, превратилось в покалывание холодного огня – словно чужь сдвинулась с места. Но нет, не сдвинулась.

Она снова защитила Киру.

Кира оглянулась на Карра. Тот склонился над своим оборудованием и, злобно хмурясь, следил за Кирой. Лоб его блестел от пота. Затем он повернулся и вышел из зоны видимости.

Кира выдохнула, только сейчас заметив, что некоторое время задерживала дыхание. Она все еще чувствовала прилив адреналина.

За гермодверью раздался громкий стук.

3

Кира оцепенела. Что теперь?

Где-то отодвинули задвижку, заскулил механизм откачки воздуха. Желтыми всполохами замигал ряд лампочек в центре двери, замок повернулся и выступил из стены.

Кира сглотнула. Неужели Карр собирается послать кого-то прямо к ней в камеру?

Скрежет металла о металл. Дверь отворилась.

За ней обнаружился небольшой отсек санобработки, там еще висел туман от разбрызганных Карром дезинфектантов. В тумане виднелись две грузные тени, подсвеченные голубыми сигнальными огнями с потолка.

Тени пошевелились: грузоботы, черные с головы до ног, массивные, в шрамах от опасной работы. Безоружные, но между ними стояла медицинская кушетка, и под ее матрасом проступали очертания всевозможного медицинского оборудования. Со всех четырех концов кушетки свисали ремни и кандалы специально для буйных пациентов.

Вроде нее.

Кира отпрянула:

– Нет!

Глянула на двустороннее зеркало:

– Не смейте так со мной!

Громко топая тяжелыми ногами, грузоботы вошли в камеру, толкая перед собой медицинскую кушетку. Протестующе визжали колесики.

Краем глаза Кира видела, как с обеих сторон приближаются роборуки, широко растопырив клешни.

Пульс участился.

– Гражданка Наварес! – произнес робот справа. Голос, потрескивая электричеством, выходил из дешевой колонки, вмонтированной в его тулово. – Повернитесь и упритесь руками в стену.

– Нет!

– Если вы не подчинитесь, нам приказано применить силу. У вас пять секунд на исполнение приказа. Повернитесь и упритесь руками в стену.

– Да хоть в космос повыбрасывайтесь!

Роботы оставили кушетку посреди камеры. Затем они двинулись к Кире, и одновременно с обеих сторон к ней прыгнули роборуки.

Единственное, что пришло Кире в голову, – резко сесть на пол, свернуться в позе эмбриона, обхватив ноги руками, уткнувшись лбом в колени. «Скинсьют» затвердевал в ответ

на удары скальпелем, может быть, он снова отвердеет и помешает роботам привязать ее к кушетке? *Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста...*

Поначалу казалось, что мольба останется без ответа.

Потом, когда клешни роборуки коснулись ее боков, кожа напряглась, натянулась. Да! Краткий миг облегчения: Кира почувствовала, как волокна соединяются там, где соприкоснулись части ее тела, заковывая ее в единую непроницаемую глыбу.

Роборуки стукнулись о ее бока и остановились, не в силах ухватиться за скользкий панцирь. Дыхание Киры стало коротким и отрывистым, небольшая пазуха между ртом и ногами удушливо нагрелась.

И тут мощные роботы обрушились на нее. Огромные металлические пальцы скользнули по ее рукам, и Кира почувствовала, как ее отрывают от пола и несут к кушетке.

– Отпустите! – орала она, но и на весу сохраняла ту же позу.

Лихорадочный пульс обгонял ее мысли, грохотал в ушах словно водопад. Копчиком она почувствовала прикосновение холодного металла – роботы опустили ее на кушетку. Но Кира оставалась свернутой, и не было возможности надеть на ее руки или ноги кандалы, да и ремни не помогут: ими пристегивают лежащего, а не сидящего.

– Гражданка Наварес, сопротивление – уголовное преступление. Повинуйтесь, иначе...

– Нет!

Роботы потянули Киру за руки и за ноги, пытаясь распрямить и уложить ее. «Скинсьют» не поддавался. Две машины, каждая весом за двести кило, не могли разорвать волокна, удерживавшие Киру в форме почти что шара.

Роборуки тщетно пытались им помочь, клешни скребли Киру по шее и спине и проскальзывали, словно смазанные маслом пальцы по жирному стеклу.

Кира ощущала себя запертой в маленьком ящике, где мягкие стены смыкались и душили ее. Но она оставалась в той же позиции, не сдаваясь. Это был единственный доступный для нее способ сопротивления, и раньше она потеряет сознание, чем позволит Карру торжествовать победу.

Роботы отступили на миг, а потом все четверо согласованно захопотали вокруг Киры, вытаскивая оборудование, висевшее на крюках под кроватью, настраивая диагностический сканер так, чтобы он смог работать и с «пациентом» в позе эмбриона, выкладывая инструменты на поднос у ее ног... В ярости Кира поняла: Карр намерен продолжать обследование, и тут она бессильна. Роборуки она еще может сломать. Но не грузоботов: они слишком крупные, стоит ей развернуться из позы эмбриона для драки, и они попросту прижмут ее к кушетке, прикуют, и тогда она окажется в полном их распоряжении.

Поэтому Кира не шевелилась, предоставив машинам передвигать ее с места на место. Она не видела, что они делают, но слышала – и чувствовала. То и дело какой-нибудь инструмент касался ее спины или боков, скреб, втыкался, сверлил или еще каким-нибудь способом атаковал поверхность «скинсьюта».

По голове и шее текли какие-то жидкости, это раздражало Киру. Один раз послышалось щелканье счетчика Гейгера. Потом к руке прижалась циркулярная пила и кожа нагрелась, в темных щелях вокруг лица замельтешили летучие искры. И все это время сканирующая клешня перемещалась вокруг нее, позванивая, жужжа, гудя, идеально синхронизируясь с грузоботами и обеими роборуками.

Лазер вбурился в ее бедро, и Кира вскрикнула. Нет! Снова и снова раскаленные спицы впивались в разные части ее тела, каждая обжигала болью. Воздух пропитался запахом горелого человеческого мяса и обугливающих волокон чужи – резкая, отвратительная вонь. Кира прикусила язык, чтобы не кричать больше, но боль накрывала ее с головой. И неумолчное «бзззз» испускающего разряды лазера. Вскоре от одного этого звука ее передергивало. Иногда чужи удавалось ее защитить, тогда Кира слышала, как испаряется кусок кушетки, пола или

стены. Но роборуки все время меняли длину волны лазера, не позволяя «скинсьюту» адаптироваться.

Такими машинками в аду татуировки делать.

Пuls подскочил, когда роботы принялись стрелять залпами, чтобы отверстия слились в единую линию: «бззз» звенело на монотонной ноте, вибрировало в зубах. Кира заорала: мерцающий луч прорезал ее бок, пытаясь таким образом снять слой волокон и вынудить чужь к отступлению. Ее собственная кровь разбрызгивалась и шипела, испаряясь.

И все же Кира удерживала свою позицию – свернувшись – и кричала, кричала, пока не ободрала горло до крови. Не могла сдержать крик. Слишком больно.

Лазер прожег еще одну дорожку, и Кира забыла о гордости. Пусть ее сочтут слабой: единственная цель – избежать пыток. Она молила Карра остановиться, молила, молила, молила и ничего не добилась. Он даже не отвечал ей.

Между вспышками боли Киру настигали воспоминания: *Алан; отец возится с Полночными созвездиями; сестра Иста гоняется за ней среди стеллажей в кладовке; Алан смеется; надевает на ее палец тяжелое обручальное кольцо; одиночество в первой в ее жизни экспедиции; комета, летящая по небосводу на фоне галактической туманности.* А многое она не сумела распознать.

И не знала, сколько это продолжалась. Она отступала все глубже внутрь себя и цеплялась за одну мысль: *и это пройдет.*

Роботы остановились.

Кира не двигалась, она судорожно всхлипывала, почти без чувств. Ждала, что лазер вот-вот включится снова.

– Оставайтесь на месте, гражданка, – прогремел один из роботов. – При попытке к бегству вы будете уничтожены.

Завыли двигатели, втягивая роборуки обратно в потолок, послышалась тяжелая поступь: грузоботы отошли от кушетки. Но уходили они не туда, откуда явились.

Они топали в сторону шлюза. Люк открылся. Страх помрачил разум, внутренности словно оледенели. Что они делают? Неужели разгерметизируют камеру? Они не сделают этого, *не посмеют...*

Роботы вошли в шлюз и, к облегчению Киры, закрыли его за собой. Недоумение, однако, не рассеялось.

И наступила тишина. Цикл переработки воздуха не включился. Внутренняя связь молчала. Слышно было лишь ее собственное дыхание, вращение лопастей вентилятора и отдаленный гул двигателей корабля.

4

Всхлипывания Киры понемногу затихли. Боль отступала – «скинсьют» затягивал и исцелял раны. Но Кира оставалась все в том же положении, свернувшись в тугой шар, опасаясь, что Карр готовит какую-то хитрость.

Долго она ждала в пустоте, прислушиваясь к работе автоматизированных систем «Смягчающих обстоятельств» и пытаясь уловить в них намек, когда возобновятся пытки. Постепенно она расслабилась, и чужь расслабилась вместе с ней, позволила приклеившимся друг к другу частям тела разлепиться.

За исключением кушетки и оставшихся на стенах следов огня камера выглядела как прежде. Слово Карр не провел последние несколько часов (или как долго это длилось?), на все лады пытая Киру. Сквозь окно шлюза она разглядела роботов, вросших в пол вдоль изогнутой стены. Стоят. Ждут. Наблюдают.

Теперь она сообразила: ОВК не выпускает роботов обратно в основную зону корабля. Все еще боятся заражения. Но и оставлять роботов там, где Кира может до них дотянуться, тоже опасаются.

Киру знобило. Она перекинула ноги через край кушетки и соскользнула на пол. Колени плохо гнулись. Ей было скверно, пошатывало. Словно она многократно, до изнеможения, пробежала одну спринтерскую дистанцию за другой.

От увечий не осталось и следа, облекавший ее черный слой выглядел точно так же, как в самом начале. Кира прижала ладонь к боку, в том месте, где лазер проник глубже всего. Внезапно под рукой запульсировала боль, и Кира резко втянула в себя воздух. Значит, еще не полностью исцелилась.

Она метнула полный ненависти взгляд на зеркало.

Как далеко позволит Карру зайти капитан Хенриксен? Какие границы установлены этим «опытам»? Или они так боятся чужих, что никакие меры не кажутся им избыточными? Кира знала, к каким формулам прибегают в таких случаях политики: «Мы были вынуждены принять экстраординарные меры для защиты Лиги Миров».

Она не знала, сколько прошло времени, но понимала, что второй и окончательный дедлайн уже близок. Не потому ли Карр остановил свой жестокий эксперимент? Может быть, из членов экипажа «Смягчающих обстоятельств» тоже полезли паразиты?

Кира присмотрелась к закрытой гермодвери. Нет, если бы так, по всему кораблю распространилась бы паника. А она ничего не слышала: ни воплей, ни сирены, ни признаков разгерметизации.

Она потеряла руки: стало зябко при воспоминании о разгерметизации на Серрисе, во время ее третьей экспедиции за пределы родной системы. Регулирующий клапан отказал, Кира и ее коллеги едва не погибли... Свист уходящего воздуха до сих пор преследовал ее в кошмарах.

Озноб распространялся по телу. Показалось, что падает давление, – ощущение пугающее, как будто обреченность. Словно со стороны Кира отметила: пытки спровоцировали шок. Она крепче обняла себя. Зубы выбивали дробь.

Может быть, на кушетке найдется что-то, что поможет бороться с шоком.

Кира подошла посмотреть.

Сканер, кислородная маска, регенератор тканей, чип-лаборатория и еще много всякого. Ничего откровенно опасного – и ничего помогающего против шока. На одном конце кушетки выстроились флакончики с лекарствами. Сосуды были запечатаны молекулярными замками, да она все равно бы не стала их открывать. Под кушеткой висела канистра с жидким азотом в бусинах конденсата.

Внезапная слабость и головокружение вынудили Киру опуститься на пол. Одной рукой она придерживалась за стену. Сколько времени прошло с тех пор, как она хоть что-то ела? Очень много. Разумеется, ОВК не даст ей умереть с голоду. Рано или поздно Карр должен будет ее покормить.

По-другому ведь и быть не может, верно?

5

Кира ждала, что Карр вот-вот вернется, но он не появлялся. И никто другой не приходил поговорить с ней. Да, пожалуй, и к лучшему. Она только и хотела, чтобы ее оставили в покое.

Но без имплантов одиночество тоже превращалось в пытку. У нее не осталось ничего, кроме собственных мыслей и воспоминаний, причем и те и другие вовсе не радовали.

Она попыталась закрыть глаза – не сработало. Все равно видела грузоботов. А если не их, то последние страшные минуты на Адре, и каждый раз это видение ускоряло стук ее сердца и вышибало горячий пот.

– Черт побери! – пробормотала она. А потом спросила: – Бишоп, ты меня слышишь?

Разум корабля не отвечал. Она даже не знала, слышит ли он ее и позволено ли ему вступать в разговор.

Отчаянно желая хоть чем-то отвлечься и не имея иного занятия, Кира надумала провести собственный эксперимент. «Скинсьют» затвердевает при угрозе или нажиме. Хорошо. А как он распознает угрозу? И может ли Кира повлиять на процесс распознавания?

Заслонив голову руками, чтобы со стороны ничего нельзя было разглядеть, Кира сосредоточилась на внутреннем сгибе локтя. Вообразила, как сюда вонзается нож, рвет кожу, прорезает мышцы и связки...

Ничего не произошло.

Она попыталась еще дважды, стараясь придать максимальную реалистичность воображаемой ране. Призвала на помощь воспоминания об уже пережитых пытках и на третий раз почувствовала, как место, на которое были направлены ее мысли, твердеет и небольшая, похожая на шрам корочка стягивает кожу. Дальше пошло проще. С каждой попыткой «скинсьют» отзывался быстрее, как будто обучался. Обучался понимать и истолковывать. Это несколько пугало.

Словно откликнувшись на ее испуг, «скинсьют» плотнее сжался вокруг всего ее тела.

Застигнутая врасплох, Кира резко вдохнула.

Глубокое беспокойство охватило ее. Она сидела и смотрела на переплетение волокон, закрывающих ее ладони. Она была встревожена, и «скинсьют» реагировал на ее тревогу. Он считывал ее эмоции даже тогда, когда она не пыталась телепатически их ему передать.

Тревога ядом растекалась по венам. В последний день на Адре она была так расстроена, очень сильно расстроена, а когда Негар стошнило кровью, она так испугалась, так немыслимо испугалась... *Нем!* Кира оттолкнула от себя эту мысль. Это ОВК виновато в гибели Алана. Доктор Карр прошляпил, и по его вине чужь вырвалась на волю именно таким способом. Это *его* вина, а не... не...

Кира вскочила на ноги и принялась расхаживать: четыре шага вперед, четыре обратно.

Движение помогало переключить мысли с ужасов Адры на более знакомые и успокоительные вещи. Она вспоминала, как сидела рядом с отцом на берегу ручья поблизости от дома и слушала его рассказы о жизни в Мире Стюарта. Она вспоминала, как Негар подпрыгивала и вопила, обыграв Юго в компьютерных гонках. Вспоминала долгие дни работы на пару с Мари-Элизой под сернистым небом Адры.

И вспоминала, как лежала рядом с Аланом и они говорили, говорили, говорили о жизни, и о Вселенной, и о своих мечтах.

– Однажды, – сказал он, – когда я состарюсь и разбогатею, я куплю собственный космический корабль – вот увидишь!

– Зачем тебе собственный космический корабль?

Он поглядел на нее очень серьезно:

– Для большого скачка. Самого большого, какой окажется мне по силам. К дальним рубежам галактики.

– Зачем? – шепнула она.

– Посмотреть, что там. Долечу до таинственных глубин, вырежу свое имя на необитаемой планете. *Узнаю* что-то, что-то *пойму*. За этим я прилетел и на Адру. А иначе и правда зачем?

Его слова и пугали Киру, и очаровывали, и она крепче прижималась к Алану, и тепло их соединенных тел изгоняло из ее мыслей холод дальнего космоса.

6

БУМ.

Палуба задрожала. Кира распахнула глаза, уровень адреналина резко подскочил. Она лежала, вжимаясь в дугу стены. Камеру заливал тускло-красный свет: на корабле ночь. Поздний час или ближе к утру – об этом она судить не могла. Корабль снова содрогнулся. Послышался грохот и скрежет, и, кажется, включился сигнал тревоги. Мурашки побежали по коже, и «скинсыют» отвердел. Худшие опасения сбылись: вылупляются новые паразиты. Сколько членов экипажа успели заразиться?

Она с усилием заставила себя сесть, и с ее кожи посыпалась пыль – кожа этого существа.

Кира оцепенела. Пыль была серой, тонкой, гладкой, словно шелк. Споры? Ей бы сейчас респиратор! Впрочем, уже не поможет. Потом Кира заметила, что сидит в небольшом углублении, точно повторяющем контуры ее тела.

Как-то она ухитрилась вдавиться на несколько миллиметров в палубу, словно черное вещество, которым было покрыто ее тело, проело пол. Это зрелище и озадачило Киру, и вызвало в ней отвращение: паразит превратил ее в нечто токсичное! Быть может, даже притрагиваться к ней опасно. Если...

Камера накренилась. Кира пролетела до дальней стены и врезалась в нее, пыль окутала ее облаком. От удара на миг стеснило грудь. Рядом в стену врезалась кушетка, от нее отлетели детали. Ракетный двигатель работал в аварийном режиме. Но в чем дело? Ускорение нарастало... нарастало... Уже около двух g. Трех. Четырех. Щеки оттягивались, обвисали, тело словно накрыло свинцовым одеялом.

Странная вибрация прошла стены, будто ударили в гигантский барабан, и перегрузки прекратились.

Кира упала на четвереньки, задыхаясь.

Где-то поблизости что-то гроыхнуло о корпус корабля, послышался дробный стук, похожий на... на выстрелы?

И тут Кира почувствовала тоску, тягу, призывающую ее куда-то – прочь, наружу, за пределы корабля. Словно в ее сердце врезался якорь, а теперь натянули цепь.

Сначала – отрицание. Так давно ее не достигал этот призыв, столько эр прошло с тех пор, как она в последний раз исполняла священный долг. Потом восторг долгожданного возвращения. Теперь обряд вновь будет свершен, как свершался прежде.

Провал в сознании – и она в знакомой ей плоти стоит на утесе, которого ныне уже нет, в тот миг, когда она впервые ощутила этот призыв, – ему можно воспротивиться, но им нельзя пренебречь. Она повернулась, следуя за ним, и увидела в наклонном небе ржавую звезду, мерцающую и подмигивающую, и узнала источник сигнала.

Она повиновалась, ибо это было правильно. Ибо она создана, чтобы служить, и она должна повиноваться.

Кира выдохнула, вернувшись в собственное сознание. Теперь она знала. Им грозило не заражение. Им грозило вторжение.

Хозяева живого «скинсыюта» пришли за ним.

Глава VII

Обратный отсчет

1

Тугой узел завязался у Киры в желудке. Первый контакт с другой разумной расой – об этом она мечтала с детства, – но происходит он самым ужасным способом: кажется, начался бой.

– Нет-нет-нет, – бормотала она.

Инопланетяне явились за ней, за «скинсьютом». Она чувствовала, как усиливается призыв. Скоро *они* ее отыщут. Надо бежать отсюда. Надо выбраться со «Смягчающих обстоятельств». Лучше всего – на одном из шаттлов, но она согласилась бы и на спасательную капсулу. На Адре у нее, по крайней мере, будет шанс, она сможет сражаться.

Световая полоса над головой замерцала синим, так пронзительно, что глазам было больно смотреть. Кира метнулась к гермодвери, забарабанила по ней:

– Откройте! Выпустите меня!

Обернувшись к двустороннему зеркалу, она позвала:

– Бишоп! Ты должен меня выпустить!

Разум корабля не отвечал.

– Бишоп! – Она снова замолотила кулаками в дверь.

Подсветка двери сделалась зеленой, замок повернулся со щелчком. Кира дернула на себя дверь и выскочила в отсек санобработки. На другом конце дверь все еще оставалась закрытой.

Она стукнула по панели управления рядом с дверью. Прибор пискнул, замок повернулся на несколько сантиметров, а потом заскрежетал и остановился.

Дверь заело.

– Черт! – Кира рубанула ладонью по стене.

Почти все двери можно открыть вручную, но не эту: она же специально предназначена для того, чтобы не позволить узнику сбежать.

Кира оглянулась на свою камеру. Тысячи вариантов молнией проносились в ее мозгу.

Жидкий азот.

Кира подбежала к медицинской кушетке и, присев на корточки, стала перебирать висевшее на крюках оборудование. Где же баллон? Где же он? При виде баллона она испустила ликующий вопль: вроде бы цел!

Схватив баллон, она метнулась обратно к внешней двери отсека санобработки. Там сделала глубокий вдох и задержала дыхание, чтобы азот не попал в легкие и не вырубил ее.

Приставив сопло баллона к дверному замку, Кира открыла вентиль. Облако белого пара скрыло дверь, когда из баллона потек азот. На миг рукам стало холодно, но «скинсьют» сразу подстроился, и руки снова согрелись.

Досчитав до десяти, Кира закрыла вентиль. Металлический замок побелел, покрылся инеем и конденсатом. Орудую баллоном как дубинкой, Кира стукнула его дном по замку. Замок рассыпался, словно был сделан из стекла. Дверь скользнула в сторону, Киру оглушил пронзительный вопль сирены.

По ту сторону – голый металлический коридор, подсвеченный мерцающим светом. В дальнем конце лежало несколько тел – исковерканные, пугающе неподвижные. Пульс Киры зашкалил, в «скинсьюте» появилась линия напряжения, словно проволоку натянули так, что вот-вот порвется.

Худший сценарий: люди и инопланетяне убивают друг друга. Катастрофа, которая может обернуться всеобщей гибелью.

Где на «Смягчающих обстоятельствах» могут находиться шаттлы? Кира попыталась припомнить голограмму судна, которую видела на исследовательской базе. Стыковочный отсек находился примерно в середине судна. Значит, ей туда.

Чтобы попасть в нужный отсек, придется пройти мимо убитых членов экипажа, и хорошо бы при этом не наткнуться на тех, кто их убил.

Нельзя было терять ни минуты. Кира выдохнула, собираясь с силами, и двинулась вперед, ступая легко, готовая мгновенно отреагировать на любой звук или движение.

До сих пор ей нечасто доводилось видеть трупы. Однажды на Вейланде, еще в ее детстве, суперконденсатор на автопогрузчике сорвался и зашиб двух человек прямо на главной улице Хайстоуна. Другой раз после аварии на Серрисе. И совсем недавно, когда погибли Алан и товарищи по команде. Первые две сцены преследовали Киру так, что она подумывала, не удалить ли эти воспоминания, но все же сохранила их. И последнюю страшную сцену тоже стирать не станет. Это – часть ее личности.

Подойдя к погибшим, она всмотрелась в них. Словно это ее долг – всмотреться. Мужчина и женщина. Женщина застрелена из энергооружия. Мужчину растерзали, правая рука валялась в стороне от тела. На стенах вмятины от пуль. Из-под бедра женщины торчал ствол пистолета. Борясь с подступающей тошнотой, Кира наклонилась и вытащила это оружие. На счетчике цифра 7 – семь выстрелов в запасе. Немного, но лучше, чем ничего. Проблема в другом: пистолет подчиняется только своему владельцу.

– Бишоп! – шепнула она и выставила пистолет напоказ. – Можешь?

Предохранитель отщелкнулся. Отлично. Значит, ОВК все еще старается сохранить ей жизнь. Без имплантов Кира не очень надеялась попасть в цель, но по крайней мере с пистолетом она не вовсе беззащитна. Главное – не разбить пульей иллюминатор. Глупый способ убить себя. Все так же шепотом она спросила:

– Как выйти к шаттлам?

Разум корабля должен знать, где инопланетяне и как их обойти. На стене под потолком появился ряд зеленых стрелок, указывающих путь внутри корабля.

Кира шла по лабиринту помещений, ориентируясь на стрелки, и так добралась до лестницы, ведущей в самую середину «Смягчающих обстоятельств». Гравитация по ощущениям уменьшилась, пока Кира перебиралась с палубы на палубу одного из вращающихся обитаемых отсеков. Из открытых проходов доносились вопли, дважды Кира видела, как в полированных стенах отражаются вспышки пулеметных очередей за углом, однажды раздался грохот, похожий на взрыв гранаты, и за спиной у нее одна за другой захлопнулись гермодвери. Но ни разу Кира не увидела тех, с кем сражался экипаж. Она была на полпути, когда корабль резко дернулся, и ей пришлось ухватиться за лестницу обеими руками, чтобы не слететь со ступенек. Странно закружилось все, поплыла голова, рот наполнился слюной и желчью. Корабль вращался вокруг поперечной оси – опасный маневр для такого длинного и узкого судна. Центробежная сила могла повредить корпус. Сирены завывали еще пронзительнее. Затем из колонок в стене загромыхал мужской голос, бас:

– Самоуничтожение через семь минут. Это не учебная тревога. Повторяю, это не учебная тревога. Самоуничтожение через шесть минут пятьдесят секунд.

Кира похолодела.

– Бишоп! Не надо!

Тот же бас извинился:

– Прошу прощения, мисс Наварес, другого выхода нет. Я рекомендую вам...

Но что он хотел посоветовать, Кира уже не слышала, отключила слух. Паника накрыла ее с головой, но Кира заглушила и панику: времени на переживания не было. Не сейчас.

Ей удалось сосредоточиться, и настала поразительная ясность. Мысли стали твердыми, механическими, безжалостными. Меньше семи минут на то, чтобы добежать до шаттлов. Придется успеть. Другого выбора нет. Она ринулась вперед, двигаясь еще проворнее, чем прежде. Будь она проклята, если позволит себе сдохнуть на «Смягчающих обстоятельствах».

На вершине лестницы вокруг запертого люка – кольцо зеленых стрелок. Кира рывком открыла люк и попала в сферический коридор, который вел в жилые отсеки. Она повернулась лицом к корме и чуть не упала от сильного головокружения, когда у самых ног разверзлось нечто похожее на длинную и глубокую яму. Вертикальный тоннель сплошь из черного металла и слепящего света. Все люки на всех палубах ближе к корме были распахнуты – в обычное время за такую небрежность грозил трибунал. Любой, кто окажется в этой шахте в момент, когда включатся двигатели, полетит вниз и убьется. В нескольких сотнях метров от себя Кира успела заметить солдат в боевой броне, сражавшихся с какими-то существами, чьи формы она не могла разглядеть, – сбившиеся в кучу, мечущиеся тени.

Зеленые стрелки вели во тьму, в шахту, к тому дальнему свету. Кира устремилась туда, а чтобы желудок не бунтовал, постаралась себе внушить, будто перед ней не вертикальная шахта, а горизонтальный туннель: лестница помогала ей ориентироваться и не отклониться от цели.

– Самоуничтожение через шесть минут. Это не учебная тревога. Повторяю: это не учебная тревога.

Сколько еще палуб до стыковочного отсека? Три? Четыре? У нее имелось лишь смутное представление. Корабль снова застонал, и гермодверь перед Кирой захлопнулась, перекрыв дорогу. Над головой зеленые стрелки вздрогнули и изменили направление: теперь они указывали вправо и мигали так часто, что могли спровоцировать эпилептический припадок. Черт. Кира ухватила за стеллаж с оборудованием, развернулась и поспешила по указанному Бишопом обходному пути. Времени все меньше. Хорошо бы шаттлы были подготовлены к вылету, иначе ей не спастись. Впереди зазвучали голоса. Кира узнала доктора.

– Давай сюда! Быстрее, глупец, а не то...

Громкий стук прервал Карра, переборки завибрировали. Голос доктора перешел в вопль, слов не разобрать. Кира протискивалась сквозь узкий люк, ее тело сжало словно в гигантском кулаке, выдавливающим из нее воздух. Впереди оказалась кладовая с оборудованием: стеллажи, шкафчики со скинсьютами, помеченная красным кислородная труба. Карр висел под потолком, волосы дыбом, одна рука в петле, привязанной к нескольким металлическим ящикам, ящики колотили по телу доктора. В один из стеллажей уткнулся головой мертвый морпех, на спине у него ряд глубоких ожогов.

В другом конце помещения в корпусе зияло большое круглое отверстие. В него струился полупрозрачно-синий свет – источником света было небольшое абордажное судно, пришвартованное к «Смягчающим обстоятельствам».

По ту сторону отверстия шевелился многорукий монстр.

2

Кира замерла на месте: инопланетянин ввалился в кладовку.

Он вдвое превосходил ростом среднего человека, его полупрозрачное тело переливалось оттенками красного и оранжевого, словно цветные чернила расходились в воде. Туловище своеобразное: яйцевидное, диаметром в метр, укрытое роговым панцирем и усеянное десятками шишек, выступов, антенн и еще чем-то, похожим на маленькие черные глазки. Снизу и сверху из туловища тянулись щупальца – шесть или больше: они все время извивались, и сосчитать их не удавалось. Вдоль щупалец тянулись выпуклые полосы, а заканчивались они чем-то похожим на мерцательные реснички и острыми когтеобразными клешнями. В двух щупальцах

были зажаты белые штуковины с выпуклыми линзами. В оружии Кира разбиралась слабо, но лазер не узнать не могла.

Между щупальцами прятались четыре конечности поменьше – твердые, с костями внутри, завершавшиеся чем-то удивительно похожим на человеческие кисти. «Руки» были плотно прижаты к панцирю и не шевелились.

Даже в этот роковой момент Кира невольно попыталась запомнить и проанализировать характеристики инопланетянина, как поступила бы при столкновении с любым представляющим интерес для ксенобиолога организмом. «Углеродная форма жизни? Похоже на то. Тело радиально симметрично. Низ и верх не различаются... Лица вроде бы нет. Странно». Особенно странно, что инопланетянин не имел ни малейшего сходства с ее «скинсьютом». Независимо от того, разумное это существо или нет, искусственно созданное или живое, оно явно отличалось от чужи, слившейся с телом Киры.

Инопланетянин с пугающей легкостью перетек в помещение корабля, словно привык жить в невесомости. Он крутился и переворачивался, как будто ему было все равно, в какую сторону обращен его торс.

И тут откликнулась чужь: Кира почувствовала нарастающую ярость и память о древней обиде.

Захватчик! Подменная плоть! Многоформы! Вспышки боли, яркие, словно взрывающиеся звезды. Гибель и возрождение в бесконечном цикле и неутолимая какофония: грохот, треск, сотрясающий отпор. Слияние происходило вовсе не так, как следовало. Захватчик не видел узора судьбы. Он не умел смотреть. Он не слушал. Он жаждал повелевать, а не сотрудничать. Подмена!!

Откликаясь на призыв, вовсе не захватчика ожидала встретить чужь. Страх и ненависть бились в теле Киры, и она не могла различить свои чувства и чувства чужи. Что-то внутри лопнуло, кожа чужи вспенилась, и наружу полезли шипы, в точности как на Адре, острые, словно иглы, копыя, слепо бьющие во все стороны. Вот только боли на этот раз не было.

– Стреляй! – закричал Карр. – Стреляй, идиотка! Стреляй!

Захватчик дернулся, переключая внимание с одного человека на другого. Станные шепоты окружили Киру словно облаком, и внутри облака она ощущала токи разных эмоций: удивление, потом сразу же узнавание, тревогу, удовлетворение. Шепоты сделались громче, а потом словно переключатель щелкнул в мозгу, и Кира начала понимать слова инопланетянина:

[...и передай в Узел. Цель обнаружена. Все отряды сюда. Поглощение не завершено. Возможны сдерживание и восстановление, тогда мы сумеем...]

– Самоуничтожение через пять минут. Это не учебная тревога. Повторяю: это не учебная тревога.

Карр выругался, оттолкнулся от стены, подлетел к мертвому морпеху и дернул бластер, пытаясь отнять его у покойника.

Одно из щупалец инопланетянина – то, в котором был зажат лазер, – дернулось, под кожей растягивались и сжимались желеобразные мышцы. Раздался грохот, из бластера морпеха вбок вылетел раскаленный добела металлический штырь, а сам бластер, подбитый ударом лазера, отлетел в дальний угол.

Инопланетянин обернулся к Кире. Оружие дернулось в его щупальце – снова грохот, и боль пронзила ей грудь.

Кира охнула, на миг ей показалось, будто сердце остановилось. Шипы «скинсьюта» выпирали все дальше, но пока безрезультатно.

[[Квон: Глупая двуформа! Ты недостойна Канувших!
Скверна в воде, это...]]

Кира отползала к лестнице, пытаясь уйти отсюда, спастись, хотя уже некуда было бежать и негде прятаться.

Бабах! Жар опалил ногу; глубокая, мучительная боль.

Третий выстрел – но на этот раз кратер с обугленными краями появился в стене слева от Киры. «Скинсьют» настроился на частоту лазера и обеспечил защиту. А вдруг...

Как во сне, Кира повернулась и подняла пистолет, с трудом удерживая его перед собой. Ствол ходил ходуном, пока она пыталась прицелиться в инопланетянина.

– Стреляй, черт тебя побери! – завопил доктор, с губ его разлетались клочья пены.

– Самоуничтожение через четыре минуты и тридцать секунд. Это не учебная тревога.

Повторяю: это не учебная тревога.

Страх помрачил зрение, весь мир сводился сейчас к узкому конусу.

– Нет! – крикнула Кира – паническое отрицание всего, что происходило.

Пистолет выстрелил как будто по собственной воле.

Инопланетянин метнулся под потолок, удирая от пули. Пугающе проворный, каждое щупальце словно само определяло свои действия. Громко вопя, Кира нажимала спусковой крючок снова и снова, рукоять пистолета жестко была отдачей ей в ладонь. Грохот выстрелов был смазанным, приглушенным.

Взметнулись искры: лазер захватчика сбил две пули на подлете. Инопланетное существо перевалило через шкафчики со скинсьютами и застыло там, цепляясь за проходившую вдоль стены трубу, меченную красным: внутри проходит кислород.

– Стой! Не стреляй! Стой! – закричал Карр, но Кира не слышала, и не вслушивалась, и не могла остановиться. Гибель Алана, чужь, теперь это. Больше, чем она в силах вынести.

Она хотела покончить с инопланетянином – и плевать на риск.

Она еще дважды нажала на спуск.

Красное пятно появилось в ее поле зрения, там, перед мушкой, и...

...Грянул гром, невидимый молот впечатал Киру в противоположную стену. При ударе отломился один из шипов чужи. Кира *чувствовала*, как обломок, вращаясь, летит через комнату – чувствовала так, словно находилась в двух местах одновременно.

Когда зрение прояснилось, перед Кирой предстала разгромленная кладовая. Захватчик обратился в мокрое месиво, и хотя несколько щупалец еще болтались из стороны в сторону, слабо пытаясь что-то нащупать, из ран сгустками выходил оранжевый ихор. Карра отбросило на стеллажи, из его рук и ног торчали обломки костей. Обломок чужи лежал у переборки напротив Киры, оборванные волокна бахромой свисали с покореженных панелей обшивки корабля.

А самое худшее: в корпусе корабля, там, где пуля угодила в кислородную трубу и спровоцировала взрыв, появилась зазубренная дыра. И в это отверстие можно было увидеть пустоту космоса – черную, смертоносную.

Вихрь пронесся, подхватил Киру, повлек ее с необоримой силой.

Воздух всасывался в дыру, вытягивая из корабля Карра, захватчика и шип чужи в водовороте всякого мусора.

Ящики с оборудованием стукнули Киру и полетели дальше. Она вскрикнула, но ветер вырвал из ее рта слова и дыхание. Она попыталась ухватиться за что угодно, однако двигалась слишком медленно. А до стен было слишком далеко. Воспоминание о разгерметизации на Серрисе настигло ее – резкое, кристально-отчетливое.

Отверстие в корпусе расширялось. Корабль рвался надвое, обе половины устремлялись в противоположных направлениях. Очередной порыв ветра проволок Киру мимо забрызганных кровью полок, в то отверстие, в пустоту.

И все стихло.

Глава VIII

За бортом

1

Звезды и корабль вращались как в умопомрачительном калейдоскопе.

Кира выдохнула – так полагается делать, оказавшись в открытом космосе, иначе грозит сдавливание мягких тканей и велика вероятность эмболии.

У нее оставалось не более пятнадцати секунд до потери сознания. Смерть от удушья – или смерть от закупорки легких. Выбор невелик.

Инстинктивно она вдохнула, замахала руками, пытаясь за что-то ухватиться,

Не за что.

Лицо покалывало: испарялась влага. Покалывание усиливалось, холодное пламя поползло сзади вверх по шее и вниз от челки по лицу. Зрение затмилось. Кира была уверена, что это обморок – и смерть.

Ее охватила паника. Глубинная, всепоглощающая паника. Остатки вбитых на тренингах навыков исчезли, вытесненные животным инстинктом выживания.

Кира заорала – и *услышала* свой крик.

Это так изумило ее, что она перестала кричать, а затем, повинуясь рефлексу, вдохнула.

Воздух – драгоценный воздух – заполнил легкие.

Не в силах поверить, она ощупала свое лицо.

«Скинсьют» поднялся выше, слился с ее чертами и образовал гладкую поверхность, защищающую рот и нос. Под кончиками пальцев проступили и похожие на створки ракушек заслонки на глазах.

Кира снова вдохнула, все еще не вполне веря. Как долго сможет «скинсьют» снабжать ее кислородом? Еще минуту? Несколько минут? Впрочем, больше чем о трех минутах и размышлять нет смысла, потому что после этого от «Смягчающих обстоятельств» останется лишь стремительно расширяющееся облако радиоактивной пыли.

Где она оказалась? Трудно сориентироваться: она все еще вращалась и ни за что не могла зацепиться взглядом. Мимо промелькнул ярко светящийся диск Адрастеи, за ним огромный силуэт Зевса, а ближе изломанный корпус «Смягчающих обстоятельств». Рядом с космическим крейсером плыл другой корабль: большой сине-белый шар, покрытый шарами поменьше и со множеством двигателей, – никогда Кира не видела столько двигателей на одном корабле.

Ее несло прочь от центральной части «Смягчающих обстоятельств», но передняя половина корабля разворачивалась к ней, и впереди мерцали колеса тепловых радиаторов с алмазными ребрами. Два ребра сломались, изнутри вытекали струйки серебристого металла.

Казалось, что до ребер не дотянуться, но Кира все же попыталась, не желая капитулировать. Она выбросила вперед руки, пытаясь поймать ближайший из радиаторов и при этом продолжая вращаться. Звезды, планета, корабль и радиаторы мелькали мимо снова и снова, а она все тянулась, напрягаясь изо всех сил...

Кончики пальцев скользнули по поверхности одной из граней, но зацепиться было не за что. Кира вскрикнула, заскребла ногтями – тщетно. Первое ребро проплыло дальше, за ним второе и третье, ее пальцы успевали пройти по каждому, но самыми кончиками. Одно ребро оказалось чуть выше других: сломанная арматура приподняла его. На этот раз по гладкому краю ребра заскользила вся ладонь Киры – заскользила и зацепилась так, словно у ее «скинсьюта» появились присоски – и вращение рывком остановилось.

Острая боль пронзила плечо.

Испытывая невероятное облегчение, Кира прильнула к ребру и высвободила ладонь. На ладони обнаружилась мягкая подкладка из ресничек, слегка раскачивавшихся в невесомости.

Вот бы «скинсьют» включился раньше, прежде чем ее выбросило из «Смягчающих обстоятельств».

Кира оглянулась, высматривая заднюю половину крейсера.

Та была уже в нескольких сотнях метров от нее и удалялась. Два шаттла все еще крепились к корме, и оба выглядели целыми. Надо как-то добраться до них, и побыстрее.

Единственное, что она могла сделать... *Туте!* Кира оттолкнулась от ребра радиатора и прыгнула изо всех сил. Только бы она не ошиблась в расчете. Если промахнется – второго шанса уже не будет.

Летя через пустоту, отделявшую ее от кормы «Смягчающих обстоятельств», Кира стала различать едва заметные линии, проступавшие петлями на корпусе: голубые и фиолетовые, они, по-видимому, исходили от термоядерного двигателя – значит, это линии электромагнитного поля. Как будто вновь включились импланты, по крайней мере отчасти.

Занятно. Даже если прямо сейчас не пригодится.

Кира успела разглядеть инопланетный корабль. Он сверкал на солнце, как бусина из полированного кварца. И сам он, и все его детали максимально близки к форме сферы. Снаружи не угадать, где тут жилые отсеки, а где топливные баки, но, судя по размерам, экипаж там размещался немаленький. По «экватору» – четыре круглых иллюминатора, а еще один ближе к носу корабля в окружении широкого кольца линз, стыковочных портов и, похоже, различных датчиков.

Двигатель не слишком отличался от знакомых ей (перед третьим законом Ньютона люди и инопланетяне равны). Однако, если только инопланетяне не прибыли из каких-то ближних мест, у них должен быть и марковский двигатель. Интересно, как они сумели захватить «Смягчающие обстоятельства» врасплох? Могут ли они запрыгивать прямиком в гравитационный колодец? На такой фокус не способны даже самые мощные корабли Лиги.

Источником той странной, мучительной тяги, которую Кира по-прежнему ощущала, по-видимому, как раз и было инопланетное судно. Некая часть Киры хотела бы откликнуться на призыв – и будь что будет, но это была ее безумная часть, и к ее нашептываниям Кира не прислушивалась.

Ощущала она и отделившийся фрагмент чужи, его «голос» становился все глуше по мере того, как фрагмент все дальше улетал в космос. «Превратится ли он вновь в пыль?» – задумалась Кира.

Перед ней разверзлась задняя часть «Смягчающих обстоятельств». Прорыв трубопровода гидросистемы в корпусе – вот причина катастрофы. Оттуда все еще хлестала в космос вода. Кира прикинула, как меняется угол между нею и кораблем, сравнила скорость вращения и собственную скорость и поняла, что разминется с кораблем почти на сто метров.

Безнадежно.

Если б только она могла двигаться не прямо вперед, а навстречу движению этой части корабля, все получилось бы. Но...

Она сместилась влево.

Кира почувствовала короткий толчок справа. Уравновесивая одной рукой свое движение, она оглянулась: позади расплывалось легкое облачко. «Скинсьют» помог ей повернуть! На миг она обрадовалась, а потом снова вспомнила, какая ей грозит опасность.

Кира полностью сосредоточилась на своей цели. Еще немного влево, потом на несколько градусов изменить угол. Прекрасно! Чужь отзывалась на каждую мысль, обеспечивая ровно тот импульс, который требовался Кире, чтобы сместиться.

А теперь быстрее! Быстрее!

Скорость возросла, хотя Кира предпочла бы ускориться еще больше. Значит, у «скинсьют» имеются свои ограничения.

Она пыталась сообразить, сколько времени уже прошло. Минута? Две? В любом случае – слишком много. Чтобы включить шаттл и подготовить его к вылету, даже при работающей системе аварийной эвакуации, потребуется несколько минут. Она, вероятно, сможет использовать маневровые двигатели, чтобы отлететь на несколько сотен метров от «Смягчающих обстоятельств», но этого мало: взрыв накроет ее.

Надо думать поэтапно. Сначала она попадет в шаттл и тогда уже сообразит, как на нем еще и вылететь.

Тонкая красная линия появилась на задней части корпуса и двинулась к корме – лазерный луч резал корабль на части. Палубы одна за другой взрывались облаком кристаллизирующегося пара, и Кира видела, как тела мужчин и женщин улетают в космос, как последние их выдохи крошечными облачками расплываются перед искаженными лицами.

Лазер свернул в сторону и достиг стыковочного отсека, разрезал крайний шаттл. Хлопок воздуха – и изуродованный шаттл полетел прочь от «Смягчающих обстоятельств». Затем из пробитого топливного бака в одном из его крыльев вырвалось пламя, и шаттл, стремительно вращаясь по спирали, скрылся из глаз.

– Черт подери! – крикнула Кира.

Задняя часть «Смягчающих обстоятельств» надвигалась на нее искоса, подгоняемая декомпрессией разрушаемых отсеков. Кира успела уклониться от столкновения с бледной поверхностью корпуса, быстро и рискованно перемахнула через нее и всем телом врезалась в уцелевший шаттл. Его название было написано крупными буквами на борту: «Валькирия».

Пыхтя, Кира раскинула руки и ноги, стараясь зацепиться за шаттл. Ладони и стопы прилипли к его оболочке, и Кира поползла к боковому шлюзу. Нажала кнопку запуска, свет на контрольной панели сделался зеленым, люк начал медленно приотворяться.

– Ну же! Ну же!

Как только между дверцей и корпусом шаттла появилась достаточно большая щель, Кира втиснулась в нее и активизировала аварийную систему стабилизации давления. Воздух ударил в нее со всех сторон, вторгся вопль включенной сирены. Похоже, шлем, которым «скинсьют» защитил ее голову, не блокировал слух.

– Самоуничтожение через сорок три секунды. Это не учебная тревога.

– Черт!

Когда уровень давления достиг нормы, Кира открыла внутренний шлюз и пропихнулась через него в кабину.

Контрольная панель успела активизироваться. Одного взгляда на датчики хватило – Кира убедилась, что двигатели включены и все процедуры перед вылетом уже соблюдены. Бишоп молодец!

Она рухнула в кресло пилота, с трудом разобралась с ремнями, пристегнулась.

– Самоуничтожение через двадцать пять секунд. Это не учебная тревога.

– Вытащи меня отсюда! – крикнула она сквозь маску. – Взлетай! Взлетай!

«Валькирия» резко отделилась от корабля, и, когда взревели двигатели шаттла, на Киру обрушился вес тысячи тонн. «Скинсьют» отреагировал и затвердел, но все же не мог полностью уберечь ее от неприятных ощущений.

Шарообразный инопланетный корабль промелькнул мимо носа «Валькирии», а затем Кира увидела в полукилометре от себя переднюю часть «Смягчающих обстоятельств». Несколько похожих на гробы спасательных капсул вылетели из носа корабля и помчались к пустынной поверхности Адры.

Неожиданно тихим голосом Бишоп обратился к ней:

– Мисс Наварес, я оставил для вас запись в системе «Валькирии». Она содержит всю существенную информацию о вас, вашей ситуации и этом сражении. Прошу вас просмотреть запись при первой же возможности. К сожалению, больше ничем я помочь не могу. Благополучно добраться, мисс Наварес!

– Погоди! Что?

Экран вспыхнул белым, болезненная тяга в груди исчезла.

Мгновение спустя на шаттл обрушился шквал разлетающихся по космосу обломков. На миг Кира испугалась, что «Валькирия» не выдержит такого обстрела. Панель над головой заискрилась и выключилась, где-то за спиной раздался грохот и следом, на высокой ноте, свист выходящего воздуха.

Снова включился сигнал тревоги, ряды красных лампочек загорелись над головой. Рев двигателей стих, давящий вес исчез, и вернулось выворачивающее наизнанку ощущение свободного падения.

2

– Мисс Наварес, многочисленные пробоины корпуса в кормовой части, – сообщил искусственный интеллект шаттла.

– Ясно, спасибо, – пробурчала Кира, отстегивая ремни безопасности.

Собственный голос сквозь маску звучал приглушенно и странно.

Она спаслась! Самой не верилось. И до безопасности еще далеко.

– Выключи сигнал тревоги, – приказала она.

Сирена сразу же умолкла.

Пробираясь к корме и ориентируясь на пронзительный свист, Кира в очередной раз порадовалась маске. По крайней мере, даже если давление воздуха в шаттле упадет до критических цифр, она не лишится чувств. И все-таки ей хотелось бы знать, предстоит ли ей до конца жизни ходить с закрытым лицом.

Впрочем, сначала надо убедиться, что ее жизнь не оборвется прямо сейчас.

Свистки привели Киру в дальний конец пассажирского отсека. Там вдоль стыка потолка и стены обнаружилось семь отверстий. Крошечные, словно карандашным грифелем проткнули, но и таких вполне достаточно, чтобы за несколько часов из шаттла утек весь кислород.

– Компьютер, как к тебе обращаться?

– Меня зовут Эндо.

Манера общаться напоминает Гейгера, но наверняка есть и отличия. У военных специальные программы для бортовых компьютеров.

– Где набор для ремонта, Эндо?

Искусственный интеллект указал ей шкафчик. Кира вытащила чемоданчик и смешала ингредиенты быстрозастывающей вонючей резины (надо же, маска не блокирует запахи). Этой мерзкой массой она заткнула дырки и каждую сверху заклеила шестью наложенными крест-накрест слоями «сверхсветовой» клейкой ленты. Эта лента прочнее многих металлов: чтобы удалить столько слоев, понадобится пламя реактивного двигателя.

Убрав чемоданчик, Кира потребовала:

– Эндо, сообщи о повреждениях.

– Короткие замыкания в сети освещения, нарушены линии два-двадцать-три-эн и один-пять-один-эн. Также...

– Подробный отчет не нужен. Лететь «Валькирия» может?

– Да, мисс Наварес.

– Все жизненно важные системы работают?

– Да, мисс Наварес.

– А что с термоядерным двигателем? Разве сопло не было направлено в сторону взрыва?

– Нет, мисс Наварес, мы двигались под углом к «Смягчающим обстоятельствам», и взрыв задел нас только по касательной.

– Это ты рассчитал курс?

– Нет, мисс Наварес, это сделал разум корабля Бишоп.

Только теперь Кира немного успокоилась. Только теперь позволила себе поверить, что, может быть... может быть, она уцелеет.

Маска вздулась и отслоилась от ее лица. Кира вскрикнула, не удержалась – по ощущениям, словно сдирали огромный крепко прилипший пластырь.

Через несколько секунд ее лицо полностью очистилось.

Кира осторожно провела пальцами по рту и носу, вокруг глаз, притрагиваясь, исследуя. Удивительно – ресницы и брови на месте.

– Что же ты такое? – прошептала она, дотрагиваясь до ворота «скинсьюта». – Для чего тебя предназначали?

Ответа не было.

Кира осмотрела шаттл. Приборные доски, ряды сидений, шкафчики кладовой и – вот они – четыре пустые криокамеры. Криокамеры, которыми она не могла воспользоваться.

Внезапно ее накрыло отчаяние. Что толку, что удалось спастись с корабля? Раз она не может погрузиться в криосон, то навеки застрянет на окраине Вселенной.

Глава IX

Выбор пути

1

Цепляясь за стены, Кира вернулась в кабину и снова пристегнулась к креслу пилота. Она глянула на монитор и убедилась, что «Смягчающие обстоятельства» исчезли, как и инопланетный корабль, погибший вместе с крейсером.

– Эндю, есть еще корабли в системе?

– Ответ отрицательный.

Хоть какие-то хорошие новости.

– Эндю, «Валькирия» оснащена марковским двигателем?

– Ответ положительный.

Тоже хорошие новости. Значит, шаттл способен осуществить сверхсветовой перелет. Но не факт, что Кира выдержит перелет без криосна.

– Эндю, сколько времени понадобится «Валькирии», чтобы достичь Шестьдесят первой Лебеда, если шаттл включит аварийную работу двигателя, чтобы достигнуть марковского предела?

– Семьдесят восемь с половиной суток.

Кира выругалась. Для «Фиданцы» время полета составляло всего двадцать шесть дней. Но едва ли медлительность шаттла была такой уж неожиданностью: это судно предназначено для коротких дистанций.

Не паниковать. Не такая уж она невезучая. Ответ на следующий вопрос все решит.

– Эндю, какой на «Валькирии» запас провизии?

– Сто семь порций.

Кира поручила искусственному интеллекту провести расчет. Без имплантов – вот досада! – она не могла решить самую простую задачу. Добавив к длительности перелета несколько дней, которые понадобятся для торможения у Шестьдесят первой Лебеда, искусственный интеллект сообщил, что всего они будут в пути 81,74 суток. Порций – рассчитанных на четырехкратный прием – хватит примерно на восемь недель, и то если урезать норму вдвое. Последние 27 дней ей предстоит обходиться вовсе без еды. С водой проблемы не будет: система регенерации шаттла не даст ей умереть от жажды. Но недостаток пищи...

Кире доводилось слышать о людях, голодавших месяц и более и выживших. Но слышала она и о тех, кто погиб гораздо быстрее. Не предугадаешь. Она была в хорошей форме, и «скин-сьют» помогал ей, так что шансы неплохи, однако это рискованная игра.

Кира потеряла висок, чувствуя приближение мигрени.

– Эндю, включи запись, которую оставил для меня Бишоп.

На мониторе появилось мужское лицо с резкими чертами – аватара разума корабля. Брови сведены, гримаса озабоченности и гнева.

– Мисс Наварес, времени мало. Инопланетяне глушат наши каналы, и они сбили единственный сигнальный дрон, который мне удалось запустить. Дело плохо. Вся надежда на вас, мисс Наварес. Я включил в эту запись все мои сенсорные данные, а также отчеты доктора Карра, отчеты с Адрастеи и так далее. Прошу передать их уполномоченным властям. При самоуничтожении «Смягчающих обстоятельств» исчезнет и источник помех.

Бишоп на экране подался вперед, и, хотя мужское лицо было лишь условным изображением, даже через монитор Кира ощущала силу этой личности: ум и сосредоточенную ярость, направленные на единственную цель.

– Прошу прощения за то, как с вами обошлись, мисс Наварес. На то была достаточная и, как доказало нападение инопланетян, неотложная причина, и все же мне жаль, что вы пострадали. Тем не менее теперь я рассчитываю на вас. Мы все на вас рассчитываем. – Человек на экране снова отодвинулся и добавил: – И еще, мисс Наварес: если встретитесь с генералом Такеши, скажите ему... скажите, что я помню звук лета. Конец связи.

Странная печаль охватила Киру. Хотя интеллект корабельного разума был многократно мощнее, ему не были чужды ностальгия и сожаления, присущие обычному, неаугментированному человеку. Да и не могло быть иначе.

Кира устала плести волокна у себя на ладони.

– Эндо, опиши, как выглядело появление инопланетного корабля.

– Неопознанное судно было замечено со спутника шестьдесят три минуты назад. Оно обходило Зевс и шло наперехват. – На экране появилась голограмма с изображением газового гиганта, его лун и пунктирной линии, обозначающей движение захватчиков от Зевса к Адре. – Судно ускорило до двадцати пяти *g*, но...

– Черт! – Да это просто чудовищное ускорение.

Эндо невозмутимо продолжал:

– Его ракетный выхлоп был недостаточен для создания наблюдаемой тяги. Затем корабль выполнил маневр и замедлился на семь минут, чтобы выйти на одну орбиту с судном ОВК «Смягчающие обстоятельства».

Ледяная рука сжала сердце. Подобный маневр захватчики могли осуществить лишь за счет уменьшения инерционного сопротивления своего корабля. Теоретически это возможно, однако люди пока такому не научились. Слишком сложные инженерные задачи требовалось для этого решить (и, помимо всего прочего, не хватало мощности двигателей).

Страх проник глубже. Это ведь и вправду худший из кошмаров. Наконец-то человечество повстречало другой разумный вид, но этот вид враждебен, а его корабли могут совершать обороты вокруг любого космического корабля, сделанного людьми, даже автоматического.

Эндо еще не закончил:

– Неопознанное судно не отвечало на запрос и начало боевые действия в...

– Стоп, – сказала Кира.

Остальное ей было известно. Она ненадолго призадумалась. Захватчики выпрыгнули в систему по ту сторону Зевса. Только так они могли поначалу укрыться от «Смягчающих обстоятельств». Или же они вылетели прямо изнутри газового гиганта, что маловероятно. Так или иначе, они соблюдали меры предосторожности, использовали Зевс как прикрытие и – она всмотрелась в голограмму, которую Эндо оставил на экране, – не включали двигатель, дожидаясь, пока их корабль и «Смягчающие обстоятельства» не окажутся по разные стороны от Адры.

Появление захватчиков через несколько недель после того, как на Адре она обнаружила чужь, – явно не совпадение. Космос слишком велик для такого рода случайностей. Либо захватчики все время наблюдали за спутником Зевса, либо в тот момент, когда Кира провалилась в развалины, оттуда в космос отправился сигнал.

Кира потеряла лицо, ее охватила внезапная усталость. Ладно. Следует учесть, что у захватчиков вполне могут быть подкрепления и они могут объявиться в любой момент. Нельзя терять время.

– Эндо, связь все еще глушат?

– Ответ отрицательный.

– В таком случае...

Она остановилась на полуслове. Если отправить сверхсветовой сигнал к Шестьдесят первой Лебеда, не наведет ли он захватчиков на освоенную человечеством часть Вселенной? Такая опасность существует. Но они в любом случае найдут обжитые планеты, если станут их искать,

даже если еще не установили за ними наблюдение, а Лигу следует предупредить о нашествии как можно скорее.

– Пошли сигнал бедствия на станцию «Выборг», со всей информацией о нападении на «Смягчающие обстоятельства».

– Невозможно выполнить приказ.

– Что? Почему? Объясни.

– Антенна сверхсветовой связи повреждена и не может поддерживать постоянное поле.

Мои вспомогательные боты не сумеют ее починить.

Кира нахмурилась:

– Перенаправь сигнал через спутниковую связь. Спутник Двадцать восемь джи. Код доступа... – она наизусть воспроизвела код, предоставленный «Лапсангом».

– Невозможно выполнить приказ. Спутник Двадцать восемь джи не отвечает. Судя по обломкам в этом секторе, спутник уничтожен.

– Черт побери! – Кира обмякла в кресле пилота.

Значит, она не сможет отправить сообщение даже на «Фиданцу». Корабль лег на курс лишь вчера, но без сверхсветовой связи он с тем же успехом мог находиться на дальнем от нее краю галактики. Оставалась возможность передать сигнал с досветовой скоростью (и Кира была намерена это сделать), но он достигнет Шестьдесят первой Лебеда лишь через одиннадцать лет, от чего ни ей, ни Лиге никакой пользы.

Кира сделала глубокий вдох, успокаиваясь. Возьми себя в руки. Ты справишься.

– Эндо, пошли зашифрованный отчет с пометкой «совсекретно» уполномоченному офицеру ОВК на Шестьдесят первой Лебеда. Используй лучшие из доступных средств связи. Включи в отчет всю существенную информацию обо мне, Адрасее и нападении на «Смягчающие обстоятельства».

Почти незаметная пауза, а затем искусственный интеллект ответил:

– Сообщение отправлено.

– Хорошо. А теперь, Эндо, я хочу передать сообщения по всем имеющимся каналам срочной связи.

Легкий щелчок.

– Готово.

Кира подалась вперед, почти прижимаясь губами к микрофону на приборной доске.

– Говорит Кира Наварес, шаттл ОВК «Валькирия». Меня кто-нибудь слышит? Прием...

Выждав несколько секунд, она повторила сообщение. И еще раз. ОВК обошлось с ней скверно, но, прежде чем выйти в сверхсветовое пространство, она хотела убедиться, что выживших нет и помощь никому не нужна. Перед глазами еще стояли те спасательные капсулы, катапультировавшиеся с борта «Смягчающих обстоятельств». Если кто-то уцелел, она должна это выяснить.

Она уже собиралась перевести сообщение на автоматический повтор, когда колонка крякнула и ответил мужской голос, звучащий, казалось, совсем близко:

– Капрал Иска. Ваше текущее местоположение, Наварес? Прием.

Удивление, облегчение и нарастающая тревога охватили Киру. Она уже не надеялась услышать ответ. Как поступить теперь?

– Я все еще на орбите. Прием. А где вы? Прием.

– На Адре.

Присоединился еще один голос, женщины помоложе:

– Докладывает рядовая Райснер. Прием.

И еще три, все мужские:

– Военспец Орсо, прием. Лейтенант Яррек. Старшина Сэмсон.

И последний, жесткий, словно собранный в кулак голос, услышав который Кира оцепенела:

– Майор Щеттер.

Шесть выживших, старший по званию – майор. Еще несколько вопросов, и стало ясно, что все шестеро добрались до Адры, их спасательные капсулы разметало по экваториальному континенту, где находилась исследовательская база. Капсулы старались приземлиться как можно ближе к базе, но их маломощные двигатели не могли обеспечить такую точность, и в итоге ближайшая капсула оказалась в десятках километров от базы, а Щеттер – в семистах.

– Итак, каков план, мэм? – спросил Иска.

Щеттер помолчала с минуту. Затем спросила:

– Наварес, вы отправили сообщение Лиге?

– Угу, – отозвалась Кира. – Но оно будет идти десять с лишним лет.

И она пояснила, что произошло с антенной сверхсветовой связи и спутником Двадцать восемь джи.

– Ох, е-мое, – пробурчал Орсо.

– Отставить болтовню! – приказал Иска.

Они слышали, как Щеттер резко вдохнула, пошевелилась в своей спасательной капсуле.

– Дерьмо! – Впервые Кира слышала от нее ругательство. – Это меняет дело.

– Да, – сказала Кира. – Я проверила запасы пищи на «Валькирии». Их не очень много.

Она повторила результаты подсчетов, которые сделал Эндо, и добавила:

– Сколько времени пройдет, прежде чем ОВК пришлет другое судно выяснить, что произошло?

Щеттер снова задвигалась. Похоже, не могла найти удобную позу.

– Слишком долго ждать. По меньшей мере месяц, а то и больше.

Кира сжала кулаки. Дела все хуже и хуже.

Щеттер продолжала:

– Мы не можем ждать. Приоритетная задача – предупредить Лигу насчет инопланетян.

– Ксеноорганизм называет их захватчиками, – вставила Кира.

– Вот как? – резко спросила Щеттер. – Можете поделиться с нами еще какой-нибудь существенной информацией, мисс Наварес?

– Только странные сны. Потом запишу.

– Будьте добры... Итак, нам нужно предупредить Лигу. Эта информация и ксеноорганизм, который на вас, Наварес, гораздо важнее всех нас, вместе взятых. Поэтому я приказываю вам согласно особому пункту Акта о космической безопасности взять курс на Шестидесят первую Лебеда и отправляться немедленно.

– Мэм! – вскрикнул Яррек.

– Спокойнее, лейтенант, – посоветовал ему Иска.

Киру предложение бросить немногих уцелевших покорило.

– Послушайте, если мне придется лететь к Лебедю без криосна, так тому и быть. Но я не хочу бросать вас тут.

Щеттер фыркнула:

– Очень благородно, но вы не можете тратить часы на облет Адрастеи, чтобы собрать нас всех. На это уйдет полдня, а то и больше, и за это время могут подоспеть захватчики.

– Я готова рискнуть, – негромко ответила Кира. И к собственному изумлению поняла, что и правда готова.

Она прямо-таки видела, как Щеттер качает головой:

– А я не готова рисковать, Наварес. К тому же, как нам всем известно, на шаттле всего четыре криокамеры.

– Извините, майор, я не могу улететь и бросить вас здесь.

– К черту, Наварес! Эндю, принимаю командование на себя, пароль доступа... – Щеттер произнесла длинный набор букв и цифр.

– В доступе отказано, – ответил искусственный интеллект. – Командование «Валькирией» закреплено за Кирой Наварес.

Голос майора сделался еще на несколько градусов холоднее.

– Чей это приказ?

– Разума корабля Бишопы.

– Ясно... Наварес, придите в себя и поступите как ответственный человек. Речь идет о большем, чем судьба нескольких людей. Ситуация требует...

– Она всегда требует, – пробурчала Кира.

– Что?

Кира покачала головой, хотя ее никто не видел.

– Неважно. Спускаюсь за вами. И пусть хоть...

– Нет! – разом ответили Щеттер и Иска.

Щеттер продолжила:

– Нет. Ни в коем случае не приземляйтесь на «Валькирии», Наварес! Вас могут захватить врасплох. К тому же, даже если вы пополните запас топлива на своей базе, значительную его часть вам придется потратить, чтобы вернуться на орбиту. А вам еще понадобится провести маневр, чтобы притормозить на подлете к Шестидесяти первой Лебедя.

– Но не могу же я просто болтаться тут и ничего не делать, – возразила Кира. – А вы никак не можете заставить меня улететь.

Повисло мрачное молчание.

Должен же быть способ спасти хотя бы нескольких, думала Кира. Она вообразила, каково было бы ей самой, если бы она осталась в одиночестве на Адре, умирая с голоду, пытаясь спрятаться от захватчиков. Жутко себе это представить – такой участи она бы не пожелала даже доктору Карру.

При мысли о докторе Карре она на миг запнулась. Его перекошенное ужасом лицо, вопли, которыми он пытался ее остановить, прорвавшие кожу осколки костей... Если бы ее пуля не пробила трубу с кислородом, он, может, сумел бы выбраться со «Смягчающих обстоятельств». Хотя нет, захватчик убил бы их обоих, если бы взрыв не остановил его. И все же она чувствовала сожаление. Карр обошелся с ней как ублюдок, но такой гибели не заслуживал.

И тут она щелкнула пальцами. Звук в тишине кабины вышел неожиданно громким.

– Знаю! – сказала она. – Знаю, как снять вас с Адры.

– Как? – настороженно спросила Щеттер.

– На базе есть мини-шаттл, – ответила Кира.

– Какой шаттл? – спросил Орсо басом. – «Фиданца» забрала его, когда улетала.

Кира едва дождалась, чтобы он закончил:

– Нет, не тот. Другой шаттл. Тот, который пилотировала Негар, когда я нашла ксеноорганизм. Его должны были оставить: он мог быть заражен.

В колонке раздалась барабанная дробь: это Щеттер стучит ногтями, догадалась Кира. Майор спросила:

– Что нужно, чтобы вывести шаттл на орбиту?

Кира прикинула:

– Скорее всего, достаточно просто наполнить топливные баки.

– Мэм, – вмешался Орсо, – я всего в двадцати трех километрах от базы. Могу добраться туда за пятьдесят минут.

– Вперед! – сразу же ответила ему Щеттер.

Слабый щелчок: Орсо ушел с линии.

Тогда несколько напряженно в разговор вмешался Иска:

– Мэм!

– Да, знаю, – сказала Щеттер. – Наварес, мне нужно поговорить с капралом. Оставайтесь на месте.

– Хорошо, но...

Щеттер отключила связь.

2

Пока ждала, Кира разбиралась с управлением шаттла. Прошло несколько минут, Щеттер не возобновила связь, и Кира, отстегнув ремень безопасности, пошла и порылась в кладовом отделении шаттла. Там она обнаружила комбинезон. Она не замерзла без одежды – чужь согревала ее, – но с того самого момента, как очнулась на «Смягчающих обстоятельствах», Кира с неудовольствием ощущала свою наготу. В нормальной одежде она сразу почувствовала себя увереннее. Может, это и глупо, но все-таки – совсем другое дело.

Потом она перешла в небольшой кухонный отсек.

Она проголодалась, но, зная, как скуден запас пищи, не решилась съесть порцию мяса. Выбрала пакетик саморазогревающегося челла – своего любимого – и вернулась с ним в кабину.

Прихлебывая горячую жидкость, Кира изучала тот сектор космоса, где еще недавно находились «Смягчающие обстоятельства» и корабль захватчиков.

Ничего – тьма и пустота. Все мертвы. Люди и пришельцы – все. Не осталось даже облака пыли, взрыв уничтожил корабли и рассеял их атомы во все стороны.

Инопланетяне. Разумные инопланетяне. Эта мысль никак не вмещалась в сознание – эта мысль и другая, что она соучаствовала в убийстве инопланетянина... Может быть, с этими оснащенными щупальцами существами можно вступить в переговоры. Может быть, еще не поздно решить все миром. Но в любой договор в том или ином качестве впишут и ее.

При этой мысли переплетенные волокна на кистях ее рук напряглись, набрякли, словно взбухшие мускулы. После столкновения с захватчиком «скинсьют» еще не вполне успокоился и активнее, чем раньше, откликался на эмоциональное состояние Киры.

По крайней мере на один вопрос ответ в результате сражения получен: люди не единственная разумная раса, способная на насилие и даже убийство. Ох, не единственная.

Кира перевела взгляд на передний иллюминатор и мерцавшую за ним Адрастею. Где-то там, на этом спутнике Зевса – шесть членов экипажа. И среди них Щеттер.

Их шестеро, а криокамер на шаттле только четыре.

И тут Киру осенило. Она снова включила связь и окликнула:

– Щеттер, вы меня слышите? Прием.

– Что такое, Наварес? – раздраженно поинтересовалась майор.

– У нас на базе были еще две криокамеры. Помните? Для Негар и меня. Одна из них, наверное, так там и осталась.

– Принято к сведению. Что еще полезного есть на базе? Провизия, оборудование?

– Точно не знаю. Мы не успели все демонтировать. В гидропонной теплице могли остаться живые растения. Сколько-то порций еды в кухне, возможно. Много исследовательского оборудования, но этим сыт не будешь.

– Принято к сведению. Отключаюсь.

Прошло еще полчаса. Линия вновь ожила, и майор спросила:

– Наварес, вы меня слышите?

– Да, я здесь, – поспешно ответила Кира.

– Орсо нашел мини-шаттл. И он, и установка гидрокрекинга, по-видимому, могут быть использованы.

Тут!

– Отлично!

– Теперь мы вот как поступим, – сказала Щеттер. – Как только Орсо заправит шаттл – на это понадобится еще семь минут, – он заберет Сэмсона, Райснер и Яррека. Придется в два приема. И они встретятся с вами на орбите. Затем шаттл вернется своим ходом на базу, а вы, мисс Наварес, отдадите приказ Эндо и «Валькирии» отправляться в путь. Все ясно?

Кира поморщилась. До чего же майор действовала ей на нервы!

– А криокамера, про которую я спрашивала? Она на базе?

– Сильно повреждена.

Кира вздохнула. Наверное, ее тоже проткнули тогда шипы.

– Ясно. Значит, вы и Иска...

– Остаемся тут.

Странное чувство сродства охватило Киру. Щеттер не была ей симпатична – ничуть, – и все же она не могла не восхититься стойкостью майора.

– Почему именно вы? Разве...

– Потому что если вы подвергнетесь нападению, вам понадобятся люди, которые могут сражаться, – сказала Щеттер. – Я сломала ногу при приземлении. От меня не будет никакой пользы. Что же касается капрала, он сам вызвался. В ближайшие дни он доберется пешком до базы, а потом возьмет шаттл и слетает за мной.

– Мне очень жаль, – проговорила Кира.

– Не о чем жалеть, – сурово ответила Щеттер. – Чему быть, того не миновать. И нам все равно следовало оставить здесь наблюдателей на случай, если инопланетяне вернуться. Я служу в разведке. Я самый подходящий человек для такого задания.

– Конечно, – согласилась Кира. – Кстати, если пороетесь в лаборатории Сеппо на базе, найдете и упаковки с семенами. Не знаю, сумеете ли вы их прорастить, но...

– Посмотрим, – сказала Щеттер. И чуть мягче добавила: – Спасибо за заботу, хоть вы и бываете порой настоящей занозой в заднице, Наварес.

– От занозы слышу.

Кира провела ладонью по краю контрольной панели, следя за тем, как изгибается и тянется поверхность «скинсьюта». Окажись она на месте Щеттер – хватило бы ей мужества принять такое решение?

– Мы предупредим вас, когда шаттл вылетит. Отключаюсь.

3

– Выключи экран! – приказала Кира.

Она всмотрелась в свое отражение в темном стекле – призрачный, смутный двойник. Впервые с тех пор, как чужь вырвалась из ее тела, ей удалось внимательно разглядеть себя.

И она себя почти не узнала. Вместо обычных, ожидаемых очертаний головы – голый, лысый свод черепа, черный, под слоями пересекающихся волокон. Глаза запали, по обе стороны рта появились морщины, как у ее матери.

Кира подалась ближе. На стыке «скинсьюта» с кожей сформировался изощренный фрактал, при виде которого что-то в ее душе отозвалось, как будто Кира видела его не впервые. Ощущение дежавю было настолько сильным, что на миг Кира перенеслась в иное пространство и время, и ей пришлось встряхнуться и переменить позу.

Кира подумала, что вид у нее – как у зомби, как у трупа, вылезшего из могилы, чтобы терзать живых. Ее охватило отвращение, и она отвернулась, не желая смотреть, во что ее превратила эта чужь. Хорошо, что она не сделалась такой, пока жив был Алан, – такую он не мог

бы полюбить, к такой невозможно даже относиться с симпатией. Ей представилась гримаса омерзения на его лице – омерзения, равного ее собственному.

На миг глаза наполнились слезами, но Кира сердито сморгнула их. Она надела шляпу с полями, которую отыскала в кладовой, и подняла ворот комбинезона, постаравшись скрыть чужь. А затем:

– Включить экран. Начинаем запись.

Экран зажегся, и на панели рядом с камерой замигал желтый огонек.

– Привет, мам, пап, Иста. Не знаю, когда вы увидите это сообщение. Не знаю, увидите ли вы его вообще, но очень на это надеюсь. Тут дела плохи. Подробности я вам рассказать не имею права, иначе у вас будут проблемы с Лигой, но Алан погиб. А еще Файзель, Юго, Иванова и Сеппо.

На миг Кира отвела глаза и не сразу смогла продолжить:

– Мой шаттл поврежден, и я не уверена, доберусь ли до Шестидесятой первой Лебеда, но если не доберусь: мам, пап, я составила завещание на ваше имя. Информация в приложении к этому сообщению. И я понимаю, это прозвучит странно, но я прошу вас мне верить. Надо подготовиться. Вы должны подготовиться. Грядет буря, и буря страшная. Хуже, чем тридцать седьмой год.

Они поймут. В их местах всегда шутили, что хуже бури тридцать седьмого года может быть только апокалипсис.

– И последнее. Я не хочу, чтобы вы трое горевали из-за меня. Особенно ты, мама. Я же тебя знаю. Прекрати. Не сиди дома и не плачь. Это касается вас всех. Выходите из дома. Улыбайтесь. Живите. Ради меня и ради вас самих. Обещайте, что вы так и сделаете.

Кира помолчала и кивнула, словно отвечая собственным мыслям:

– Мне жаль. Мне очень жаль, что я причинила вам такое горе. И что я не побывала дома перед этой экспедицией... Я вас люблю.

Она нажала на «стоп».

Несколько минут Кира сидела, ничего не делая, тупо таращась на пустой экран. Потом заставила себя записать сообщение для Сэма, брата Алана. Поскольку рассказать о чужих она не могла, то назвала причиной смерти Алана несчастный случай на базе.

Под конец Кира снова расплакалась и не пыталась сдержать слезы. Столько всего обрушилось на нее за последние дни – дать себе волю хотя бы на несколько минут было облегчением.

На пальце ей все еще чудилась тяжесть металлического ободка – там, где прежде было подаренное Аланом кольцо. При мысли о кольце – о его отсутствии – слезы хлынули вновь.

Волокна под комбинезоном откликнулись на ее переживания, бугорки проступили вдоль рук и ног и поперек спины. Зарывав, Кира хлопнула ладонью одной руки по тыльной стороне другой, и бугорки втянулись обратно.

Успокоившись, Кира сделала аналогичные записи о каждом из своих погибших товарищей. Она не была знакома с их близкими и даже не обо всех знала, есть ли у них семьи, но все же считала нужным это сделать. Это был ее долг. Все они были ее друзьями... и она их убила.

Последняя запись далась ей не легче первой. Закончив, Кира приказала Эндо отправить сообщения и закрыла глаза, измученная, изнуренная. Она ощущала присутствие чужих в своем разуме, легкое давление, появившееся в какой-то момент, когда они спасались со «Смягчающих обстоятельств», но не замечала ни намека на мысль или какое-то намерение. Тем не менее она точно знала: чужь бодрствует. Бодрствует и наблюдает.

...

Шуршание в колонках.

Кира вздрогнула – очевидно, она задремала. Послышался голос Орсо:

– Вы меня слышите? Повторяю: вы слышите, Наварес? Прием.

– Слышу вас, – отозвалась она. – Прием.

– Мы заправляем топливом мини-шаттл. Как только баки наполнятся, вылетаем с этой проклятушкой каменюки. Стыковка с «Валькирией» через четырнадцать минут.

– Буду готова, – сказала она.

– Вас понял. Прием.

Минуты потекли быстрее. Кира наблюдала в камерах заднего вида, как от поверхности Адрастеи оторвалась яркая точка и понеслась по дуге в сторону «Валькирии». Когда точка приблизилась, проступили знакомые очертания мини-шаттла.

– Вижу их, – доложила она, – по-видимому, все благополучно.

– Это хорошо, – сказала Щеттер.

Мини-шаттл поравнялся с «Валькирией», и оба судна включили маневровые двигатели, чтобы аккуратно соединиться шлюзом в шлюз. Легкая дрожь пробежала по корпусу «Валькирии».

– Стыковка успешно осуществлена! – сообщил Эндо.

Он вообще слишком был жизнерадостен, на вкус Кире.

С шипением отворилась гермодверь. В отверстие сунул голову мужчина с орлиным носом и короткой военной стрижкой.

– Разрешите подняться на борт, Наварес?

– Разрешаю, – ответила Кира.

Это была всего лишь формула вежливости, но Кира ее оценила. Когда мужчина подплыл к ней, Кира протянула руку. Тот, слегка колебавшись, сжал ее в своей.

– Военспец Орсо? – уточнила Кира.

– Совершенно верно.

Следом явились рядовая Райснер (невысокая девушка с широко распахнутыми глазами – похоже, она завербовалась в ОВК сразу по окончании школы), сержант Сэмсон (тощий, высокий, рыжеволосый) и лейтенант Яррек (крепко сбитый, на правой руке широкая повязка из бинтов).

– Добро пожаловать на «Валькирию», – сказала Кира.

Они все посмотрели на нее несколько подозрительно, но Орсо ответил:

– Хорошо, что нам удалось добраться сюда.

Яррек пробурчал:

– Мы перед вами в долгу, Наварес.

– Да, – сказала и Райснер. – Спасибо.

Прежде чем отправить мини-шаттл обратно на Адру, Орсо подошел к ряду шкафчиков, расположенных вплотную к корпусу в хвосте «Валькирии». Кира их раньше не замечала.

Орсо ввел код, и дверцы открылись, обнаружив ряды ружей – лазерных и обычных.

– Это дело, – одобрил Сэмсон.

Орсо отобрал четыре ружья, прихватил аккумуляторы, магазины и гранаты, отнес все это в мини-шаттл.

– Майору и капралу, – пояснил он.

Кира кивнула, вполне его понимая.

Как только оружие погрузили, а военные вернулись на «Валькирию», мини-шаттл отделился и начал спуск на Адрастею.

– Видимо, на базе вы никакой еды не нашли? – спросила Кира Орсо.

Он покачал головой:

– К сожалению, нет. В наших спасательных капсулах было несколько пайков, но мы оставили их майору и капралу. Им они нужнее, чем нам.

– Точнее – им они нужнее, чем мне.

Он настороженно глянул на нее:

– Да, видимо, так.

Кира покачала головой:

– Неважно. – Он поступил правильно. – Ладно, вперед!

– По местам! – скомандовал Орсо.

Трое его спутников пристегнулись, а Орсо сел рядом с Кирой в кресло второго пилота, и Кира приказала:

– Эндю, проложи маршрут до ближайшей точки в системе Шестьдесят первой Лебеда. Ограничений по скорости нет.

На экране всплыл тот сектор космоса, куда они хотели попасть. Замигала точка: заправочная станция «Гидротек» на орбите вокруг газового гиганта Циолковского. На этой же станции «Фиданца» останавливалась несколько месяцев назад по пути сюда, к сигме Дракона.

Кира выдержала секундную паузу, а затем:

– Старт!

С ревом ожили двигатели шаттла, перегрузка в 2g придавила их к спинкам кресел – сначала мягко, но дальше давление все нарастало.

– Поехали, – пробормотала Кира.

4

Три часа продолжалась перегрузка в 2g, затем искусственный интеллект сбросил ускорение до более терпимых 1,5g, и это позволило экипажу перемещаться без особых проблем. Следующий час четверо военных провели, обшаривая каждый уголок шаттла. Они проверили, как Кира отремонтировала пробоины – «недурно для гражданского лица», нехотя признал Сэмсон, – пересчитали пайки, составили полный каталог оружия, аккумуляторов и боеприпасов, продиагностировали скинсьюты и криосистему и в целом убедились, что судно функционирует нормально.

– Если что-то случится, пока мы спим, ты едва ли успеешь нас разбудить, – пояснил Орсо.

Затем он и все остальные разделись до трусов. Яррек, Сэмсон и Райснер забрались каждый в свою криокамеру и начали делать инъекции, которые должны были их заморозить. Они не могли оставаться дольше на ногах, чтобы не проголодаться. Всю еду следовало сберечь для Киры.

Нервно рассмеявшись, Райснер помахала товарищам рукой.

– Увидимся у Шестьдесят первой Лебеда, – сказала она, и крышка ее криокамеры опустилась.

Кира помахала в ответ, но едва ли рядовая Райснер успела это увидеть.

Орсо подождал, пока все остальные не погрузились в бессознательное состояние. Тогда он сходил к шкафчику и принес оттуда ружье.

– Держи. – Он вручил ружье Кире. – Это против правил, но тебе оно может понадобиться, и если такое случится... лучше, чем драться голыми руками.

Орсо несколько иронично глянул на Киру и добавил:

– Все равно мы будем лежать беспомощные, полностью в твоей власти, так какого черта. Хоть шанс у тебя будет.

– Спасибо. – Она взяла ружье, оказавшееся тяжелее, чем думалось. – Спасибо за заботу.

– Без проблем. – Он подмигнул ей. – Эндю объяснит тебе, как им пользоваться. И еще есть приказ Щеттер.

– Да? – насторожилась Кира.

Орсо ткнул себя в правую руку. У локтя проходил отчетливый круговой шрам, и ниже кожа была светлее.

– Видишь?

– Да.

Он ткнул пальцем в такой же шов на левом бедре:

– И вот.

– Да.

– Меня ранило шрапнелью несколько лет назад. Руку и ногу ампутировали, потом пришлось их регенерировать.

– Ой!

Орсо пожал плечами:

– Это не так уж больно. Суть в чем... когда у тебя кончится провизия, если поймешь, что не дотянешь, открой мою криокамеру и отрежь кусочек.

– Что? Да никогда в жизни!

Снова ироничный взгляд.

– Все равно что обычное выращенное в лаборатории мясо. А со мной, пока я в криосне, ничего не случится.

Кира сморщилась:

– Чтобы я превратилась в каннибала? Господи, я знаю, что в Солнечной системе вы особенные, но такое...

– Да нет же! – сказал Орсо, хватая ее за плечо. – Всего лишь хочу, чтобы ты выжила. Мы тут не в игрушки играем, Наварес. Возможно, весь человеческий род сейчас в опасности. Так что если придется отрезать мне руку и съесть, чтобы остаться в живых, – вперед. Обе руки, если понадобится, и обе ноги. Ты меня поняла?

Под конец он уже орал. Кира крепко зажмурилась и кивнула, не в силах смотреть ему в глаза.

Миг – и Орсо отпустил ее.

– Ладно. Хорошо. И это... не торопись орудовать секачом без особой нужды.

Кира покачала головой:

– Не стану. Честное слово.

Он выставил большие пальцы вверх:

– Отлично! – Залез в последнюю криокамеру и улегся там. – Справишься тут одна?

Кира прислонила ружье к стене.

– Ага. Эндо составит мне компанию.

– Молодчина! – ухмыльнулся Орсо. – Не хотелось бы, чтобы ты озверела и набросилась на нас.

Он потянул на себя крышку криокамеры, и вскоре окошечко покрылось изнутри холодным конденсатом, спрятав Орсо от глаз Кира.

Кира выдохнула и осторожно пристроилась рядом с ружьем. Каждый лишний килограмм перегрузки она ощущала уже в костях.

Долгий предстоит путь.

5

На протяжении шестнадцати часов сохранялась перегрузка в 1,5g. Кира тем временем подробно записала видения, которые посылала ей чужь, и поручила Эндо отправить эту запись и Щеттер, и в штаб-квартиру Лиги. Она также попыталась просмотреть записи, которые Бишоп скопировал с систем «Смягчающих обстоятельств», особенно результаты экспериментов Карра. К величайшей ее досаде, эти файлы оказались запаролены и предназначались «только для персонала со спецдопуском».

Потерпев тут неудачу, Кира задремала, а когда уже не могла больше дремать, лежала и смотрела на чужь, плотно облепившую ее тело.

Она провела рукой по другой руке от плеча, прислушиваясь к ощущению волокон под кончиками пальцев. Потом сунула руку под термоодеяло, в которое закуталась, – под термоодеяло и внутрь комбинезона – и потрогала другие места – грудь, живот, бедра и, наконец, между ног.

Не ради удовольствия – это было клиническое исследование, вот и все. Ее интерес к сексу на тот момент оценивался намного ниже нуля. И все же Киру удивило, что кожа оставалась чувствительной даже под покрывающим ее «скинсьютом». Поверхность между ног стала гладкая, как у куклы, но под волокнами прощупывались знакомые складки.

Она выдохнула с присвистом и отдернула руку. Довольно. Пока что ее любопытство вполне удовлетворено.

Она решила поэкспериментировать с чужью. Сначала попыталась уговорить ее выпустить шипы вдоль внутренней стороны руки. Попыталась – и не преуспела. Волокна шевелились в ответ на ее мысленные команды, но не подчинялись.

Она знала, что чужь по силам это сделать. Она просто не хотела. Или же не видела достаточной угрозы. Даже когда Кира пыталась вообразить, будто на шаттле появились захватчики, этот организм не верил и не выпускал ни одного шипа.

Разочаровавшись, Кира переключилась на лицевую маску, желая понять, сможет ли она вызвать ее, если захочет.

Оказалось, что сможет, если приложит достаточно усилий. Лишь загнав себя в состояние, близкое к панике, когда сердце гроыхало и бисерины холодного пота выступили на лбу, Кира сумела сообщить чужь свое желание и только тогда почувствовала уже знакомое покалывание скальпа и шеи – «скинсьют» пополз выше по голове и лицу. На миг ей почудилось, что она задыхается, и тут уж ее страх сделался вполне реальным. Потом она совлела с собой, и пульс замедлился.

С каждой попыткой чужь становилась все восприимчивее, и, чтобы вызвать маску, достаточно уже было сосредоточиться на тревожных мыслях – что, учитывая обстоятельства, особого труда не составляло.

С маской на лице Кира некоторое время лежала, любуясь электромагнитными полями: гигантские облачные петли расплзались вокруг термоядерного двигателя «Валькирии» и реактора, от которого он питался. Другие петли, меньше размером и ярче, скапливались внутри шаттла, соединяли один его сегмент с другим тонкими энергетическими линиями. Эти поля оказались удивительно красивыми: прозрачные их завитки напоминали северное сияние, которое ей довелось однажды увидеть на Вейланде, только более упорядоченное. Но в конечном счете ей стало трудно поддерживать состояние самоиндуцированной паники, и Кира позволила маске сползти с лица – а вместе с ней исчезло и зрелище электромагнитных полей.

Что ж, она не совсем одна: тут есть Эндо и есть «скинсьют», ее молчаливый спутник, прилепившийся к ней паразит, живой и смертоносный. Этот союз не назовешь дружбой, но они соединены, как сиамские близнецы.

Прежде чем перегрузка закончилась, Кира позволила себе съесть одну из рационированных порций. Это был последний шанс поесть, ощущая при этом вес, и ей не хотелось его упустить.

Она поела в маленькой кухонной зоне. Потом снова заварила челл и растянула его по глоточку почти на час. Внутри шаттла слышалось лишь ее дыхание да глухой рев ракетных двигателей – и тот скоро смолкнет. Краем глаза она поглядывала на криокамеры в кормовой части «Валькирии» – холодные, неподвижные, снаружи не разглядеть спрятанные в них замороженные тела. Кира напоминала себе, что она тут не одна, хотя в данный момент Орсо и все прочие больше походили на глыбы льда, чем на людей.

Эта мысль вовсе ее не ободрила. Кира сильно вздрогнула и ударила головой о стену, она же пол.

Череп пронзило болью, Кира передернулась, на глазах выступили слезы.

– Черт побери! – пробормотала она.

Она все еще двигалась слишком быстро, не привыкнув к перегрузке, вот и поранилась. И не в первый раз – на руках и ногах десятки синяков и шишек. Чужь защищала ее от больших бед, но на такие маленькие постоянные проблемы это существо, видимо, не обращало внимания.

И как такое выдерживают жители Шин-Зара и других планет с высокой гравитацией? Генномодификация помогает им выживать и даже благоденствовать при значительных перегрузках, и все же Кира с трудом могла себе представить такие условия...

– Внимание, – произнес Эндо, – невесомость наступит через пять минут.

Кира избавилась от бутылочки из-под челла, собрала с полдюжины термоодеял из шкафчиков и отнесла их в кабину пилота. Обмотала одеялами кресло пилота, подготовив себе уютный кокон. Рядом с креслом закрепила ружье, запас провизии на неделю, влажные салфетки и прочие вещи, которые могли ей понадобиться.

Легкая дрожь пробежала по кораблю, и ракетные двигатели отключились, оставив Киру в блаженной тишине.

Желудок поднялся к горлу, комбинезон растопырился, как будто надутый воздухом. Стараясь удержать свой обед, уж какой был, от появления на бис, Кира свернулась на застеленном термоодеялами кресле.

– Отключаю второстепенные системы, – сообщил Эндо, и огни в отсеке для экипажа выключились, осталась лишь легкая подсветка приборной панели.

– Эндо, – сказала Кира, – понизь давление в кабине до эквивалента двух с половиной тысяч метров от уровня моря по земному стандарту.

– Мисс Наварес, на такой высоте...

– Мне известны побочные эффекты, Эндо. Более того, я на них рассчитываю. Выполняй!

За спиной усилился шорох вентиляторов, Кира почувствовала легкий ветерок – воздух уходил в вытяжку под потолком. Она включила связь:

– Щеттер, перегрузка только что прекратилась. Через три часа мы совершим сверхсветовой переход. Прием.

Три часа понадобится, чтобы термоядерный реактор остыл и чтобы радиаторы «Валькирии» охладили шаттл до близких к нулю температур. Все равно в сверхсветовом пространстве шаттл перегреется два или три раза – в зависимости от того, насколько Кира будет активна. При перегреве «Валькирия» будет возвращаться в обычное пространство и сбрасывать избытки тепловой энергии, прежде чем продолжить перелет. Иначе все на борту сварятся заживо.

Расстояние между «Валькирией» и Адрой сказывалось сейчас в трехминутных задержках между репликой и ответом. Наконец послышался голос Щеттер:

– Вас поняла, Наварес. Проблемы есть?

– Ответ отрицательный. На борту полный порядок. А у вас?

Майор, насколько было известно Кире, все еще ждала в спасательной капсуле, чтобы Иска вернулся за ней.

– Ситуация под контролем. Мне удалось сделать шину. Позволит опираться на сломанную ногу. Прием.

У Киры сочувственно заныла нога. Боль, наверное, адская.

– Когда Иска доберется до базы? Прием.

– Завтра вечером, если не возникнет проблем. Прием.

– Хорошо, – сказала Кира. – Щеттер, а что сделали с телом Алана?

Этот вопрос тревожил ее весь день.

– Его останки доставили на «Смягчающие обстоятельства», как и останки других погибших. Прием.

Кира прикрыла глаза. Значит, у Алана было огненное погребение, достойное короля викингов: пылающий корабль унес его в вечность.

– Ясно. Прием.

Они продолжали обмениваться сообщениями еще несколько минут: майор подсказывала, как облегчить перелет, Кира давала советы, как выжить на Адре. Даже на майора, подумала Кира, тяжким бременем давит эта ситуация.

Наконец Кира спросила:

– Скажите мне, Щеттер: что Карру удалось выяснить насчет ксеноорганизма? Без этой чуши про «засекреченную информацию». Прием.

На том конце линии послышался вздох.

– Чужак состоит из полуорганического вещества, подобного которому мы никогда не встречали. Рабочая гипотеза: эта оболочка на самом деле представляет собой совокупность чрезвычайно сложных наноборщиков, однако изолировать отдельный элемент так и не удалось. Это вещество активно сопротивляется любому анализу. Стоит поместить пару молекул на чип, и они ломают чип или же прожигают его насквозь и исчезают или замыкают электрическую цепь. Ну, вы поняли.

– Что-нибудь еще? – спросила Кира

– Больше ничего. Нам очень мало удалось сделать. Карр был одержим желанием найти источник энергии чужака. По-видимому, он не получает питания от вас. Наоборот, отдает вам энергию, а значит, он должен ее каким-то образом генерировать.

Тут вмешался Эндо:

– Предстоит сверхсветовой переход. Пятиминутная готовность.

– Щеттер, мы вот-вот минуем марковский предел. Пора прощаться. Удачи вам и Иске. Надеюсь, вы справитесь.

И после короткой паузы Кира приказала:

– Эндо, вид с кормовых камер.

Экран перед ней ожил, и теперь она могла видеть то, что шаттл оставлял позади: Зевс и его луны, в том числе Адрастея, превратились в скопище ярких точек чуть правее и вскоре растворились в темноте.

Перед мысленным взором всплыло лицо Алана, горло сдавила судорога.

– Прощай! – прошептала она.

Затем она стала поворачивать камеру, пока на дисплее не появилась звезда этой системы. Кира смотрела на звезду, понимая, что едва ли ей суждено увидеть ее вновь. Сигма Дракона, восемнадцатая в этом созвездии. Когда Кира впервые наткнулась на название этой звезды в докладе компании, оно ей понравилось: оно, казалось, сулило увлекательные приключения, может быть, и опасность – небольшую... Теперь же оно казалось роковым, как будто дракон собрался пожрать все человечество.

– Покажи мне вид с носовых камер.

Экран переключился на вид перед шаттлом. Без имплантов Кира не сразу зафиксировала цель своего пути: маленькую красновато-оранжевую точку в центре экрана. На таком расстоянии две звезды сливались в одну, но Кира знала, что летит к ближайшей из них.

И тут с сотрясающей силой обрушилось понимание: как далеко заветная Шестьдесят первая Лебедя! Несколько световых лет – даль, превосходящая воображение, – и даже со всеми возможностями современных технологий это пространство остается огромным и страшным, а ее шаттл – крошечная пылинка, летящая в вакууме.

– Вас поняла, Наварес. Благополучного пути. Конец связи.

Негромкий вой донесся с кормы: марковский двигатель наращивал мощность.

Кира оглянулась через плечо. Двигатель она увидеть не могла, но могла себе его представить: большой черный шар, тяжелый, грузный, по ту сторону противорадиационного экрана

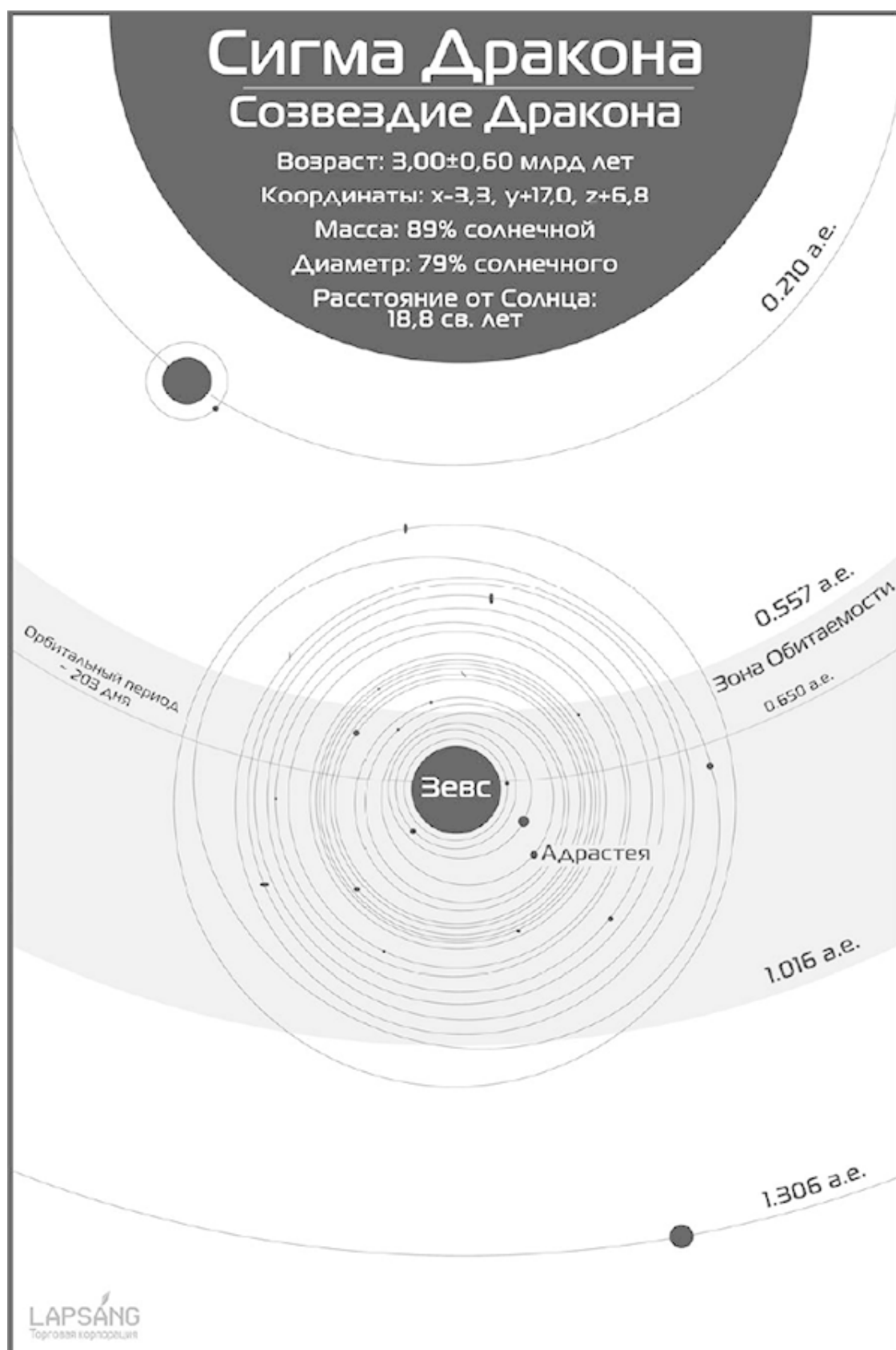
корабля – коварная жаба, притаившаяся где-то в межстенном пространстве. Как обычно, при мысли об этом устройстве ее пробил дрожь. В драгоценных граммах антиматерии таилась радиоактивная смерть – стоит магнитным бутылкам отказать хоть на миг, и все в шаттле погибнут. Непостижимым образом двигатель скручивал материю и энергию, чтобы войти в пространство сверхсветовых скоростей. И это всегда пугало Киру и заставляло задуматься: что же происходит с людьми, пока они спят в сверхсветовом пространстве?

На этот раз она выяснит.

Вой нарастал. Голос Эндо:

– Сверхсветовой переход через пять секунд... четыре... три... две... одну.

Вой достиг пика, и звезды исчезли.

Интерлюдия I

1

Вместо Млечного Пути появилось искаженное отражение шаттла – смутная, темная масса, подсвеченная лишь слабым мерцанием кабины. Кира видела в лобовом стекле саму себя, пятно бледной кожи, зависшее над контрольной панелью, – как будто лицо ее отодрали от черепа.

Ей никогда не доводилось своими глазами видеть марковский пузырь: в момент скачка она всегда находилась в криосне. Кира помахала рукой, и ее исковерканный двойник повторил то же движение.

Ее завораживало совершенство зеркальной поверхности: она была гладкой даже не на уровне атомов, а на планковском уровне. Ничего более гладкого не могло существовать, ведь пузырь состоял из искривленного пространства-времени самого космоса. А по другую сторону пузыря, по ту сторону этой бесконечно тонкой мембраны – немыслимость сверхсветовой Вселенной, столь близкой и в то же время столь далекой. Эту Вселенную Кире не суждено увидеть. Ни один человек никогда ее не увидит. Но она знала, что эта Вселенная существует – огромное чуждое пространство, которое роднили со знакомой ей реальностью лишь гравитация и ткань пространства-времени.

– Зазеркалье, – пробормотала Кира.

Старинное присловье покорителей космоса, точность которого она до той поры не осознавала. В отличие от обычного пространства-времени, марковский пузырь не был полностью непроницаемым. Происходила утечка энергии изнутри наружу (чрезвычайно велик был перепад давлений). Энергии утекало немного, но все-таки сколько-то утекало, и это к лучшему, поскольку снижался перегрев. Иначе «Валькирия», да и любой космический корабль, не продержалась бы в сверхсветовом пространстве дольше нескольких часов.

Кира припомнила объяснения школьного учителя физики: «Перемещение со сверхсветовой скоростью подобно движению одновременно по обоим катетам». Этот парадокс поразил ее, и чем глубже она осваивала математику, тем яснее понимала, насколько он точен.

Еще несколько минут она следила за своим отражением. Потом, вздохнув, затемнила переднее стекло, и оно сделалось матовым.

– Эндо, полное собрание произведений И. С. Баха, начиная с Бранденбургских концертов. Когда закончится, включи повтор. Уровень звука – третий.

Вступили первые аккорды, мягкие и точные, и Кира начала успокаиваться. С Бахом, с холодной, математической точностью перехода от темы к теме она всегда ощущала сродство: он строил, исследовал и преображал. И концовка всегда была исчерпывающей, полностью удовлетворяющей. Никакой другой композитор не вызывал у нее подобного чувства.

Музыка – единственная роскошь, которую она собиралась себе позволить. Если не включать слишком громко, большого объема тепла при этом не выделится, а поскольку Кира не могла читать или играть с помощью имплантов, нужно же ей было что-то, чтобы не рехнуться за долгие одинокие дни. Будь у нее при себе концертина, могла бы попрактиковаться, но поскольку концертин нет...

В любом случае успокоительная музыка Баха в сочетании с низким давлением воздуха в кабине помогут уснуть, а это необходимо: чем больше она будет спать, тем быстрее будут проходить дни и тем меньше пищи ей понадобится.

Кира подняла правую руку, подержала ее перед лицом. «Скинсьют» был темнее окружающей ее темноты, тень внутри тени, он воспринимался скорее как отсутствие чего-либо, чем как реальность.

Ему надо бы дать имя. Спасть со «Смягчающих обстоятельств» – поразительное везение. И захватчик ее не убил, и взрыв, и разгерметизация... Сколько раз уже чужь спасает ее. Хотя, конечно, не будь чужи, она бы и вовсе не оказалась в такой ситуации...

И все же Кира чувствовала некоторую благодарность к своему «скинсьюту». А также уверенность, что он обеспечивает ей бо2льшую безопасность, чем броня морпеху. После того, что они прошли вместе, чужь заслужила собственное имя. Но какое?

Этот организм – клубок противоречий: он и оружие, и защита. Может становиться и жестким, и мягким. Может течь, как вода, и затвердевать, как металлическая балка. Это механизм, но в то же время живое существо. Столько переменных нужно принять во внимание. В одно слово их не вместить. Кира попыталась сосредоточиться на самом очевидном качестве «скинсьюта» – его внешнем виде. Поверхность его напоминала обсидиан, хотя и не была настолько стеклянной.

– Обсидиан, – пробормотала она и мысленно подтолкнула это слово к чужи, стараясь, чтобы та поняла. – Обсидиан.

Чужь отреагировала.

Хлынула волна разрозненных образов и чувств. Поначалу Кира растерялась – по отдельности каждый из этих образов вроде бы не имел смысла, – но они повторялись в определенной последовательности, и Кира уловила взаимосвязь между фрагментами. Вместе они составляли язык – не из слов, но из ассоциаций. И она поняла: у чужи уже есть собственное имя.

Сложное имя, паутина переплетающихся понятий, ей понадобились бы годы, чтобы вполне их постичь, да и то вряд ли. Но когда эти понятия процеживались сквозь ее мозг, разум невольно соединял их со словами. Она ведь, Кира, человек, не более и не менее: язык такая же неотъемлемая часть ее личности, как и сознание. Слова не могли передать все сложные оттенки этого имени – да ведь она и сама не понимала всех этих оттенков, – но охватывали самые общие и очевидные его аспекты.

Кроткий Клинок.

Губы ее изогнулись в легкой улыбке. Имя понравилось. Кроткий Клинок. Она произнесла эти слова вслух, ощутила их вкус на языке. И от чужи пришел ответ: если не полное удовлетворение, то хотя бы согласие.

Теперь, зная, что у этого существа есть имя (причем не она сама его выдумала), Кира стала иначе к нему относиться. Чужь перестала быть для нее лишь помехой или потенциально смертоносным паразитом. Теперь она стала скорее... товарищем.

Существенная перемена. И незапланированная, совершенно неожиданная. С запозданием Кира поняла, что имена определяют – и меняют – все, в том числе отношения. Так бывает, когда называют подобранную собаку или кота: дав животному имя, ты обязан оставить его себе, даже если поначалу и не собирався.

Кроткий Клинок...

– И для чего же ты предназначен? – спросила она, но на этот раз не получила ответа.

Так или иначе, одно Кира знала теперь точно: те, кто дал чужи это имя, – были ли это ее создатели или сама чужь – обладали изяществом, вкусом к поэзии и умели ценить парадокс, заложенный в тех качествах и смыслах, которые она перевела на родной язык словосочетанием «Кроткий Клинок».

Удивительный мир. Чем больше она узнавала о нем, тем страннее он казался, и она уже сомневалась, что когда-нибудь найдет ответ на все свои вопросы.

Кроткий Клинок. Она прикрыла глаза, странно утешенная. Музыка Баха негромко играла, создавая фон, и Кира позволила себе соскользнуть в сон, зная, что – по крайней мере, на какое-то время – она в безопасности.

2

Небо расчерчено ромбами, ее тело обладает конечностями и чувствами, каких не было прежде. Она скользит в тихом сумраке, и она не одна. С ней рядом движутся другие – другие, кто ей знаком, о ком она печется.

Они приблизились к черным вратам, спутники остановились, и она опечалилась, потому что им не суждено было встретиться вновь. Одна она прошла сквозь врата и дальше к тайному месту.

Она двигалась, и старинный свет сиял над ней, благословляя и что-то суля. Потом плоть отделилась от плоти, и она вошла в свою колыбель, и свернулась, и стала ждать в предчувствии и готовности.

Но долгожданный призыв так и не прозвучал. Один за другим меркли и гасли светильники, в древнем хранилище воцарились холод, тьма и смерть. Собиралась пыль. Сдвигались камни. А над головой медленно менялся узор звезд, приобретая непривычные очертания.

Потом разрыв...

Падение. Мягкое падение в иссиня-черных пучинах взбухшего океана. Мимо ламп – светят, качаются, – мимо порывов тепла и холода, тихо падала, тихо плыла. И из завитков вихрящейся тьмы выступила массивная фигура, там, у Горестной грани: неровная гора, а на вершине той горы... на вершине...

Кира проснулась в смятении.

Все еще было темно, и в первый момент она не могла понять ни где она, ни как тут оказалась, лишь знала, что падает с ужасной высоты...

Она закричала, замахала руками, ударилась локтем о приборную панель возле кресла пилота. Удар привел ее в чувство, и она поняла, что все еще находится на «Валькирии» и рядом все еще тихо играет музыка Баха.

– Эндо, – прошептала она, – долго я спала?

В темноте невозможно было определить время.

– Четырнадцать часов одиннадцать минут.

Станный сон все еще обволакивал ее разум, такой причудливый, горечь в нем мешалась со сладостью. Почему чужь посылает ей такие видения? О чем пытается рассказать? Это сны или воспоминания? Впрочем, порой разница между ними бывает столь невелика, что едва ли есть смысл спрашивать.

...Плоть отделилась от плоти. Другой вопрос – и он важнее: убьет ли ее сама разлучение с чужью? Такое истолкование образов, предъявленных ей «скинсьютом», представлялось вполне возможным. При этой мысли во рту появился привкус желчи. Должен же быть способ избавиться от этого существа!

Знать бы, насколько сам Кроткий Клинок осознает все то, что происходит с тех пор, как она его нашла.

Понимает ли, что убил ее друзей? Убил Алана.

Ее мысли вернулись к первому набору образов, который навязала ей чужь: умирающее солнце, разрушенные планеты, пояс космического мусора. Оттуда ли явилась чужь? Но что-то пошло не так: случился некий катаклизм. До этого момента более-менее понятно, но дальше все расплывалось. Кроткий Клинок был соединен с захватчиком, но были ли захватчики также и создателями этого существа (и Великого Маяка) – неясно.

Киру пробила дрожь. Сколько всего произошло во Вселенной, о чем люди знать не знали. Катастрофы. Сражения. Цивилизации распространялись вдаль и вширь. Страшно подумать.

Защекотало в носу, и Кира чихнула с такой силой, что ударилась подбородком о грудь. Снова чихнула и в тусклом красном свете кабины разглядела завитки серой пыли, струившиеся от нее к вытяжке. Осторожно потрогала грудь и обнаружила тонкий слой пыли, как и в тот раз, когда очнулась на «Смягчающих обстоятельствах» во время атаки захватчиков. Проверила кресло под собой – оно цело, чужь не въелась в него.

Кира нахмурилась. На «Смягчающих обстоятельствах» чужь вобрала в себя покрытие палубы, потому что ей требовались какие-то из содержащихся в этом слое элементов – металлы, пластик, микроэлементы и так далее. То есть она была – в каком-то смысле – голодна. Но что сейчас? Углубления в кресле не появилось, а пыль – вот она. Откуда?

Ах, вот что! Она же обедала. Пыль появляется каждый раз, когда кто-то из них – неважно кто – поест.

Если так, напрашивался неприятный вывод: паразит контролирует ее пищеварительные функции, он перерабатывает поступившую в организм пищу, избавляясь от того, что ему не нужно. Пыль – инопланетный аналог покрытых полимерной оболочкой гранул, в которые высокотехнологичный скинсьют утрамбовывает фекалии человека.

Кира скорчила гримасу. Возможно, она ошибается – хотелось бы ошибиться, – но едва ли.

Отсюда вопрос: как могла эта оболочка, это инопланетное устройство разобраться в ее физиологии настолько, чтобы вмешаться в процессы пищеварения? Одно дело подключиться к нервной системе, но подсоединиться к фундаментальным биологическим процессам, в том числе к пищеварительному, в разы сложнее.

Практически все живое в галактике состоит из определенных элементов, «кирпичиков», но тем не менее каждый биом развивает собственный «язык» кислот, белков и прочих химических соединений. Невероятно, чтобы «скинсьют» мог объединиться с ней на таком уровне. То есть создатели/родители чужи развили гораздо более сложные технологии, чем Кира думала поначалу, – и если они и есть захватчики...

Конечно, возможно и другое объяснение: «скинсьют» бездумно следует собственным потребностям и в итоге рано или поздно отравит, а то и убьет Киру из-за рокового несовпадения в химическом составе.

Но и в том и в другом случае от нее тут ничего не зависело.

Пока что она не чувствовала голода. Как и необходимости облегчиться. Так что Кира снова закрыла глаза и мысленно вернулась к тому сну, перебирая те подробности, что казались наиболее важными, в поисках хоть каких-то намеков, которые помогли бы ответить на ее вопросы.

– Эндю, включи аудиозапись, – велела она.

– Включаю аудиозапись.

Медленно, тщательно выговаривая слова, Кира составила полный отчет о своем сне, постаравшись не упустить значимую информацию.

Колыбель... Горестная грань... Воспоминания звенели в ней отголосками – словно где-то вдали ударили в гонг. Но Кира догадывалась, что Кроткий Клинок еще многим собирается поделиться с ней, что он пытается передать ей некий главный смысл, и смысл этот прояснится не сразу. Может быть, если она снова уснет, Кроткий Клинок пошлет ей еще одно видение...

3

После этого время стало слипаться. Оно двигалось разом и быстрее, и медленнее обычного. Быстрее, потому что большие его куски проходили для Киры незаметно, пока она спала

или грезила в сумерках меж сном и явью. Медленнее, потому что часы бодрствования были совершенно однообразны. Она слушала бесконечно повторяющуюся музыку Баха, обдумывала данные, собранные на Адре, и пыталась сообразить, имеют ли они какое-то отношение к чужим и если да, то какое, – и погружалась в более счастливые тайники своей памяти. Ничего не менялось, ничего не двигалось, кроме ее дыхания, потока крови в жилах и еле заметного копшения мыслей.

Кира ела мало, и чем меньше ела, тем меньше хотелось. На нее снизошел всеобъемлющий покой, тело казалось отделенным и бесплотным, как голограмма. Когда она все-таки выбиралась из кресла пилота, ни сил, ни желания делать зарядку не обнаруживалось.

Периоды бодрствования становились все короче, и наконец почти все время она стала проводить в дремоте, включаясь и отключаясь, уже не зная, спит или нет. Иногда от Кроткого Клинки поступали фрагменты образов, импрессионистские вспышки цвета и звука, но развернутыми воспоминаниями, как то, о Горестной грани, чужь с ней больше не делилась.

Однажды Кира заметила, что гул марковского двигателя стих. Она высунула нос из окутывавших ее термоодеял, увидела за окном кабины россыпь звезд и поняла, что шаттл вынырнул из сверхсветового пространства, чтобы охладиться.

Если шаттл потом снова возвращался в обычный космос, эти моменты она пропустила.

Как ни мало она ела, запас провизии постепенно убывал. Пыль, высыпавшаяся из «скин-сыюта», собиралась мягкой подстилкой вокруг ее тела, повторяя его очертания, окутывая, словно плотной пеной, или же тонкими нитями поднималась к вытяжке под потолком.

А потом наступил день, когда пайки закончились.

Кира уставилась на пустой ящик, не в силах поверить своим глазам. Потом вернулась в кресло пилота, пристегнулась, сделала долгий, глубокий вдох. Холодный воздух наполнил глотку и легкие. Она не знала, сколько дней уже провела в шаттле и сколько еще предстоит. Можно бы спросить у Эндю, но ей и не хотелось знать.

Либо дотянет, либо нет. От знания цифр ничего не изменится. И Кира боялась, что ей не хватит упорства продержаться, если она получит ответ. Другого варианта, как лететь до Шестидесят первой Лебеда, не было, а волноваться о продолжительности пути – лишь добавлять себе огорчений.

Наступал самый трудный отрезок пути: без пищи. На миг Кира задумалась о предложении Орсо и о криокамерах там, на корме шаттла, но, как и раньше, все ее существо противилось подобной идее. Лучше уж голодать, чем есть другого человека. Может быть, когда она дойдет до истощения, ее понятия изменятся, но Кира так не думала.

Из пузырька, хранившегося под ее головой, Кира вытащила таблетку мелатонина, разжевала и проглотила. Сон был ее другом – еще более надежным, чем прежде. Во сне ей не потребуется еда. Хотелось бы только надеяться, что потом она действительно проснется...

Потом мысли стали путаться, и Кира провалилась в беспамятство.

4

Голод явился, как она и предвидела: острый, сокрушительный, словно чудовище терзало когтями ее внутренности. Эта боль возникала и отступала, как отлив и прилив, и каждая следующая волна была выше предыдущей. Рот наполнился слюной, и она прикусила губу: мысли о еде причиняли мучение.

Но Кира этого ждала и приготовилась к худшему.

А голод вдруг прекратился.

Прекратился и не возобновлялся больше. Тело оледенело, и Кире казалось, будто ее выпотрошили и пупок прилип к позвоночнику.

Туте, подумала она, в последний раз прибегая с молитвой к богине космических странников.

И снова уснула и больше не просыпалась. Ей снились медленные сны о чужих планетах под чужими небесами и о спиральных фракталах, расцветающих в позабытых местах.

И была тишина. И была тьма. И больше ничего не было.

Часть вторая

Sublimare⁶

Я стоял над ней на стремянке, легкий снег падал мне на щеки, я изучал ее вселенную... Мир, где даже паук отказывается сдаться и умереть, если может еще тянуть свою нить вплоть до звезды... В этом мире было нечто, что следовало сохранить и передать тем, кто вступит в последнее цепенящее сражение с пустотой. Я подумал, что необходимо тщательно записать это послание в будущее: «В дни оледенения ищите малое солнце».

ЛОРЕН АЙЗЛИ

Глава I

Пробуждение

1

Глухой удар, достаточно сильный, чтобы проникнуть в самый глубокий сон.

Потом стук и лязг, а за ними порыв холода и вспышка света, яркого, требовательного. Голоса разносились отдаленным эхом, невнятные, но, несомненно, человеческие. Небольшая часть разума Киры отмечала все это. Первобытная, инстинктивная ее часть, которая направляла к пробуждению, велела открыть глаза – открыть глаза! – скорее, а то будет поздно.

Она попыталась пошевелиться, но тело не подчинялось. Она плавала внутри самой себя, узница своей плоти, а не госпожа.

Потом она почувствовала собственный вздох, вернулись и другие ощущения. Громкость и отчетливость звуков удвоилась, словно она вынула затычки из ушей. Кожу покалывало – маска спускалась с лица. Кира выдохнула и открыла глаза.

Ударил ослепительный свет, она дернулась.

– Ох ты черт! Живая! – Мужской голос. Очень молодой, очень возбужденный.

– Не трогай ее. Позови доктора. – Женский голос. Ровный и спокойный.

«Нет, только не доктора», – подумала Кира.

Свет все так же бил в нее. Она попыталась прикрыть глаза, но руке мешало двигаться термоодеяло. Туго обмотано вокруг ее груди и шеи. Когда она успела так закутаться?

В поле зрения появилось женское лицо, огромное, бледное, словно луна.

– Вы меня слышите? Кто вы? Вы ранены?

– Ч-ч-ч, – голосовые связки никак не включались. Она могла лишь невнятно хрипеть.

Кира попыталась высвободиться из термоодеяла, но и тут потерпела поражение. Упала на спину, усталая и обескураженная. Что... где?..

На миг свет был заслонен мужским силуэтом, и раздался голос с выраженным акцентом:

– Вас нужно доставить в медотсек.

– Айш! – Женщина отошла в сторону

Пальцы, тонкие, теплые пальцы ощупали руки, бока и лимфатические узлы под челюстью, и ее извлекли из кресла пилота.

---

⁶ Это латинское слово означает «возвышать, восхвалять», а в химии также «сублимировать».

– Ого! Какой у нее скинсыют, глянь-ка! – воскликнул тот, кто моложе.

– Разглядывать потом будешь. Помоги перенести ее в медотсек.

Еще чьи-то руки прикоснулись к ней и развернули головой к воздушному шлюзу. Кира попыталась выпрямиться, но врач – это же, наверное, был врач – сказал:

– Нет-нет. Отдыхайте. Не надо двигаться.

Сознание то меркло, то возвращалось.

Ее несли через воздушный шлюз... по белому, гармошкой, телескопическому трапу... потом коричневый коридор, подсвеченный обтерханymi светодиoдными полосами... и, наконец, маленькое помещение со шкафчиками по всем стенам и оборудованием. И там, кажется, медикобот у стены?

2

Резкий рывок вернул Киру к полному осознанию реальности. Впервые за многие недели – ощущение веса, благословенная сила тяжести.

Она сморгнула и огляделась по сторонам – уже бодрая, хоть и слабая.

Она лежала на медицинской кровати, пристегнутая ремнем поперек бедер, чтобы не упала и не уплыла, пока корабль был в невесомости. Под самый подбородок подтянута простыня (она по-прежнему оставалась в комбинезоне). Над головой горели светодиодные лампы, и к потолку был прикреплен медикобот. Это напомнило Кире пробуждение в изоляторе на Адре...

Но нет, здесь все иначе. В отличие от изолятора на исследовательской базе, тут помещение тесное, не больше кладовки.

На краю металлической раковины сидел молодой человек. Тот самый, чей голос она недавно слышала? Тощий, долговязый, рукава оливкового комбинезона завернуты, выставя напоказ мускулистые предплечья. Штанины тоже завернуты; между их отворотами и обувью торчат красные носки в полоску. На вид ему не было и двадцати, но тут она могла ошибаться.

Между Кирой и юношей стоял высокий смуглый мужчина. Врач, угадала она: на шее у него висел стетоскоп. Руки длинные, беспокойные, пальцы мечутся, словно проворные рыбки. Вместо комбинезона он был одет в серо-голубую водолазку и брюки в тон.

Ни этот наряд, ни наряд юноши не были униформой. Явно не из военных. И не из персонала «Гидротека». Временные работники или вовсе фрилансеры? Это сбивало с толку. Если она попала не на газодобывающую станцию, то где же она оказалась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.